АЛЕКСАНДР
БЛОК

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

АЛЕКСАНДР БЛОК

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1955

АЛЕКСАНДР БЛОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Вл. Орлова

ПОЭЗИЯ БЛОКА

1

«Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу...» — сказал однажды Александр Блок. Он был строг и требователен к искусству и сам служил ему преданно и самозабвенно, в полную меру своих сил.

Великое в искусстве переживает явления общественной жизни, его породившие; мелкое и случайное — умирает вместе с ними. После смерти Блока прошло без малого тридцать пять лет — целая эпоха, исполненная событий всемирно-исторического значения. Между Блоком и нами легли годы созидания в нашей стране нового общества и новой культуры, годы труднейших испытаний и величайших побед. Эти годы не прошли бесследно для нашего понимания и нашей оценки Блока. Теперь для нас шире раскрылся просторный, многокрасочный и многозвучный мир его поэзии.

Время учинило суровую проверку творчеству поэта, и теперь мы можем сказать, что оно эту проверку выдержало. То преходящее, что было порождено в творчестве поэта влиянием эпохи, среды, литературной моды, отжило свой век и безвозвратно отошло в прошлое. Но живут и всегда будут жить высокие, благородные человеческие чувства, живая, горячая человеческая страсть, нежная и преданная любовь к родине и родному народу — все, что с такой могучей художественной силой выразил Блок в своих стихах и поэмах.

Всякий действительно большой художник непременно открывает нечто новое в человеческой жизни, находит выражение тем чувствам и мыслям, которые еще не были выражены в искусстве

до него. То новое, что внес в искусство Блок, определяется особенностями исторического развития России в эпоху империализма и пролетарских революций.

Александр Блок родился в 1880 г., умер в 1921. Жизнь России за эти сорок лет ознаменовалась величайшими социально-политическими событиями и историческими сдвигами. Промышленный подъем и рост рабочего класса, новые формы освободительного движения и создание большевистской партии, поражение царской России в войне с Японией, революция 1905 года и тяжелое время реакции, затем — новый подъем революционной борьбы, империалистическая война и свержение самодержавия, Великая Октябрьская революция и гражданская война — таковы эти решающие события и сдвиги. Свидетель великого исторического рубежа — «всемирной смены двух всемирно-исторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма» *(Ленин),* Александр Блок отразил в своем творчестве существенные черты этого бурного, переломного времени, и отблеск русской революции лежит на его стихах и поэмах.

Накануне самого грандиозного в истории человечества революционного перелома Александр Блок на языке поэзии гениально выразил неотступно владевшее им чувство тревоги — острое ощущение исторической обреченности старого мира, предчувствие приближающихся и неотвратимых «неслыханных перемен»:

И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи.
Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?..

Ни один другой поэт начала XX века (ни в России, ни на Западе) не раскрыл с такой широтой душевный мир человека, потрясенного предельно обострившимися социально-историческими противоречиями эпохи и охваченного ощущением ее катастрофизма:

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы...

Поэзия Александра Блока — столь значительное явление русского и мирового искусства, что для того, чтобы выяснить ее объективное идейное содержание, индивидуальную художественную специфику и историческое значение, необходимо прежде всего отрешиться от традиции рассматривать ее лишь в масштабах ее хронологической современности, в тесных границах того литературного течения (символизма), к которому формально принадлежал поэт.

Блок — это не случайное и не частное явление. Это — истинно великий, национальный поэт, классик русской поэзии. И понять общий смысл его искусства можно лишь при том условии, если применить к нему большой исторический масштаб, если рассматривать его в соотнесении с общим процессом исторического развития русской поэзии. Блок весь — в широком и бурном потоке великой русской литературы с ее традициями, темами, идейно-художественной проблематикой, а не в маркизовой луже символизма.

Блок — поэт очень сложный и противоречивый. Мировоззрение его по самой природе своей было идеалистическим, и действительные, объективные связи и закономерности общественного бытия оказались для него недоступными. Чувствуя неблагополучие старого, буржуазного мира и кризис его культуры, понимая, что дни этого мира уже сочтены, Блок глубоко верил в будущее, в то, что должен наступить «новый век», который совершенно изменит лицо жизни. Но очертания будущего оставались для поэта в значительной мере неясными.

Однако, при всех идейных заблуждениях Блока, в творчестве его в конечном счете побеждала большая чуткость к жизни, замечательно острое чувство истории и действительности. Не затушевывая и не сглаживая противоречий, слишком явно сказавшихся в мировоззрении Блока и так и не изжитых им до конца, нельзя вместе с тем не видеть, что к вершинам своего творчества он пришел не только независимо от причастности своей к символизму, но вопреки ей. Только отрешаясь от канонов символизма, создавал он истинные и бессмертные художественные ценности. Все, что есть в творчестве Блока действительно замечательного и что делает его национальным поэтом, было преемственно связано не с темными декадентско-символистскими теориями (которые только задерживали творческий рост поэта и препятствовали его окончательному переходу на позиции общенародного искусства), но с лучшими гуманистическими, демократическими и революционными традициями классической русской литературы.

Блок разделил свою лирику на три книги, причем это было не

механическим разделением «собрания стихов» на три части, но каждая книга, как настойчиво указывал поэт, знаменовала определенный этап пройденного им творческого пути.

Конечно, и в первой книге, а тем более во второй Блок был уже большим и самобытным поэтом, создавшим свою собственную художественную систему и во многом обогатившим русскую поэтическую культуру. Но только в свете блистательных творческих открытий и достижений, осуществленных в лирике третьего тома, в поэмах «Возмездие» и «Двенадцать», в драме «Роза и Крест» — получают полный смысл и окончательное значение все предшествующие этапы творческого пути поэта.

В настоящем кратком очерке сделана попытка дать общую, суммарную характеристику творческого метода Блока как целостной художественной структуры. Такое задание позволяет не останавливаться специально на вопросах идейно-творческой эволюции поэта, не прослеживать сколько-нибудь подробно процесс формирования, роста и становления его художественного сознания, но сосредоточиться на тех его произведениях, в которых он достиг вершин своего искусства и которые в нашем представлении освещают все его творчество в целом.

«Путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой», — доказывал Блок. И был глубоко прав, потому что, хотя и случались на этом пути и остановки и довольно крутые повороты, была в нем перспективная прямизна и неуклонность. Отдельные произведения поэта суть стадии последовательного и неуклонного идейно-художественного развития, и вне связи с «основным устремлением» пути их невозможно ни понять, ни оценить как должно.

Блок начал с лирики, индивидуалистическая и субъективистская сущность которой носила обнаженно демонстративный характер. Юный поэт, погруженный в свои крайне хаотические душевные переживания, проникся верой в возможность религиозно-нравственного преображения мира и в духовное обновление человечества. «Стихи о Прекрасной Даме», по определению самого Блока, это «сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь». Это — «одиночество, мгла, тишина — закрытая книга бытия, которая пленяет недоступностью, дразнит странным узором непонятных страниц», в которой «все будущее — за семью печатями». В 1903 г. Блок признавался с завидной откровенностью, что «страдает крайним индивидуализмом» и «не чувствует участия народа и общества» в том, что составляет предмет его духовных исканий.

А кончил Блок (всего лишь через пятнадцать лет после этого признания) мощным поэтическим утверждением всемирно-исторического значения и мирового размаха русской пролетарской революции и патетическим обращением к старому миру как бы от лица всего освободившегося русского народа. В январе 1918 г. в поэме «Двенадцать» и в революционно-патриотической оде «Скифы» Блок выступил как народный поэт-трибун, который обрел высокое право говорить от лица и от имени своего народа, провозглашая миру новую историческую правду, рожденную Великой Октябрьской революцией. Из лирической речи от лица «я» поэзия Блока стала речью от лица «мы» — частушечно-песенной в «Двенадцати» («Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем. . .») и ораторской в «Скифах» («Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! . .»).

Это разительное изменение основной поэтической интонации Блока находит объяснение в не менее резком и знаменательном сдвиге, происшедшем в общественном сознании поэта. Сущность этого сдвига раскрывается хотя бы в следующем высказывании Блока: «Новая движущая сила — не личность, а масса» (VIII, 112).[1]

Творчество Блока в его развитии от индивидуализма и субъективизма «Стихов о Прекрасной Даме» к широкому социально-историческому охвату «Двенадцати» и «Скифов» составляет важнейшую главу в истории русской поэзии нового времени. «Основное устремление» индивидуального творческого пути Блока отвечало тенденциям исторического движения всей передовой русской поэзии, отвечало тому главному направлению, в котором развивалась она от Пушкина до Маяковского. В этой связи и возникает важный вопрос о соотношении творчества Блока с поэтическими традициями XIX века.

Это был век замечательных побед реалистического искусства, разрушившего гегемонию романтизма с его культом свободной и своевольной личности. В противовес романтической философии частного, единичного, индивидуального и субъективного реализм выдвигал и обосновывал в качестве главной художественной идеи понятие общего, коллективного и объективного. Начиная с Пушкина реализм ставил своей задачей не только раскрыть характер человека, но и истолковать его — исторически и социально, а именно — объяснить человека воспитавшей его средой, объяснить частное об-

---

[1] Ссылки сделаны на двенадцатитомное «Собрание сочинений» Блока (1932—1936); римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

щим, личное — общественным, субъективное и индивидуальное — законами коллективного бытия, жизнью общества, народа.

Это было великим завоеванием художественной мысли человечества. Но при всем том критический реализм XIX века, обосновав понятия среды и типичности, объясняя характер человека объективными условиями общественного бытия, все же решал данную проблему еще не во всем ее объеме. В творчестве критических реалистов личность, хотя и объяснялась средой, но, как правило, находилась с ней в антагонистических отношениях. Герой литературы критического реализма — это по преимуществу человек, так или иначе преодолевающий сопротивление косной, дурной, реакционной среды, часто — борец за новое, прогрессивное, выступающий против общества, живущего старым законом и обычаем.

Тем самым в литературе критического реализма, разрушившей романтический культ отъединенной от общества личности и установившей причинно-следственную связь между средой и личностью, сама проблема индивидуализма осталась не снятой и заключала в себе глубокое противоречие, поскольку основной пафос этой литературы состоял все же в отделении личности от среды, а не в гармоническом их слиянии. Белинский утверждал еще, что «человеческая личность выше истории, выше человечества» и что «судьба субъекта, индивидуума, личности — важнее судеб мира» (письма к Боткину, 1840—1841 гг.).

Правда, литература критического реализма, начиная уже с Гоголя, настойчиво старалась преодолеть это противоречие и ставила перед собой задачу синтеза личности и среды, слияния начал личного и общественного, индивидуального и коллективного, частного и общего. Гоголь, надолго определив генеральную линию развития русской реалистической литературы, предпринял смелую и грандиозную попытку сделать объектом своего изображения не только человека как личность, как отдельную индивидуальность, но самое *среду,* создав целостный образ коллективного бытия общества, народа (в «Тарасе Бульбе», в «Мертвых душах»).

В дальнейшем русская передовая литература, стремясь разрешить все более и более обнаруживавшееся в критическом реализме противоречие между индивидуальностью и общественностью, достигла на этом пути весьма заметных успехов. И все же в XIX веке задача эта так и не была решена полностью, несмотря на все усилия и достижения Некрасова, Чернышевского, Толстого, Достоевского и Чехова. Ибо для полного решения задачи необходимо было, чтобы сам художник осознал себя как частицу целого, чтобы он стремился слиться воедино с коллективным бытием народа и в этом

слиянии обретал бы подлинное утверждение своей личности. Ведь даже Некрасов — самый народный поэт XIX века, наделенный столь глубоким демократическим чувством, не сумел до конца преодолеть мучившее его противоречие между «личным» и «общественным». Отсюда — так трагически звучащая в его творчестве тема личной «вины» поэта и надежды его на то, что «вина» эта простится ему «за каплю крови, общую с народом».

Лишь новые общественно-исторические условия, которые сложились под знаком активной деятельности народных масс, поднявшихся на сознательную борьбу за свои права и свое будущее, создавали почву для полного и принципиально нового решения данной проблемы. Этим новым решением предусматривалось, что личность не только не противопоставляет себя среде, но утверждает себя как элемент *самой* среды, как органическую частицу коллективного исторического и общественного бытия, как единичное проявление жизни всего народа. Этот аспект личности открыл для мировой литературы Горький, и его открытие стало важнейшим принципом искусства социалистического реализма.

Только новое, социалистическое самосознание могло породить действительно новую поэзию. Только поэт, осознавший себя частицей целого (общества, народа, человечества), мог открыть и утвердить исторически новую поэтическую систему, принципиально отличную от индивидуалистической лирики буржуазной эпохи. Решить эту задачу выпало на долю Маяковского, который на редкость точно и конкретно выразил новое понимание личности, сказав, что она «каплей льется с массами». Лирика Маяковского, вся его поэзия в целом — это голос личности, осознавшей себя элементом общественной среды, «каплей» народной массы, глашатаем ее интересов, участником ее жизни и борьбы.

Но в искусстве не бывает единственных решений. К постановке и решению данной проблемы, к воплощению диалектического единства частного и общего подходил в своем зрелом творчестве и Александр Блок, — хотя и шел он своим особым, окольным путем.

Из сказанного вовсе не следует, что Блок стал законченным поэтом-реалистом по своему художественному методу. Но основной темой и содержанием его поэзии была общественно-историческая *реальность* — русская жизнь в предреволюционную эпоху и реальный, исторический человек этой эпохи. Также, конечно, мы не хотим сказать, что Блок достиг вершин революционно-демократической идейности и народности Некрасова. Нет, конечно, Некрасов острее, чем Блок, переживал горе и страдания народа и сильнее реагировал на них душевно. Речь идет о другом — о природе и типе само-

сознания поэта. Суть всего идейно-творческого развития Блока заключалась в преодолении им принципа субъективности, в открытом тяготении к миру объективной действительности, которую он понимал как единое объективное бытие, включающее в себя всякую личность, и личность поэта — в частности. Пользуясь его же образным выражением, можно сказать, что сердце его было сейсмографом, который чутко реагировал и на личное и на «мировое» одновременно и одинаково.

Своим художественным методом и своими художественными средствами зрелый Блок стремился решить ту громадную задачу, которую ставила перед искусством XX века сама жизнь, сама эпоха великих исторических сдвигов, социальных катастроф, революционных битв — эпоха, породившая искусство Горького и Маяковского. Своим окольным путем Блок также пришел к пониманию того, что жизнь целого — общества, народа — заключена в частной судьбе человека, составляющего органическую частицу этого целого. «В каждом дышит дух народа», — говорил Блок, то есть человек есть не только следствие среды, но и сама среда, не только «сын народа», но и сам народ в личном аспекте.

Идеалистическое мировоззрение Блока обусловило неполноту его решения проблемы личности и народа. Народ в понимании Блока это некая абстракция, народ «вообще», определяемый им вне социальных и классовых категорий. Здесь — граница, отделяющая Блока от Горького и Маяковского. Но сама постановка данной проблемы в творчестве Блока открывала перспективы ее полного и верного решения.

2

Вопрос о соотношении частного и общего, личного и «мирового» очень рано возник в творческом сознании Блока и навсегда остался для него, может быть, самым волнующим вопросом. Синтез личной жизни, творчества и исторического бытия мира на всех этапах творческого пути Блока был его главной целью. С течением времени менялось лишь понимание сущности такого синтеза, а потому и понимание путей к достижению его.

В ранней юности Блоком уже овладело романтическое чувство причастности поэта «всемирной жизни», но само соотношение личного и «мирового» в тогдашней трактовке его носило глубоко мистифицированный (тем самым — искаженный) характер. Испытав сильное влияние идеалистической философии и мистики Вл. Соловьева, юный Блок увлекся фантастической идеей слияния инди-

видуальной души со всеобщей и единой «Мировой душой» — неким одухотворяющим началом вселенной. В ту пору поэт еще начисто выключал из понятия общего и целого такую категорию, как народ. Общее для него — абстрактно воображаемый, не наполненный никаким социально-историческим содержанием «мир», «вселенная», даже шире того — «космос». «Мир для мистика *ближе*, чем народ, — утверждал тогда Блок, — целое понятнее части, макрокосм (мир), как и микрокосм (личность), ближе, чем все посредствующие между ними звенья (общество — народ — земной шар!)». [1]

«Я и мир», «Вселенная — моя отчизна» — таковы поэтические формулировки, в которые Блок пытался облечь владевшее им чувство общности и единства человека с «мировой жизнью», с космосом. «Всегда брежжит в памяти иной смысл, когда кругом отбивается такт мировой жизни», — писал он в 1902 г. Только для земной, реальной жизни с ее повседневными горестями и радостями в этой широкой картине почти вовсе не находилось места.

Основное идейно-психологическое содержание юношеской лирики Блока и сводится именно к этому мистическому, «невыразимому» ощущению таинственной общности индивидуальной человеческой жизни с космическим бытием вселенной. Иллюзорный идеал юного Блока — гармония будущего, преображенного мира и целостный, гармонический человек будущего, причастный «всемирной жизни». В «Стихах о Прекрасной Даме» выражено в личном переживании ощущение вечного всемирного бытия, которое якобы способно открыть перед человеком путь из окружающего его мрака «глухой ночи» к «вселенскому свету» грядущего дня:

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Так в сознании поэта, затуманенном мистикой, происходила подмена трезвого понимания реальных закономерностей общественно-исторического развития — утопическими надеждами на некое вселенское чудо, воплощающееся в образе далеких и манящих «зорь». Утверждая свой иллюзорный идеал «всеединства», гармонического согласия поэта с «миром», в котором нет людей, Блок был полон надежд на чудесное преображение жизни в будущем, когда

---

[1] Ал. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 35.

...в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

Во всем этом безусловно сказалось влияние не только мистической проповеди Вл. Соловьева, но и индивидуалистической лирики XIX века (Тютчев, Фет, А. Григорьев, Полонский, тот же Вл. Соловьев), традиции которой были глубоко усвоены Блоком в ранней молодости.

Для этой лирики наиболее характерны душевные переживания личности, намеренно и демонстративно расторгнувшей свои общественные связи. Основными элементами данной поэтической системы являлись: с одной стороны — сама эта отъединившаяся от общества личность с ее индивидуальной душевной жизнью, а с другой — «мир», то есть открывающееся перед личностью зрелище вселенной, человечества, истории и действительности. Основной структурной формой в данной поэтической системе служил лирический монолог на тему: «я и мир».

Индивидуалистическая поэзия утверждала особый тип взаимоотношений между личностью и миром. С одной стороны, личность выявляла себя в лирическом «я» как пассивный зритель «мировой жизни», но не действенный ее участник. С другой стороны, сказывалось стремление личности найти способ преодоления своей отрешенности от «мировой жизни» — то в слиянии с природой, то в любви, то в сфере «чистого» умозрения. Идеалистическую и романтическую философию «причащения» индивидуальности «мировой жизни» великолепно выразил Тютчев:

Игра и жертва жизни частной,
Приди ж, расторгни чувств обман,
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь,
И жизни божески-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

Подобная философия, разумеется, была в самом существе своем ложной, поскольку сводилась к безнадежной попытке преодолеть индивидуалистическое и субъективистское мировоззрение индивидуалистическими же средствами — не путем деятельного и реального участия личности в реальной практике человеческого

общества, но иллюзорным путем расширения собственного «внутреннего опыта».

Молодой Блок отдал щедрую дань этой философии. В дальнейшем проблема соотношения личного и «мирового» не утрачивает для него своего значения, но пережитый им кризис юношеской мистической веры сказался прежде всего как раз в том, что он исторически и социально конкретизирует понятие «мировой души», суживает его до понятия «души народной» и открывает для себя новые темы — общества, народа, противоречий реального человеческого бытия.

Путь идейно-творческого развития Блока был отнюдь не легким и не гладким путем. Но он неуклонно вел поэта навстречу жизни.

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Именно это составляло пафос идейных и художественных исканий Блока. Сумерки того времени, когда жил и творил поэт, сильно затемняли его зрение. Но вместе с тем сама жизнь властно переучивала поэта и помогала ему стряхнуть с себя тяготившие его «сны».

Подъем освободительного движения в начале века не прошел бесследно и для Блока. Грозные и величественные события 1905 года произвели на него очень глубокое впечатление и в конечном счете определили все дальнейшее направление его творческого пути. Увидев «лицо проснувшейся жизни», поэт остро ощутил ненужность своих прежних «странных, *казавшихся* нужными связей с не совсем реальным». [1]

В этом смысле особенно важное значение приобретает «Балаганчик» (январь 1906 г.) — первая лирическая драма Блока, основная идея которой сводится к беспощадному гротескному разоблачению мистики, душевной зыбкости, ограниченности и пустоты замкнутого индивидуалистического мирка, отъединенного от «жизни прекрасной, свободной и светлой».

Тогда же в творчестве Блока намечается поворот к национальной проблематике. В июле 1905 г. было написано замечательное стихотворение «Осенняя воля», открывающее серию блоковских стихов о России. Здесь уже со всей силой звучит та нежная, предан-

---

[1] Ал. Блок и А. Белый. Переписка, стр. 119.

ная и полная щемящей тоски любовь к родине, которую так проникновенно выразил Блок в своей патриотической лирике:

Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Правда, в стихах второго тома еще сильно сказывались противоречия идейно-творческого развития Блока. Для него это был «переходный период» (по собственному его определению), и он ознаменовался в его поэзии противоборством двух резко враждебных начал. С одной стороны, именно в это время, в стихах, эстетизирующих городскую «повседневность», и особенно в цикле «Снежная маска», Блок в наибольшей мере вовлекается в сферу декадентско-символистских художественных воздействий. С другой стороны, с этими воздействиями в поэзии Блока борются и в конце концов решительно побеждают тенденции совершенно иного порядка — растущее чувство гражданственности и общественной ответственности, стремление отражать жизнь правдиво, не украшая и не искажая ее подлинного облика (многие стихи о городе, «Ангел-хранитель», циклы «Заклятие огнем и мраком» и особенно — «Вольные мысли»).

В 1907—1908 гг. Блок решительно пересматривает свои общественные и художественные взгляды и приходит к весьма определенным и твердым выводам. «Единственно возможным преодолением одиночества» представляется ему «приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью». Самый критерий художественности переносится Блоком в сферу социальную: «Гений — прежде всего народен». Оправдание писателя он видит в «голосе читателя»: «Это даже не слово, даже не голос, а как бы легкое дуновение души народной, не отдельных душ, а именно — коллективной души» (IX, 71).

Как результат этого пересмотра взглядов у Блока складывается убеждение, что путь выхода из опостылевшей ему «лирической уединенности» следует искать в слиянии с жизнью общества и родины. В тяжелые годы реакции Блок сохранил спасительную веру в неиссякаемые творческие силы народа, в его неугасимую волю к борьбе. В дальнейшем, в атмосфере нового подъема освободительного движения, Блок пишет «Возмездие» — поэму, проникнутую революционными предчувствиями, и в стихах о России стремится запечатлеть «новый лик» родины — юный и полный жизни. Впереди он видел широкий простор будущего, торжество «Великой Демократии», пробудившиеся к активному действию неисчислимые «силы народных масс».

Художественные взгляды Блока окончательно сформировались примерно в 1910—1911 гг. Именно в это время он констатирует, что в его отношении к миру, к жизни произошел «очень важный перелом», что сказалось и в его творчестве: «Я думаю, что последняя тень «декадентства» отошла...» Вот характерная запись того времени: «Нам опять нужна вся душа, все житейское, весь человек..: Безумно люблю жизнь, с каждым днем больше, все житейское, простое и сложное...» (Дневник).

Главный предмет искусства, в понимании Блока, это *человек,* его душа, его жизнь и борьба, его положение и участь. Писатель должен владеть хотя бы «элементарными представлениями о действительном значении ценностей — мира и человека» (X, 198). Человек в стихах Блока — почти всегда трагический, страдающий человек, замученный «страшным миром» капитализма. Но, несмотря на все свои «невольные муки» и роковые «падения», этот «обыкновенный человек» прекрасен и могуч — именно потому, что в нем «дышит дух народа». Поэтому Блок и утверждал, что обыкновенный человек «прекрасней и выше самого призрачного, самого бесплотного видения»: «Он поступает страшно просто, и в этой простоте только сказывается драгоценная жемчужина его духа» (IX, 50). Поэтому он и писал от лица своего лирического героя:

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она все сильнее...

Свой личный творческий путь Блок осмыслял как путь художественного «воплощения» своих представлений о жизни и о человеке, как «трилогию вочеловечения» (ассоциируя это понятие с тремя книгами своей лирики). В 1911 г. он писал, что «выходит из ночи, проблуждав по лесам и дебрям долгие годы» и придя наконец «к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру».[1]

К тому времени у Блока сложилось представление о художнике-артисте, творящем в гармоническом согласии с «мировым оркестром» жизни: «Творчество художника есть отзвук целого оркестра, т. е. отзвук души народной» (IX, 75). Подлинное, высокое, «артистическое» искусство — прежде всего искусство народное, доступное всем и нужное каждому. Узкая, замкнутая художественная среда не может создать «артиста»; он рождается лишь в единении с народом, в процессе «революционных, народных, стихийных движений».

---

[1] Ал. Блок и А. Белый. Переписка, стр. 261.

Реальные противоречия общественно-исторической действительности и реальные душевные противоречия исторического человека, трагическое переживание безрадостной судьбы человека в «страшном мире» капитализма и светлая, крылатая мечта о будущем, победа реакции, мещанства, смерти над свободой, народом, жизнью и приближающиеся раскаты очистительной грозы народной революции — все это стало и источником и предметом поэзии Блока.

В прологе поэмы «Возмездие» (1911) он сказал, что хочет «неспешно и нелживо» поведать людям

О том, что мы *в себе* таим,
О том, что *в здешнем мире* живо,
О том, как зреет *гнев в сердцах,*
И с гневом — *юность и свобода,*
Как в каждом дышит дух народа...

Этот пролог (в отдельной публикации знаменательно озаглавленный «Народ и поэт») — одно из важнейших произведений Блока, его художественная декларация. Здесь на первый план выдвинута тема верности поэта «здешнему миру» («Благослови на *здешний путь!* Позволь хоть малую страницу из *книги жизни* повернуть...»), неотделимая от темы «гнева» — неотвратимого революционного взрыва — и от важнейшей для зрелого Блока темы народа (ср. дальше о герое: «Его рука — в руке народной...»). Наконец, здесь развернута целая концепция долга и обязанностей художника, поэта — душевно твердого и бесстрашного, верующего в жизнь, не боящегося ее противоречий и благословляющего ее смысл:

...ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума...

Как видим, в этой художественной декларации резко подчеркнута идея *сознательности* художника: он должен не бездумно отражать «случайные черты» жизни, но выбирать из ее беспредельного

и пестрого материала главное и основное, должен владеть истинными критериями ценности, познавать мир в его целостности, единстве. Народ назван источником поэзии, творцом песни, которая таит в себе великую зиждительную силу:

Но песня — песнью все пребудет,
В толпе все кто-нибудь поет...

Поэтому художник обязан *служить народу* своим искусством. Долг и обязанность художника состоит не только в том, чтобы благословлять жизнь в «здешнем мире» (которая в *существе* своем прекрасна), но и активно, творчески участвовать в преобразовании жизни во имя будущего, помогать рождению и формированию нового человека — волевого и мужественного, с душою твердою, как алмаз. Художник обязан всегда быть на стороне юности и свободы, обязан содействовать своим искусством созреванию революционного гнева в сердцах людей.

Наконец, в полном соответствии со всем изложенным Блок говорит в прологе «Возмездия» о собственном своем оружии — о поэтическом слове. Оно, слово поэта, должно быть столь же алмазно-твердым, как и закаленная жизнью душа человека «новой породы». Пролог завершается исполненными могучей энергией стихами, в которых образно сформулировано представление о боевой, гневной поэзии, проникающей до самых глубин жизни, откликающейся на самые важные ее запросы и потому насущно нужной людям:

Созрела новая порода, —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так *бей,* не знай отдохновенья,
Пусть *жила жизни* глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, каменья!

Знаменателен самый образ поэта, запечатленный в этих громоподобных стихах, — образ поэта-рудокопа. Всем своим смыслом и содержанием образ этот полемически заострен против утверждавшегося декадентами, символистами, акмеистами и всякого рода эстетами представления о поэте как о беспечной «певчей птице» или тоскующем бездельнике, визионере, замкнувшемся в «башне» и глядящем на мир «из окна» (Бальмонт). Да и само по себе достойно внимания, что Блок, создавая свой образ художника, поэта, обра-

тился к *поэзии труда.* В этом не было для него ничего случайного: труд в его понимании был великой силой, помогающей формированию нового — свободного, духовно закаленного и «общественного» — человека. «Может быть, одиночество преодолимо только ритмами действительной жизни — страстью и трудом. Остальное — сны», — писал он в 1908 г. (письмо к М. Пантюхову).

Воплощением художественной программы, очерченной в прологе «Возмездия», и служит творчество зрелого Блока. Он не только не ставил искусства над жизнью или вне жизни, как тщились делать это декаденты, но, напротив, истинную ценность искусства видел именно и только в его жизненной достоверности и активности, в отзывчивости его на все важное, что происходит в жизни в данное время. Век, говорил Блок, прощает художнику «все грехи», кроме единственного: «Он никому не прощает одного: измены духу времени» (IX, 182). В другом случае он сказал так: «Уменье писать стихи — нехитрое уменье. Научиться владеть размером — можно, писать грамотно и даже безукоризненно — тоже не ахти как сложно и трудно. Но не каждому дано, вернее — позволено включиться в музыкальный ритм своего времени, исчезнуть в нем, раствориться и, растворяясь, говорить о том, что видишь и что чувствуешь». [1]

3

Зрелый Блок в своем творчестве исходил из представления об единстве мира, общества и человека. Он мыслил в грандиозных масштабах, связывая и сопоставляя факты из разных областей жизни и культуры с бытием всего мира в целом, с общим всемирно-историческим процессом, со всей культурой человечества.

Раскрывая в предисловии к поэме «Возмездие» существо своего художественного метода, Блок назвал целый ряд самых различных и, казалось бы, даже случайных событий и явлений русской и западноевропейской жизни в годы 1910—1911, когда была задумана и частично написана поэма. Это — смерть Льва Толстого, Врубеля и Коммиссаржевской, процесс Бейлиса и убийство Столыпина, подготовка мировой войны и массовые забастовки промышленного пролетариата на Западе, первые успехи авиации и т. д. — вплоть до «расцвета французской борьбы в петербургских цирках». Лирическое состояние самого поэта также включено в ряд этих событий, равно как и «исключительно жаркое» лето 1911 года, когда «трава

[1] Л. Борисов. О Блоке. — «Звезда», 1944, № 7/8, стр. 113.

горела на корню». «Все эти факты, казалось бы столь различные, — утверждал Блок, — для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе создают единый музыкальный напор».

Этот «музыкальный напор», по мысли Блока, и подлежал воплощению в поэзии, обладающей способностью улавливать единство и единый смысл различных конкретностей общественного бытия. Было бы неуместно полемизировать с блоковской философией истории — ненаучной, идеалистической, не отделяющей факты социальной истории от стихийных явлений природы. Но замечательна сформулированная Блоком монистичность художественного восприятия действительности, позволяющая за множеством явлений почувствовать единство мира. Множественность фактов и явлений, о которых говорит Блок в предисловии к «Возмездию», как бы интегрировалась для него в едином, слитном ощущении приближающейся всемирной катастрофы: «Уже был ощутим запах гари, железа и крови».

Эта драгоценная для поэта способность единым взором и единым дыханием охватить все, что окружает его в жизни, эта способность уловить и передать биение пульса эпохи — нашли блистательное художественное воплощение в творческой практике Блока. Принципу «единого музыкального напора» он подчинял, как увидим дальше, и свою поэтику. Даже ритмическую структуру своих стихов он ставил в тесную связь с «ритмом эпохи». «Я думаю, — писал он в том же предисловии к «Возмездию», — что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*».

Блок доказывал, что художник должен стараться представить события истории «в свете того поэтического чувства, которое делает весь мир близким и знакомым» и «которое стремится охватить весь мир в целом» (XII, 171). Поэт, воспринимая и переживая действительность во взаимосвязи и взаимообусловленности всех ее явлений и событий, не только проникается ощущением единства и целостности мира, но и себя самого ощущает как часть этого всеобщего и единого целого — «ибо в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он „свое" и „не свое"» (VIII, 102).

Четкую поэтическую формулировку этого важнейшего для Блока положения находим в стихотворении «И вновь порывы юных лет...» (1912):

...через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И все уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь.

Общее — объективный мир природы и человечества, родина, народ, общественный коллектив, все, что окружает поэта в жизни, — воспринимается им только в личном переживании, но любое переживание, любая личная тема расширяется до общего, до внеличных обобщений, приобретает смысл и цену лишь в меру своей объективной общезначимости.

Блок был поэтом по преимуществу лирическим. Но как всякий подлинно великий лирик, говоря о себе и о своем, он сказал об общем. Настоящая, нужная людям лирика раскрывает, как правило, один человеческий характер, но во всем разнообразии и во всей сложности его связей с миром. Настоящий лирический поэт, говоря словами Горького, всегда — «эхо мира, а не только нянька своей души».

По поводу одного мифологического стихотворения Катулла Блок заметил, что «стихотворения, содержание которых может показаться совершенно отвлеченным и не относящимся к эпохе, вызываются к жизни самыми неотвлеченными и самыми злободневными событиями». В частности, «личная страсть Катулла, как страсть всякого поэта, была насыщена духом эпохи: ее ритмы, ее размеры, так же как ритм и размеры стихов поэта, были внушены ему его временем». Поэтому «в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой» (VIII, 101—102).

Лучшим примером этому может служить поэзия самого Блока. С величайшим искусством умел он показать в частном — типическое, в случайном — характерное, в личном — общее, в лирике — историю. Именно это глубоко присущее блоковской лирике качество, ее конкретный историзм, делает ее одним из самых выдающихся явлений русской и мировой лирической поэзии.

В поэзии Блока громадную роль играет лирическое «я». Все стихи Блока в своей совокупности — это лирическая драматизированная повесть поэта о самом себе, полная искренних признаний и биографических намеков. Сам Блок в предисловии к собранию своей лирики предлагал читателю рассматривать ее как «дневник его жизни». При этом каждое отдельное стихотворение было для Блока составной частью более крупного художественного единства — цикла, книги, наконец всей его поэзии, которую он понимал

как единое целое: «Каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы;* из нескольких глав составляется *книга;* каждая книга есть часть *трилогии;* всю трилогию я могу назвать «романом в стихах»; она посвящена одному кругу чувств и мыслей...»

В центре этого «романа в стихах» стоит образ поэта (лирического героя), который связует воедино отдельные звенья «романа», подсказывает их биографическое истолкование, служит стержнем, вокруг которого формируются и группируются лирические темы.

Образ героя претерпевает на протяжении трех томов лирики Блока существенную трансформацию. Сперва это слуга и рыцарь Прекрасной Дамы, серафический «отрок», «инок», «одинокий сын земли» и т. д., потом — «красивый юноша» или «шут Арлекин»; во втором томе — «завсегдатай ночных ресторанов» или городской неудачник, затертый в сутолоке столичного быта, или (другой аспект образа) — «потомок северного скальда», прекрасный «нищей красотою зыбучих дюн и северных морей»; наконец, в более поздних стихах, это «стареющий юноша», «угрюмый скиталец», Гамлет, «падший ангел», усталый и грустный человек — «печальный, нищий, жесткий», жертва «трагической игры страстей». Но всегда, за всеми масками и обличьями лирического героя, мы угадываем человеческое лицо поэта, с «бесстрашной искренностью» (черта, подмеченная в Блоке Горьким) повествующего о своей «трудной и праздничной» душевной жизни, о своих взлетах и падениях, победах и катастрофах:

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар...

В этом лирическом повествовании сталкиваются и пересекаются резко противоречивые смысловые планы. Сознание лирического героя расколото глубокими противоречиями — между «здешним миром» и «мирами иными», «Лучезарной Подругой» и «черной кровью», мечтой и действительностью, лицом и личинами («двойниками», «демонами»), «пророком» и «поэтом», народом и интеллигенцией, жизнью и искусством (см. «Художник», «К Музе»), музыкой из «миров иных» и «визгом цыганского напева» в модном

ресторане и т. д. Столкновение и борьба этих противоречий и составляют трагический «сюжет» лирики Блока.

Перед читателем как бы развертывается трагедия при одном герое. Драматическими, трагедийными свойствами лирики Блока объясняется в значительной степени громадная сила ее эмоционального воздействия.

При всем том лирический герой в зрелых стихах Блока вырастает в обобщенный до типичности образ реального, исторического русского человека эпохи «страшных лет России», охваченного сильным ощущением приближающегося социального катаклизма. Тема личной судьбы и «гибельной жизни» героя с течением времени все более наполнялась в лирике Блока конкретным общественно-историческим содержанием и звучала как тема разоблачения «страшного мира» капиталистической действительности.

Лирическое «я» в третьем томе стихов Блока резко отличается от субъектов лирической речи в поэзии символистов. Бальмонт, Сологуб, Вяч. Иванов и другие поэты символизма создавали свое «я» путем изощренной стилизации, окружали его разного рода громоздкими и пышными декорациями. Лирический герой у этих поэтов либо демонист, либо боговдохновенный поэт-пророк, либо «тайновидец духа», либо отрешившийся от какого-либо участия в жизни «солипсист» и т. п. Совсем иное у Блока. Герой его зрелой лирики не наделен никакими масками и костюмами, не окружен никакими декорациями. Это не жрец, не теург, не мудрец, а просто *человек* своего времени, живущий и действующий среди подобных ему.

Но этот лирический герой не безлик, а щедро наделен оригинальными, самобытными чертами. У него есть биография, свой индивидуальный характер, своя неповторимая судьба, свое собственное отношение к жизни, ко времени, к людям, к природе. Раскрывая в своих зрелых стихах не только противоречия действительности, но и душевные противоречия человека, происходящее в нем противоборство чувств, настроений, мыслей, Блок решал проблему типического образа.

Решение этой проблемы достижимо средствами лирической поэзии — в том случае, если поэт-лирик проникается «духом эпохи» и наделен чувством связи личного с общим. «Строй души», который воссоздает лирический поэт, должен нести на себе печать эпохи, раскрывать душевный мир человека, живущего, думающего и чувствующего не вне времени, но в определенной исторической обстановке. Только при этом условии образ лирического героя приобретает черты типичности — в той мере, в какой исторически достоверны и правдивы воплощенные в этом образе душевные коллизии и

поскольку в них отражены действительные жизненные противоречия, характерные для данного времени. В подлинно исторической лирике (то есть проникнутой историческим ощущением времени) поэт говорит не только о себе, но всегда «о времени и о себе», соотнося свое личное и частное с общим и целым, преодолевая равно и узкий субъективизм отвлеченных переживаний и эмпиризм внешних, разрозненных наблюдений, вырабатывая взгляд на мир как на целостное единство.

Лирика Блока воспринимается как дневник одной жизни, но границы этого дневника чрезвычайно широки. Наблюдения и раздумья, чувства и переживания, любовь и поиски утраченного счастья, воспоминания о молодости и разочарование в утешавшей некогда мечте, житейская повседневность и прелесть живой природы, образы древних культур и великого искусства (в «Итальянских стихах»), прошлое, настоящее и будущее родины — все, что волновало душу, сердце и ум поэта, все это, скрещиваясь, сливаясь в единое целое, составляет содержание этого лирического дневника.

Дыханием исторических, социальных, житейских бурь и тревог овеяны все лучшие стихи Блока, даже самые, казалось бы, лирически-интимные из них. Не только в содержании этих стихов, но и в самой их художественной ткани почти всегда есть некий реально-исторический подтекст, раздвигающий рамки лирических сюжетов, сильно расширяющий смысл поэтических образов.

Поэтому в стихах зрелого Блока каждая лирическая тема звучит не изолированно, а в общем идейно-художественном контексте его поэзии, почти всегда — в соотношении с генеральной для всего его творчества темой «страшных лет России». Недаром поэт утверждал, что «душа России» и его собственная душа едины и нераздельны и что все происходящее в России происходит также и в его душе (IX, 85).

Живое и конкретное чувство истории, чувство личного участия в ее процессе обусловило совершенно особое место, которое занимает в поэзии Блока тема родины. Тема эта то зримо, а то и незримо присутствует в подавляющем большинстве стихотворений, составивших третий том блоковской лирики. Центральный и обобщающий образ этой лирики — именно Россия, стоящая на рубеже двух миров, и вовсе не только в тех стихах, где прямо и непосредственно говорится о родине, но и во многих других. Выразительнейший пример — «На железной дороге», где из грустного рассказа о судьбе девушки, задохнувшейся от «железной тоски», возникает удивительно конкретный и емкий образ царской, предреволюционной

России со станционными жандармами, молчащими и сонными барами, плачущим и поющим народом.

Собственно лирические темы Блока объединяются с темой родины, смешиваются с нею, переплетаются, взаимно проникают друг друга. Читая стихи Блока, мы все время наблюдаем этот процесс взаимопроникновения лирических тем. К примеру, стихотворение «Посещение» есть не что иное, как воспоминание о юношеской любви поэта. Известен и реальный адресат этого лирического обращения и обстоятельства, при которых оно было написано, — и в этой связи понятны и «синие очи» и «постаревшее лицо». Однако Блок в собрании своей лирики включил это стихотворение в раздел «Родина», как бы подсказывая нам иное, более глубокое истолкование его образов. И тогда образ женщины, наклонившейся над постелью лирического героя, разрастается в образ России, которую «помнит и любит» герой. И в этой связи предельно расширяется поэтический смысл заключительных строк стихотворения:

Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было, — далеко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

«Нескончаемая ночь» — это образ исторической действительности, образ эпохи «страшных лет России», и лишь в свете этого образа понятными становятся обожженное огнем лицо героя, его испуганный взор, его остывший «одинокий очаг».

Поэтому Блок имел право и основание сказать, что все его стихи посвящены, в сущности, одной теме — теме родины. Однажды, когда на литературном вечере он читал разные свои стихи, а слушатели настоятельно требовали «стихов о России», он ответил: «Это все — о России».

При этом для понимания конкретного историзма лирики Блока очень важно учесть, что история была воспринята им не ретроспективно, не как прошлое, но как *поступательное движение современной жизни* навстречу грядущим «неслыханным переменам» и «невиданным мятежам». На собственно исторические темы он почти не писал; даже когда он касался прошлого родины («На поле Куликовом»), он связывал это прошлое с темой борьбы за *будущую* Россию:

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

Восприняв историю не в перспективе прошлого, а в движении современности, в предчувствии великих катастроф и очистительных гроз, Блок стал самым историческим поэтом в русской литературе, ибо все, что он писал, — исторично, проникнуто духом живой, каждодневно творимой истории.

«Россия — буря», — говорил Блок, и это ощущение родины как могучей и свободной стихии он гениально передал в своей лирике, в самой ее образной ткани, в проходящих через все его стихи единых по своему внутреннему смыслу образах безудержного вихревого стремления, полета, вечного движения: ветер, вьюга, снежная метель, пожар, раздуваемый ветром, бегущие по небу тучи и т. д.

Эта цепь образов тянется от ранних стихов до «Двенадцати», и вне этой символики для Блока не существует ощущения России, потому что он ощущает ее всегда только в движении, только в полете, только в устремлении вперед, в бескрайную даль будущего. И это свое ощущение бушующей повсюду «бури и тревоги» Блок выражал специфическими средствами стиха — образами, лирически окрашенным пейзажем, самим ритмом и темпом стиховой речи: «Идут, идут испуганные тучи. . .», «Летит, летит степная кобылица. . .», «Вдруг под ветром взлетел опадающий лист, раскачнувшись, фонарь замигал. . .», «Ветер, ветер на всем божьем свете. . .» и т. п.

Сюда же относится и другой ряд образов, также проходящих через всю лирику Блока и имеющих столь же определенный и устойчивый смысл. Это образы дороги — «долгого пути», что лежит перед родиной:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь. . .

Мотив «пути», «дороги» в лирике Блока всегда связан с идеей служения чему-то высокому и благородному, с идеей жизненного призвания человека, его нравственного долга.

«Буря жизни», охватившая весь мир, завихрила, запутала также и все человеческие отношения, все человеческие судьбы. Она, эта буря, властно вторгается и в интимный душевный мир человека и бушует в нем с такой же силой, как и на пространствах его родины. Поэтому мотивы бури, полета, метели, вьюги, пожара, ветра возникают в стихах Блока на равных правах и в тех случаях, ко-

гда он пишет непосредственно о России («Ты стоишь под метелицей дикой, роковая, родная страна...»), и тогда, когда он говорит о человеческом счастье или человеческой любви («Есть времена, есть дни, когда ворвется в сердце ветер снежный...»).

Именно поэтому тема любви (как, впрочем, и другие собственно лирические темы Блока) очень часто осмысляется поэтом как один из аспектов общей темы его творчества — темы катастрофизма эпохи, который ощутим во всем, что окружает человека в «страшном мире». Отсюда — трагический по преимуществу колорит темы любви в лирике Блока. В «страшном мире» и любовь превращается в «унижение» и в «муку» (см. «Черная кровь», «Унижение»). У Блока, правда, встречается и другой вариант этой темы: любовь — как могучая, свободная и освобождающая страсть, окрыляющая человека, вздымающая его над пошлостью и скукой обыденщины. Но принципы художественного решения темы и в этих случаях остаются неизменными.

Пример — гениальный цикл «Кармен», вершина любовной лирики Блока, с его мотивами «певучей грозы», «сонного вихря», «рокота бурь», бушующей снежной весны, свободного полета кометы, не ведающей орбит. Живая человеческая страсть, восторженным гимном которой звучат эти стихи, — страсть, высвобождающая человека из-под мертвой власти «страшного мира», — так могуча и прекрасна, что поэт готов приравнять ее к служению чему-то самому высокому и заветному («Я буду петь тебя, я небу твой голос передам...»). «Буря жизни», бушующая вокруг человека, врывается в мир его личных страстей и поднимает их на громадную высоту. Именно в этой связи в стихах о любви возникает столь знаменательный у Блока и столь устойчивый в своем значении образ дороги, дальнего пути, неизменно вызывающий в его поэтической системе представление о жизненном призвании и гражданственно-патриотическом долге:

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

4

Острая наблюдательность сочеталась в Блоке со способностью к синтезу. Беглые и дробные житейские впечатления, как правило, служат в стихах Блока поводом к широкому поэтическому обобще-

нию, — и это связано с самыми основами его миропонимания, со стремлением постичь и запечатлеть мир в его единстве и целостности.

В 1910 г. в обществе много говорили о появлении кометы, якобы угрожающей существованию Земли. В записной книжке Блока есть такая заметка: «Сегодня утром встал я из теплой постели в четвертом часу утра посмотреть комету...» Художественным результатом этой ранней прогулки явилось стихотворение «Комета». Меньше всего это стихи о падучей звезде. Они говорят о судьбах мира; тема взята здесь в аспекте, характерном для всей блоковской лирики: комета — образ грядущей катастрофы «страшного мира».

Поэтический рассказ о гибели авиатора, свидетелем которой оказался поэт, завершается строфой, которая по своему смыслу выходит далеко за рамки данного сюжета, говорит уже не о роковой судьбе смельчака, но о судьбах всего мира:

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

Это, так сказать, простейшие случаи поэтических обобщений в лирике Блока. Но вот пример, раскрывающий всю сложную специфику лирического стиля Блока, показывающий, как свое ощущение стремительного хода истории — безудержного «полета» буржуазного мира к его неизбежному концу — поэт стремился воплотить в самой художественной ткани своей лирики.

Модный в свое время увеселительный аттракцион — катанье на вертящейся круглой площадке (так называемом «чортовом колесе») — вызвал к жизни одно из самых сильных и типически выразительных стихотворений Блока — «Миры летят. Года летят...».

Уже первые строки этого стихотворения: «Миры летят. Года летят. Пустая вселенная глядит в нас мраком глаз...» — вводят в блоковскую атмосферу всемирной трагедии, в атмосферу хаотического «полета» миров и времен, в который втянут напуганный и несчастный человек. Никто, конечно, не скажет, что в этом стихотворении говорится о популярном в свое время развлечении в одном из увеселительных садов Петербурга, — хотя ощущения катающегося на «чортовом колесе» и переданы в стихотворении довольно точно. Нет, всякий скажет, что это стихи не о катаньи на «чортовом колесе», а об иллюзорности и недоступности счастья в «страшном мире».

И сказано об этом так, что мы воспринимаем «космическую» картину круговращения миров и безостановочного бега времени — как картину *историческую,* то есть воспринимаем данное стихотворение в общем идейно-образном контексте поэзии Блока, говорящей о «страшном мире» накануне ожидающей его катастрофы:

...вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

В этом стихотворении как бы пересекаются два плана. «За сердце хватающий полет», толчки и назойливый, жужжащий звон, острый, скользящий край вертящейся площадки — это все идет от конкретного ощущения человека, катающегося на «чортовом колесе». Но полет вместе с тем «безумен» и «неизвестен», и «назойливый звук» — бесконечен, и вообще от всего этого увеселения человеку страшно и дико, и он сходит с ума «в пестрой смене» причин, пространств и времен.

Наиболее существенно, что оба эти пересекающихся плана существуют не разобщенно, а в некоем единстве. Поскольку для лирического героя Блока переживание любой конкретности его личного, эмпирического бытия связано с ощущением общей «мировой» жизни, с «мировой музыкой», он в *едином* переживании воспринимает и катанье на «чортовом колесе» и свое ощущение «космического» полета времен и миров.

Здесь мы видим яркий пример художественного воплощения увлекавшей Блока теории «единого музыкального напора». С этим общим принципом художественного метода Блока, с принципом слияния частного и общего, личного и мирового, теснейшим образом связаны и конструктивные принципы его поэтической системы, сама структура его стиля, его поэтика и семантика.

При этом лирический стиль Блока в процессе своего формирования претерпел разительные изменения. Уклонение от прямой речи, от прямого и точного определения понятий, отрыв слова от предметности — типическая и характерная черта символистской поэзии в целом — отличает и творчество Блока в первом томе его лирики и в значительной части второго тома. Слово в его стихах сплошь и рядом отрывалось от своего вещественного значения и служило неким условным знаком — симоволом; поэтический образ рождался в сопоставлении сложных и подчас не поддающихся логическому истолкованию ассоциаций, сравнений, уподоблений.

Но в зрелой лирике Блока картина существенно меняется. Здесь семантика, как правило, обращена на конкретно-общее даже при изображении частного. Поэтическая речь зрелого Блока — это прямая речь реальных понятий и значений слова. Слово у него всегда точно, конкретно и предметно; предметы в его стихах всегда предметны, а не метафоричны, вещи названы прямо и точно: «отстегнутые вороты рубах», «узкие ботинки», «черная роза в бокале золотого, как небо, аи», «красный штоф полинялых диванов, пропыленные кисти портьер», «молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели» (о вагонах), «и звякнул о браслет жетон» и т. д. Если раньше для Блока «ночь» была по большей части метафорой или аллегорией (см. «Ночь»), то в лирике третьего тома ночь — это ночь и ничего больше: «Ночь как ночь, и улица пустынна», «Ночь, улица, фонарь, аптека», «Ночь тихо бродит по квартире» и т. п.

Стремление к емкости и многозначности поэтического образа, к максимальному расширению его смысла — вот что составляет наиболее характерную черту лирического стиля зрелого Блока. Символизм этого стиля состоял не в «развоплощении» материального мира, но в *синкретизме* восприятия реальной действительности, в стремлении единым взглядом и единым дыханием охватить весь мир, доступный зрению поэта «в данное время», выявить и запечатлеть взаимосвязь всех вещей и явлений действительности, уловить их единый «музыкальный» смысл. В таком понимании (и только в таком понимании) каждое отдельное явление действительности есть для Блока «символ» некоего целого, некоей единой «музыкальной» природы мира. Но этот «символ» нимало не лишается у Блока своей реальности. Он выражает в поэтическом слове уже не некую мистическую сущность (как было это в юношеской лирике), но конкретное явление объективной действительности или какое-либо конкретное историческое понятие (например, Куликовскую битву).

При этом «символичны» (эмблематичны) у Блока не слова, не

образы сами по себе, а их сочетания смысловые, сопоставления. Сами по себе вещи, явления, действия и понятия в блоковской лирике названы прямо, точно и конкретно, но сочетаются они, как правило, не по принципу логики суждения, а путем чисто эмоциональных сближений и аналогий. «И вздохнули духи, задремали ресницы, зашептались тревожно шелка...» — в этой строке передано именно эмоциональное ощущение той душевной тревоги, о которой говорится в стихотворении «В ресторане». Суть дела здесь, конечно, не в рассказе, не в повествовании о встрече лирического героя с прекрасной незнакомкой, а как раз и только в передаче ощущения, причем достигается это чисто стиховыми средствами — образами движения, интонацией, ритмом, аллитерациями (вз*дох*нули *дух*и; за*ш*ептались трево*ж*но *ш*елка), всей музыкой стиха.

Мы уже видели на примере стихотворения «Миры летят. Года летят...», что «чортово колесо» вовсе не превращается у Блока в «символ» круговращения миров и безумного бега времени, но передает трагическое переживание поэтом катастрофизма «страшного мира», причем не какого-то отвлеченного «страшного мира», а того именно, который реально окружал поэта и который воспринимался им во всей своей *исторической* реальности и конкретности.

Как художественный принцип это прослеживается даже в самых лирически-интимных стихах Блока. Так, например, в «Трех посланиях» речь идет о вполне ординарных и нимало не символических прогулках лирического героя с его возлюбленной — то в лодке, весенней белой ночью, то на лихаче, в темную зимнюю ночь. Образная ткань в этих стихах совершенно конкретна и опять-таки нисколько не «символична». Усталое плечо гребца, весло, рыбачьи шхуны, черное бархатное платье дамы, ее смуглые плечи, черный ворон, пролетающий в сумраке снежной ночи, бег рысака — все названо точно, конкретно, и значит только то, что значит: вещи, движения, ощущения.

Но столь зримая, столь конкретная в деталях картина катанья героя с дамой на петербургском лихаче повернута к читателю такой гранью, которая только и позволяет проникнуть в истинный, глубокий смысл стихотворения, в то, ради чего оно и было написано:

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Поцелуи возлюбленной и цыганские песни — с одной стороны и безумный полет комет — с другой, для Блока — явления одного

плана, потому что то и другое вместе создает в его воображении нерасторжимо целостную картину «страшного мира», в котором и любовь подчинена общим, объективным законам, управляющим этим миром. Отсюда — и «теснота» этого мира для живого и измученного человеческого сердца, и «бред» поцелуев, и «морок» цыганщины — всё слова, определяющие бесчеловечную сущность «страшного мира», калечащего человека и его живые страсти. Поэтому «торопливый полет комет» и в данном случае — формула не уподобления любовного чувства полету кометы, но ощущения того, что человек в своем частном бытии втянут в «водоворот» общей «мировой жизни». Поэтому же и совершенно реальный «провал» (в смысле пустого пространства) под пролетами одного из петербургских мостов превращается в «бездонный провал в вечность» — в «космический» вариант столь всесторонне разработанного в стихах Блока образа исторического «провала» старой, буржуазно-помещичьей России эпохи реакции.

Так Блок даже в собственно лирических своих стихах настойчиво возвращал читателей в круг широчайших исторических обобщений, которые и являются главным, если не единственным, предметом его поэзии. В каждом отдельном случае, в каждом звене этого лирического дневника поэт стремился показать, что его герой и в своем личном, самом частном, глубоко интимном не отделен от общего потока исторической жизни своей эпохи.

5

Изживая свое прежнее представление о свободной «лирической стихии», сказавшееся с особенной силой в «Снежной маске» и других стихах второго тома, Блок приходит к убеждению, что «форма искусства есть образующий дух, творческий порядок». Достоинство поэтического произведения он видит теперь в строгости формы, в сжатости, экономности художественных средств, в «мере и гармонии». Об авторе одной из прочитанных им книг Блок пишет, что воображение у него — «художественное», потому что «он нигде не переходит меры». По поводу другой прочитанной книги стихов он замечает: «Нет работы, все расплывчато... все могло бы быть в десять раз короче, сжатей».

Успешно овладевая строгой простотой и отчетливостью стихотворной речи, тончайшим, но не показным поэтическим мастерством, учась экономно и ясно выражать всю разнообразную гамму человеческих чувств и настроений, стремясь достичь смысловой точности поэтического слова и цельности художественного образа,

Блок обращается к традициям русской поэтической классики, к опыту Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Тютчева.

Выразительным примером того, как формировался стиль зрелого Блока, приобретая пластичность, ясность и монументальность, могут служить «Итальянские стихи». Они отличаются строгостью своих структурных форм, отвечающих жанрам поэтических размышлений и пейзажной лирики, материалом для которых послужили воспоминания о прошлом и живые впечатления действительности. Так, в чеканных строфах «Равенны» мастерски запечатлен целостный образ ушедшей в прошлое древней культуры в ее локально-исторических очертаниях. И образ Данте венчает все стихотворение как образ-символ, не только насыщенный конкретным историческим содержанием, но и выражающий основную тему стихотворения — тему «грядущих веков», «новой жизни», которая утверждает себя вопреки многовековому омертвению древней культуры, «сонной вечности».

Вообще, как и всегда у Блока, историческая тема в «Итальянских стихах» не носит ретроспективного характера (и в этом — глубокое отличие его от символистов, в частности от Брюсова с его чисто внешним, описательным и декоративным «историзмом»). Она не неподвижна, не взята сама по себе, но тесно связана с темой современности, с острым ощущением *данного* исторического момента. И здесь субъектом стиховой речи выступает лирический герой, переживающий противоречия современной жизни, — на этот раз в форме грустных воспоминаний о славном и героическом прошлом Италии. И в данном случае, как обычно у Блока, с большим напряжением звучит тема будущего, которое поэт провидит сквозь мрак настоящего:

И некий ветр сквозь бархат черный
О жизни будущей поет...

«Всеевропейская желтая пыль» (в цикле «Флоренция») — это образ «безмузыкальной» буржуазной цивилизации, истребившей без остатка гуманистическую культуру Савонаролы и Леонардо. Здесь же — типично блоковская апелляция к «очистительным векам», то есть к будущему.

Черты классического стиля, наличествующие в «Итальянских стихах», отчетливо проступают в их пейзаже и вообще в живописной точности всех зрительных образов. Многое в пейзаже этих стихов идет от живописи Возрождения, но еще больше — от непосредственных личных впечатлений. Стоит отметить, что образная ткань большинства стихотворений итальянского цикла находит

весьма точные соответствия в путевых очерках Блока «Молнии искусства»: источником, казалось бы, даже отвлеченных образов, как выясняется, служили впечатления поэта от природы, быта, памятников старины и искусства Италии.

Усваивая традиции поэтической классики, Блок отнюдь не прибегал к имитации готовых стиховых форм и сложившегося в свое время стихотворного языка, но прокладывал самостоятельный путь творческого, новаторского разрешения проблемы лирического стиля. Но при этом, непрерывно расширяя свой поэтический диапазон, охватывая различные, порою очень далекие друг от друга литературные традиции, Блок ничего не отвергал из исторического наследия русской поэзии. И это составляет важную сторону его творчества, еще совершенно недостаточно изученную.

Проблема выработки нового лирического стиля заключалась для Блока в значительной степени в свободном сочетании и перегруппировке элементов различных стилей — от романсно-элегического до куплетно-частушечного, а отнюдь не в разрушении старых форм и не в отказе от традиций. В этом отношении Блок был совершенно не похож на поэтов русского символизма, чуждавшихся старых традиций и предававшихся всяческому изощренному экспериментаторству. В частности, у Блока не встречается того разнообразия сложных строфических форм, которое отличает поэзию Брюсова, Бальмонта, Вяч. Иванова: несколько сонетов (не очень строгой формы), один раз — терцины, вот, в сущности, и все.

В этой связи находят свое объяснение частые реминисценции, «перепевы» и прямые цитаты в стихах Блока, иногда (но далеко не всегда) отмеченные им самим в форме эпиграфа или примечания. Чаще всего — это целые словосочетания и ритмико-синтаксические фигуры, имеющие более или менее близкие соответствия в стихах любимых и почитаемых Блоком поэтов (Пушкина, Лермонтова, Жуковского, А. Григорьева, Тютчева, Фета, Майкова, Вл. Соловьева, Брюсова). Разумеется, такие «перепевы» нисколько не нарушают оригинальности стилевого облика поэзии Блока в целом, поскольку любой образ, «заимствованный» одним поэтом у другого, всегда приобретает в новом контексте новое, самобытное звучание и вызывает новое эстетическое осмысление. Но сама по себе восприимчивость Блока к такого рода «заимствованиям» примечательна, равно как и свобода его в обращении с традиционными сюжетами. Примером последнего может служить стихотворение «Шаги командора», представляющее собою новый вариант общеевропейской легенды о Дон Жуане с переосмыслением ее темы. Сам Блок, вспомнив однажды, что строка из поэмы «Возмездие»: «Чтоб

он, воскреснув, встать не мог...» близко напоминает лермонтовский стих: «Чтоб встать он из гроба не мог...», заметил по этому поводу: «Совершенно разные мысли. Общее в них — «содержание», что только доказывает лишний раз, что бесформенное содержание само по себе не существует, не имеет веса». Также, конечно, и в «Шагах командора» традиционный сюжет совершенно переосмыслен, поскольку служит раскрытию собственно блоковской темы «страшного мира»:

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок...

Далее: в поэзии Блока обращает на себя внимание обилие традиционных персонажей, образы которых вызывают определенные, конкретные представления, закрепленные идеологией и искусством прошлого. Таковы образы Гамлета и Офелии, объединяющие целый цикл юношеских стихов Блока и вызывающие уже готовый круг ассоциаций, подсказанных Шекспиром. Таковы же образы Прекрасной Дамы (во всех ее модификациях) и ее рыцаря «раба» и песнопевца, восходящие к традиции «рыцарского романа», возникшей в быту и поэзии средневековья. Таковы же образы Арлекина, Пьеро и Коломбины, соотношение которых задано итальянской comedia dell'arte, Дон Жуана и Донны Анны, Кармен и ее возлюбленного, ибсеновской Сольвейг, персонажей средневековых «плясок смерти» (Totentanz, Danse macabre).

В других случаях связь персонажей блоковских стихов с литературной традицией носит не столь непосредственный, но не менее очевидный характер. Так, например, в Фаине (и в одноименном цикле стихов и в драме «Песня Судьбы») мы без труда различим черты Настасьи Филипповны из романа Достоевского, с ее черным шелковым платьем, гордыней, страстным вызовом и душевным надрывом, — причем сходство обеих героинь распространяется даже на детали (см. в «Песне Судьбы» сцену, когда Фаина бьет Германа хлыстом по лицу).

Понятно, что Блок столь широко и охотно обращался к устойчивым и ставшим уже традиционными образам не из-за недостатка художественного воображения. Он хотел как бы осветить свои субъективные переживания ярким светом общечеловеческих представлений и называл читателю их источник. Так, с образами Прекрасной Дамы и рыцаря связан круг представлений о святости и недоступности Дамы, о чистоте и благородстве служения ей и т. д., с образом Кармен — круг представлений о могучей, окрыляющей человека страсти.

В соответствии с основными принципами поэтического миропонимания и художественного метода Блока, охарактеризованными выше, эти общечеловеческие образы приобретают в его стихах емкость и многозначность, знаменуют не только тот или иной тип психологических отношений, но и нечто большее. Фаина — столько же образ гордой и непокорной женщины с русской «разбойной красой», сколько и образ самой России.

Учитывая весь богатейший опыт, накопленный русской и мировой поэтической классикой, ничего не канонизируя из старых традиций, но скрещивая и сплавляя их, Блок на этой основе создавал свой собственный лирический стиль. Эволюционируя в одном направлении, стиль этот в процессе своего формирования оставался многопланным.

В стихах зрелого Блока различимы в основном три линии формирования лирического стиля. Первая из них (и господствующая) — напевно-эмоциональная, мелодически и интонационно ориентированная на старинный и специально «цыганский» романс. В таких романсных по своим формам и интонационному строю стихах, как, к примеру, «О доблестях, о подвигах, о славе», «О нет! Не расколдуешь сердца ты», «Черный ворон в сумраке снежном», «Опустись, занавеска линялая», «Была ты всех ярче, верней и прелестней» и многих других, Блок подхватил и развил близкую ему с юных лет традицию Фета, Полонского, А. Григорьева, Апухтина.

В русской лирической поэзии это была давняя традиция, занимавшая хотя и заметное, но скромное положение, а в конце концов вообще ушедшая из литературы в быт. Блок обновил и обогатил «гитарный жанр», поднял его на еще небывалую высоту. В его творчестве романс — эта подчиненная песенно-декламационная форма лирической поэзии — обрел черты высокого лирического жанра, усложнился, наполнился глубоким психологическим содержанием и впервые стал явлением действительно большого литературного стиля.

В обращении Блока к романсу сказалась не только его давняя и стойкая любовь к «цыганщине», но и то обстоятельство, что он высоко ценил романсную поэзию за подлинность, прямоту и резкую выразительность ее эмоционального содержания. В обнаженной эмоциональности этой поэзии, в обыденности ее тем, доступности ее форм и заразительности ее песенных интонаций Блок искал источник общепонятности и народности поэтического искусства.

Но романс вовсе не единственная поэтическая форма, к какой тяготел Блок. Напротив, с течением времени в лирике его все более ощутимым становится процесс вытеснения напевно-эмоциональных

интонаций интонациями ораторскими, повествовательными и драматически-разговорными.

Предпосылки этой интонационной перестройки лежали в коренных драматических свойствах лирики Блока. В ней глубоко и разносторонне запечатлена сложная и трудная душевная жизнь лирического героя, полная внутреннего напряжения, резких конфликтов, бурных столкновений страстей и чувств. Драматизм этой жизни передан в стихах Блока не только движением лирического сюжета, но и движением самого стиха, динамикой стиховой речи, ее ритмико-интонационными колебаниями.

Драматические свойства лирики Блока сказались также и в ее цикличности. Отдельные стихотворения легко ассоциируются между собой, слагаются в целостные циклы, в своего рода «новеллы», в которых и возникает лирический сюжет как форма раскрытия душевной жизни героя, обуревающих его противоречий и сомнений.

Основная форма лирической поэзии — монолог героя — в стихах Блока зачастую усложняется: голосу лирического героя сопутствует голос «героини», речь как бы делится между двумя собеседниками, превращается в драматические реплики «персонажей» развертывающегося «романа». При этом Блок не столько повествует о происходящем в жизни героя и героини, сколько выявляет их «голоса», пользуясь специальными средствами синтаксиса и речевой композиции.

В стихах третьего тома монологическая структура лирической речи очень часто нарушена, приближена к диалогу между лирическим «я» и его собеседником (собеседницей). Обычно это «внутренний диалог» с воображаемым собеседником, но иногда собеседник выступает как индивидуальный образ. В ряде случаев Блок в драматизации своей лирики идет еще дальше, создавая, уже всецело по законам драматической композиции, такую стихотворную структуру, в которой субъектом лирической речи выступает уже не герой, а его собеседник. В этих случаях лирическое «я» переходит в «ты» или «он».

Таковы, например, стихотворения «Говорят черти» и «Говорит смерть» (из цикла «Жизнь моего приятеля»), или «Ты в комнате один сидишь», где «ты» — это образ лирического героя, а речь идет от лица его собеседника (в последнем случае от лица «смерти»). В чистом виде такая передача речи другому персонажу осуществлена, например, в стихотворении «Петербургские сумерки снежные», где герой превратился из субъекта лирической речи («я») в ее объект («он»). Другой, не менее выразительный пример — стихотворение «Женщина».

В обнаженной форме стиховая речь в лирике Блока прямо поделена между двумя «голосами» («Посещение»), но по большей части собеседник только предполагается, и тем не менее создается разительный эффект драматически напряженного разговора двух лирических персонажей, поставленных в определенную драматическую ситуацию. Чаще всего в стихах третьего тома форма лирического монолога представляет собою расширенную реплику, обращенную к собеседнику (примеров — сколько угодно: «К Музе», «В ресторане», «Унижение», «О доблестях, о подвигах, о славе», «Кармен» и множество других стихотворений).

В разработке эмоционально-подвижных, драматизированных форм лирической речи очень большую роль сыграл для Блока Некрасов — не как бытописатель или сатирик, а как лирический поэт, автор «Тройки», «Убогой и нарядной», «Еду ли ночью по улице темной», «Я не люблю иронии твоей», «Последних песен» и других аналогичных по духу и формам стихотворений.

Если проследить развитие русского лирического стиха на протяжении XIX века, нельзя не заметить, что развитие это шло по двум мощным потокам. Первый поток — это пушкинское начало, классически строгая и аполлонически ясная форма стиха, предметность образов, четкость лирической речи. Второй поток — это романтическая «музыкальная стихия», идущая от Жуковского, по-новому сказавшаяся в лирике Лермонтова. Оба потока сливаются в лирике Некрасова, который опирался на весь опыт предшествовавшей поэзии и более чем кто-либо другой из русских поэтов сделал для дальнейшего развития пушкинской стиховой культуры, пушкинского реализма. Но Некрасов в громадной мере обогатил русскую лирическую поэзию тем, что помножил пушкинскую графику, четкость и строгость — на колоссальной силы эмоциональность и драматическую напряженность своей стиховой речи. Он рассказывал о «прозе жизни», но «рыдающими звуками» неслыханной музыкальности. Это сочетание «прозаичности» и «рыдающих звуков» придало совершенно новые интонационные качества русскому лирическому стиху и определило его дальнейшие судьбы.

Зрелый Блок в своей лирике — может быть, более всего ученик Некрасова. Типичные некрасовские интонации и характерная для него драматическая и гражданственная патетика лирического тона со всей силой звучат в самых гениальных стихах Блока — в таких, как, к примеру, «Перед судом», «На железной дороге», или «Унижение», где, как и у Некрасова, за деталями быта («красный штоф полинялых диванов» и пр.) и за его моральной оценкой («Разве *так* суждено меж людьми? . .») сквозит гражданская, социальная тема:

В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)

Общность принципов лирического стиля распространяется в данном случае до аналогичности ритмико-синтаксической структуры. Нужно думать, не случайно Блок применил стиховую форму, которая воспринимается как неразрывно связанная с Некрасовым. Анапесты «Унижения» сразу приводят на память стих «Убогой и нарядной».

Блок сам засвидетельствовал, что поэзия Некрасова оказала на него большое влияние. Некрасовское начало явственно и сильно сказалось в творчестве Блока как в обращении его к темам России, народа, правды, совести и гражданского долга, так и в приемах художественного решения этих тем. Но не меньшее воздействие оказал Некрасов-лирик и на формирование драматизированного лирического стиля зрелого Блока.

Наконец, очень заметное место в лирике Блока занимает ораторская интонация, преемственно связанная с поэзией Лермонтова, отчасти Тютчева. Наиболее отчетливо выражена она в гражданственных стихах, в которых образ лирического героя оформлен как образ поэта-трибуна, обличителя социального зла. Таковы, например, «Ямбы» и ряд других стихотворений. Эта важная в лирическом творчестве Блока линия завершается «Скифами», которые в перспективе творческого развития Блока могут рассматриваться как высшая точка пройденного им пути — от камерной импрессионистической и символической лирики «уединенной души» до монументальной оды «гражданского состава» и ораторского стиля, продолжившей традицию русской политической поэзии XIX века («Клеветникам России» Пушкина, «Смерть поэта» и «Последнее новоселье» Лермонтова и др.).

Так, пользуясь всем богатством и всеми достижениями национальной поэтической культуры, творчески осваивая плодотворные традиции классической поэзии, сливая воедино разные ее потоки, расшивая по старой канве новые, оригинальные узоры, Блок сообщил русскому лирическому стиху новую энергию и новую выразительность.

Завершая поэтические искания XIX века, Блок создал особый тип лирики, поднимающей большие общественно-моральные и культурно-исторические проблемы, проникнутой острым чувством истории и действительности. Блоковские стихи третьего тома — это ли-

рика широчайших художественных обобщений, глубокой мысли и могучей страсти. Это — вершина мировой лирической поэзии начала XX века.

6

Стремление к более широкому охвату действительности влекло Блока за пределы лирики — к эпосу и драме. Его давнее и настойчивое желание сойти с «шаткой лирической почвы» нашло исход в 1910 г., когда он приступил к работе над большой поэмой «Возмездие». Поэма, к сожалению, не была закончена, но и в незавершенном виде она остается самым значительным эпическим произведением русской поэзии начала XX века (дооктябрьского периода).

Работа над поэмой знаменовала попытку Блока перейти к широкому эпическому изображению исторической действительности и реальных человеческих характеров. «Поэма обозначает переход от личного к общему. Вот главная ее мысль» — так формулировал Блок существо своего замысла.

Поэма была задумана в масштабах общеевропейской и русской истории второй половины XIX и начала XX вв. как монументальный общественно-бытовой «роман в стихах» с лирическими и историко-философскими отступлениями. Каждая глава поэмы, повествующая о судьбах «рода», одной семьи, должна была, по замыслу Блока, обрамляться «описанием событий мирового значения». Центральная проблема «Возмездия» — проблема становления человеческой личности — решалась Блоком на широком историческом фоне «мирового водоворота». Жизнь России и Польши, русско-турецкая война 1877—1878 гг., возвращение гвардии в столицу из заграничного похода, народовольческое движение, быт научной и художественной интеллигенции в глухие «победоносцевские» годы, революционное брожение, баррикады 1905 года, Цусима и 9 января — таков был громадный исторический диапазон блоковского замысла.

На этом фоне исторической русской жизни в ее кризисные и поворотные моменты Блок имел в виду развернуть целую галерею человеческих образов. Из них далеко не все получили творческое воплощение, и прежде всего невоплощенным остался главный герой — «сын», о судьбе которого Блок хотел рассказать в ненаписанных главах поэмы. Но и то, что создано из этой галереи — образы «деда» и особенно «отца», — говорит о том, что Блоку было до-

ступно изображение средствами стиха сложного, многостороннего и реального человеческого характера.

Как передает один из мемуаристов, Блоку, когда он писал «Возмездие», «хотелось увидеть в русской поэзии возрождение поэмы с бытом и фабулой». Уже одно это противоречило общеэстетическим и жанровым установкам символизма, и не случайно «Возмездие» не встретило сочувственного приема в кругу символистов. Поэма была прямым вызовом эстетике и поэтике символизма. Никогда еще не писал Блок с такой пластичностью и живописной яркостью, с такой конкретной изобразительностью в целом и в деталях.

«Возмездие» свидетельствует о том, что талант Блока окончательно созрел и возмужал, что поэт овладел блистательным, отточенным мастерством. Поразительна экономность художественных средств, которыми пользуется здесь Блок, суровый, сжатый лаконизм его поэтической речи. «Жандармы, рельсы, фонари. . .» — в одном этом стихе заключен емкий и четко определенный в своем историческом содержании пейзаж. Мастерски пользуется Блок деталями быта, которые позволяют увидеть и как бы дорисовать целую историческую картину.

Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят, —

читаем во вступлении ко второй главе «Возмездия», и эти два стиха вызывают в нашем воображении целый круг ассоциаций, складывающихся в целостный образ русской жизни в «победоносцевские» годы с их тяжелой тоской, политической реакцией, общественной депрессией, полицейским режимом.

В связи с «Возмездием» возникает вопрос о пушкинской традиции в творчестве Блока. Источники и проблематики и поэтики «Возмездия» — в реализме Пушкина. В русской поэзии «Возмездие» — одно из наиболее ярких проявлений этой традиции. Пушкинское начало явственно присутствует в поэме Блока — в обобщенных характеристиках эпохи, в бытовых сценах и описаниях, в системе лирико-философских отступлений, в приемах свободного включения исторического материала в сюжетную ткань повествования, в трактовке человеческих образов, в классической стиховой форме четырехстопного ямба, короче говоря — во всей художественной структуре «Возмездия». Самый жанр исторической, общественно-бытовой хроники, избранный Блоком, преемственно связан с «Евгением Онегиным».

История присутствует в «Возмездии» уже не в лирическом

опосредствовании (как в лирике Блока), но как автономная эпическая тема повествования о судьбах России (см., например, финал первой главы — «Переговоры о Балканах...» и т. д.).

Такой прямой, непосредственный разговор об истории и о реальных исторических деятелях мог возникнуть у Блока прежде всего в свете творческого опыта Пушкина. Также и во вступлении ко второй главе «Возмездия» Блок безусловно отправлялся от философско-исторической проблематики «Медного всадника», окружая новыми ассоциациями образы Петра и Петербурга, в которых у него, как и у Пушкина, раскрывается тема исторического пути России.

Вместе с тем Блок ставил в «Возмездии» ту же задачу, что и в лирике: он хотел показать, как мельчает, мучается и гибнет человек, попавший в «водоворот» буржуазного мира, утративший спасительную связь с природой и обществом, притупивший свою волю, впавший в душевную дряблость и «чувствительность». «Был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка» — так сформулировал Блок свою мысль в предисловии к поэме. Но «юность — это возмездие», — повторяет Блок вслед за Ибсеном. Он и хотел проследить на примере одной семьи, «как развиваются звенья единой цепи рода», как «в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, — ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.»

В судьбе «отца» Блок показал вырождение индивидуализма, показал, как низко пал этот некогда блестящий человек. «Сын», унаследовавший «мятежные порывы» и «болезненные падения» отца, не внес в мир ничего, кроме «неясных порывов», «невоплощенных мыслей» и «воли к подвигу», однако так и не свершенному (хотя по плану поэмы он и погибает на революционной баррикаде в 1905 году). И только в последнем поколении все того же «высоко взлетающего и низко падающего рода» растут новые, упорные силы, которые, в свою очередь, начинают ощутительно действовать на окружающую среду. В эпилоге Блок хотел изобразить младенца, которого баюкает «простая» мать, случайно встретившаяся на пути «сына». Мальчик растет — для того чтобы участвовать в грядущем историческом возмездии старому миру. Он уже повторяет по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки...

И за тебя, моя свобода,
Взойду на черный эшафот...»

То, что было сделано Блоком в «Возмездии», говорит о том, что перед ним раскрывались очень широкие творческие перспективы и за пределами лирических жанров, что в его силах и возможностях было создать большой национально-исторический эпос. Однако решение этой задачи выпало на долю другого великого поэта — Маяковского, который начал работу над эпосом еще до революции и блестяще завершил ее в нашу, советскую эпоху. Блок же остался в истории русской поэзии великим лирическим поэтом.

В «Возмездии» (как и в некоторых других произведениях зрелого Блока), как мы видим, наличествуют ясно выраженные реалистические тенденции. Но при всем том нет нужды зачислять Блока в реалисты, как иногда (из лучших побуждений) поступают пишущие о нем. Тенденции остаются тенденциями, и только тенденциями, и не определяют существа поэзии Блока. В целом эта поэзия — характерное явление романтического искусства. В этой связи возникает вопрос о *типе* романтической поэзии.

Стиль рождается из мировоззрения художника, из его отношения к действительности. Незыблемых категорий художественного стиля не бывает. В частности, и между романтическим и реалистическим стилями не лежит непереходимой черты. Напротив, романтизм многократно служил художественной формой жизненно правдивого и революционно направленного искусства.

Сам Блок не противопоставлял романтического искусства реалистическому. Он утверждал, что «истинный реализм, реализм великий, реализм большого стиля составляет самое сердце романтизма» и что «подлинный романтизм», в свою очередь, не есть «отрешение от жизни», а, наоборот, «жадное стремление жить удесятеренной жизнью, стремление создать такую жизнь» (XII, 200).

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить! —

вот наиболее четкая формула поэтического идеала Блока, формула его романтизма.

Наиболее существенно, что, раскрывая свое понимание романтизма как не только художественного, но и общего, философского мировоззрения, Блок утверждал революционную природу его. Романтизм, по Блоку, это «дух, который струится под всякой застывшей формой и, в конце концов, взрывает ее». Романтизм — «в первых порывах всякого народного движения, он же и в восстании против всякого движения, которое утратило жизнь и превратилось

в мертвую инерцию», романтизм — «есть вечное стремление, пронизывающее всю историю человечества». Отсюда — блоковское определение романтизма как чувства души, «которая помолодела, взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали, захлестнулась восторгом от близости к Душе Мира» (XII, 200, 196).

При всей импрессионистичности подобных определений и толкований, существо блоковского понимания романтизма как начала взрывчатого, освободительного, революционного — не подлежит сомнению. Романтизм зрелого Блока не имеет уже ничего общего с туманной отвлеченностью и субъективизмом его юношеской лирики. Это — романтизм активный, жизненно правдивый и революционно направленный, обращенный не к отвлеченно-иллюзорному, а к жизненно-конкретному, к реальной исторической действительности современной поэту эпохи.

Типическим произведением такого романтизма является и поэма «Двенадцать», венчающая творческие искания Блока.

В «Двенадцати» Блок с громадным вдохновением запечатлел открывшийся ему в романтических пожарах и метелях образ новой, свободной, революционной родины. Он понял и принял революцию именно романтически — как стихийный «мировой пожар», который «разгорается и будет еще разгораться долго и неудержимо, перенося свои очаги с востока на запад, пока не запылает и не сгорит весь старый мир дотла» (VIII, 96).

В революции Блок услышал по преимуществу одну «музыку» — музыку катастрофического крушения старого мира, которое он так давно предчувствовал и ждал. Он хотел увидеть *весь* старый мир испепеленным, и словом, которое с наибольшей полнотой выражало для него смысл революции, было слово *огонь*.

Такое ощущение пролетарской революции, как известно, определило слабые стороны поэмы «Двенадцать» — недостаточно глубокое понимание зиждительного пафоса революции, ее реальных и конкретных задач по социалистическому переустройству жизни.

Но главное и основное в поэме Блока, конечно, не ограниченное представление его о движущих силах революции и не его идеалистические заблуждения (выразившиеся, в частности, в привлечении образа Христа), но тот высокий революционно-романтический пафос, то живое ощущение величия и всемирно-исторического значения Октября, которыми всецело проникнута поэма.

Пусть Блок еще не сумел до конца правильно понять характер нового героя истории, но он не только воспел его, но и верно отразил его основные черты: беззаветную преданность делу революции, бес-

пощадность к врагам, силу и твердость, которые вдохнула в него революция. К тому времени, когда Блок писал «Двенадцать», уже окончательно сложилась в его сознании концепция народа как движущей силы истории. Поэт пришел к твердому убеждению, что поступательное движение истории осуществляется только народом, и осуществляется в революции. Незадолго до того как была написана поэма «Двенадцать», Блок говорил одному из своих собеседников: «Новое будет совершенно иным. Ни Романов, ни Пестель, ни Пугачев — сам державный народ, державным шагом идущий вперед к цели». [1]

Эта мысль и составляет идейно-художественный центр «Двенадцати». «Вдаль идут державным шагом...» — сказано в поэме о ее героях. Именно *вдаль* — то есть в далекое будущее, и именно *державным шагом* — то есть как новые, полновластные и законные хозяева жизни. На эту главную черту «Двенадцати» указал в свое время А. М. Горький. Говоря (в одной из своих заметок 1920—1921 гг.) о том, что подлинно романтическая, революционно-романтическая литература — это та, которая «верует в завтрашний день», в которой «сквозит сияние будущего», Горький сослался, в качестве примера, на поэму Блока.

«Двенадцать» — наивысшее творческое достижение Блока. Проникающий поэму революционно-романтический пафос определил и ее художественную природу. Утверждая в очерке «Катилина» (важном для понимания «Двенадцати»), что историческое время внушает поэту даже «ритм и размеры стихов», Блок сослался на одно из стихотворений Катулла как на «создание жителя Рима, раздираемого гражданской войной». В галлиямбах Катулла он нашел ту «напряженную грозовую атмосферу», в которой жил Рим времени Катилины (VIII, 102, 104). Грозовая атмосфера Октября столь же явно ощущается в «Двенадцати»: в самих ритмах и интонациях поэмы, в напряженности и прерывистости ее стихового темпа отозвался услышанный поэтом шум от крушения старого мира.

Новое, революционное содержание властно требовало новой стихотворной формы, и Блок в «Двенадцати» радикально перестроил и расширил свое искусство. Он обратился к народным песенно-частушечным формам стиха, к живой разговорной речи петроградской улицы 1917 года, к чеканному языку революционных лозунгов и прокламаций.

Величественная простота лирико-драматического стиля поэмы сказалась и в ее пейзаже, очерченном резко, плакатно-четко, «в две

---

[1] М. Бабенчиков. Ал. Блок и Россия. М., 1923, стр. 54.

краски»: «Черный вечер. Белый снег». На чередовании мотивов ночной темноты и снежной вьюги основана вся изобразительная сторона поэмы.

Поэма построена по принципу симфонизма, по принципу взаимосвязи и соподчинения тем. Заключительная часть поэмы играет роль симфонического финала: здесь в сжатой форме снова повторяются проходящие через всю поэму мотивы ветра, снега, ночной темноты. Здесь же, по законам симфонического построения, полностью раскрывается основная тема: в образах «старого мира» — «голодного пса», и Христа — «вестника нового мира».

В «Двенадцати» Блок пошел еще дальше, нежели в лирике третьего тома, по пути свободного скрещивания самых различных стилей поэтической речи, и на этой основе создал произведение самобытного, резко оригинального стиля. В поэме сочетаются намеренно опрощенный, угловатый рассказ со «сниженными» разговорными интонациями, лозунговые формулы, приобретающие особую выразительность в своей краткости и отточенности, солдатская частушка, простонародная, фольклорная в своей основе песня-«заплачка» в сочетании с обрядово-игровой песней, городской «мещанский» романс и торжественная патетика высокого стихового строя. И все это сплавилось в поэме в нерасторжимое художественное единство.

В «Двенадцати» Блок существенно обновил и обогатил свой стихотворный язык. Он широко ввел в поэму живую народную речь с ее диалектизмами, специфическим жаргоном городского просторечия, огрубленным словарем. Особый и очень яркий колорит придают языку поэмы словечки и выражения, внесенные в речевую практику эпохой большой социальной ломки («Ох, большевики загонят в гроб!», «товарищ поп», «у ей керенки есть в чулке», «ну, Ванька, сукин сын, буржуй» и т. п.). В русской поэзии «Двенадцать» — один из самых выразительных примеров полного и органического, осуществленного вне какой бы то ни было стилизации слияния поэтического языка с живой разговорной речью.

Как произведение в полном смысле слова новаторское, поэма «Двенадцать» оказала глубокое влияние на последующее развитие русской поэзии. В частности, песенно-частушечные формы стиха и стиховые лозунги, с таким блеском разработанные в «Двенадцати», в перспективе дальнейшего пути советской поэзии должны рассматриваться в соотношении с творчеством Маяковского, который сам отмечал родственную близость своей поэтики с поэтикой «Двенадцати».

* * *

Сейчас для Блока наступила история. Пришло время точно определить объективный смысл его искусства и то место, которое занимает он в развитии русской и мировой художественной культуры.

Блок — классик русской поэзии, завершивший поэтические искания всего XIX века. Если обратиться к истории нашей поэзии и назвать самые значительные явления русской поэтической культуры в их исторической последовательности, имя Блока должно быть названо непосредственно после имен Пушкина, Лермонтова и Некрасова и перед именем Маяковского. Все это — поэты, ознаменовавшие своим творчеством целые эпохи развития русской поэзии. Именно так охарактеризовал Блока Маяковский: «Творчество Александра Блока, — сказал он, — целая поэтическая эпоха».

Русская поэзия начала XX века призвана была отразить эпоху всемирно-исторических катастроф, «неслыханных перемен». Александр Блок из всех поэтов своего времени с наибольшей художественной силой отразил трагические противоречия эпохи. Всем сердцем, всем сознанием он ощущал мощное движение истории и чутко откликался на него. Это позволило ему запечатлеть в своей поэзии целостный образ старого мира, устремившегося к своей неотвратимой и бесславной гибели. Это же глубокое и верное чувство истории позволило поэту восторженно приветствовать и воспеть рождение мира нового.

Творчеством Блока величественно завершилось развитие русской поэзии дооктябрьского периода. Зачинателем и основоположником новой поэзии, отразившей формирование нового, социалистического общества, выступил Владимир Маяковский. При всем различии этих поэтов — в мировоззрении, идеологии, творческом методе — их связывает объективная историческая преемственность, поскольку именно они своими художественными исканиями и открытиями определили, в основном и главном, судьбы русской поэзии XX века.

Вл. Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

(1898—1904)

ANTE LUCEM[1]

(1898—1900)

* * *

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрассветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.

Январь 1898. С.-Петербург

* * *

Н. Гуну

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

[1] До света (лат.). — *Ред.*

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя — вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я — к тебе, мой друг желанный!

Весна 1898

* * *

Муза в уборе весны постучалась к поэту,
Сумраком ночи покрыта, шептала неясные речи;
Благоухали цветов лепестки, занесенные ветром
К ложу земного царя и посланницы неба;
С первой денницей взлетев, положила она, отлетая,
Желтую розу на темных кудрях человека:
Пусть разрушается тело — душа пролетит над пустыней,
Будешь навеки печален и юн, обрученный с богиней.

Май 1898

* * *

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне.
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять — во мраке, в ледяной пустыне...

Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет — выйдет, не обманет,
Только солнце встанет — сердце солнце встретит! ..

Июль 1898

* * *

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898. С. Шахматово

МОЕЙ МАТЕРИ

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...

Июль 1898

* * *

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

* * *

Тоску и грусть, страданья, самый ад —
Всё в красоту она преобразила.

«Гамлет»

Я шел во тьме к заботам и веселью,
Вверху сверкал незримый мир духóв.
За думой вслед лилися трель за трелью
Напевы звонкие пернатых соловьев.

И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея...
Я шел во тьме, и эхо повторяло:
«Зачем дитя Офелия моя?»

2 августа 1898

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...

Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.

Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898

* * *

Как мучительно думать о счастьи былом,
Невозвратном, но ярком когда-то,
Что туманная вечность холодным крылом
Унесла, унесла без возврата.

Это счастье сулил мне изнеженный Лель,
Это счастье сулило мне лето.
О, обманчивый голос! певучая трель!
Ты поешь и не просишь ответа!

Я любил и люблю, не устану любить,
Я попрежнему стану молиться,
Ты, прекрасная, можешь поэта забыть
И своей красотой веселиться!

А когда твои песни польются вдали
Беспокойной, обманчивой клятвой,
Вспомню я, как кричали тогда журавли
Над осенней темнеющей жатвой.

23 сентября 1898

* * *

В ночи́, когда уснет тревога,
И город скроется во мгле, —
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Что́ буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что́ человеческие слезы,
Когда румянится закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба —
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

Сентябрь (?) 1898

* * *

Усталый от дневных блужданий
Уйду порой от суеты
Воспомнить язвы тех страданий,
Встревожить прежние мечты...

Когда б я мог дохнуть ей в душу
Весенним счастьем в зимний день!
О нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брезжит нам порою,
Но предназначено не нам.

30 октября 1898

* * *

Жизнь — как море, она всегда исполнена бури.
Зорко смотри, человек: буря бросает корабль.
Если спустится мрачная ночь — управляй им тревожно,
Якорь спасенья ищи — якорь спасенья найдешь...
Если же ты, человек, не видишь конца этой ночи,
Если без якоря ты в море блуждаешь глухом,
Ну, без мысли тогда бросайся в холодное море!
Пусть потонет корабль — вынесут волны тебя!

30 октября 1898

* * *

Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг — ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? —
Там, там, глубо́ко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!

3 ноября 1898

* * *

Мне снилось, что ты умерла.
Гейне

Мне снилась смерть любимого созданья:
Высо́ко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял,
Толпа теснилась вкруг, и речи состраданья
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел вокруг без думы, без участья,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя — безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твое мученье!
Блажен утративший создание любви!»

10 ноября 1898

* * *

Офелия в цветах, в уборе
Из майских роз и нимф речных
В кудрях, с безумием во взоре,
Внимала звукам дум своих.

Я видел: ива молодая
Томилась, в озеро клонясь,
А девушка, венки сплетая,
Всё пела, плача и смеясь.

Я видел принца над потоком,
В его глазах была печаль.
В оцепенении глубоком
Он наблюдал речную сталь.

А мимо тихо проплывало
Под ветками плакучих ив
Ее девичье покрывало
В сплетеньи майских роз и нимф.

30 ноября 1898

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошеной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

13 декабря 1898

* * *

К. М. С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, — а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости[1]...

14 декабря 1898

НА ВЕЧЕРЕ В ЧЕСТЬ Л. ТОЛСТОГО

В толпе, родной по вдохновенью,
В тумане, наполнявшем зал,
Средь блеска славы, средь волненья
Я роковой минуты ждал...

Но прежним холодом могилы
Дышали мне Твои уста,
Как прежде, гибли жизни силы,
Любовь, надежда и мечта.

И мне хотелось блеском славы
Зажечь любовь в Тебе на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь воздвиг!..

20 декабря 1898

[1] Стихи Полонского. *(Прим. Блока.)*

* * *

Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоем благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в руках...

23 декабря 1898

ОДИНОЧЕСТВО

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.
Из отпылавшего камина
Неясный мрак вечерний плыл.
И он сидел перед камином,
Он отгорел и отстрадал
И взглядом, некогда орлиным,
Остывший пепел наблюдал.
В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней,
Будя старинные печали
Игрой бесплотною теней.
Один, один, забытый миром,
Безвластный, но еще живой,
Из сумрака былым кумирам
Кивал усталой головой...
Друзей бывалых вереница,
Врагов жестокие черты,
Любивших и любимых лица
Плывут из серой темноты...
Все бросили, забыли всюду,
Не надо мучиться и ждать,

Осталось только пепла груду
Потухшим взглядом наблюдать...
Куда неслись его мечтанья?
Пред чем склонялся бедный ум?
Он вспоминал свои метанья,
Будил тревоги прежних дум...
И было сладко быть усталым,
Отрадно так, как никогда,
Что сердце больше не желало
Ни потрясений, ни труда,
Ни лести, ни любви, ни славы,
Ни просветлений, ни утрат...
Воспоминанья величаво,
Как тучи, обняли закат,
Нагромоздили груду башен,
Воздвигли стены, города,
Где небосклон был желт и страшен,
И грозен в юные года...
Из отпылавшего камина
Неясный сумрак плыл и плыл,
Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.

25 января 1899

* * *

Окрай небес — звезда омега,
Весь в искрах, Сириус цветной.
Над головой — немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как та холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!

27 января 1899

* * *

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!
Ты проснешься, будет ночь и вьюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер воет —
Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всей душой!

8 февраля 1899

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Разлучаясь с девой милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899

* * *

Ночной туман застал меня в дороге.
Сквозь чащу леса глянул лунный лик.
Усталый конь копытом бил в тревоге —
Спокойный днем, он к ночи не привык.

Угрюмый, неподвижный, полусонный
Знакомый лес был странен для меня,
И я в просвет, луной осеребренный,
Направил шаг храпящего коня.
Туман болотный стелется равниной,
Но церковь серебрится на холме.
Там — за холмом, за рощей, за долиной —
Мой дом родной скрывается во тьме.
Усталый конь быстрее скачет к цели,
В чужом селе мерцают огоньки.
По сторонам дороги заалели
Костры пастушьи, точно маяки.

10 февраля 1899

* * *

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.

Лермонтов

Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил...
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

23 февраля 1899

ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ

(Картина В. Васнецова)

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

* * *

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

9 марта 1899

* * *

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом.
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

18 мая 1899

* * *

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Сирени бледные дождем к земле прибиты...
Замолкла песня соловья;
Немолчно говор слышится сердитый
Разлитого ручья...

Природа ждет лучей обетованных:
Цветы поднимут влажный лик,
И вновь в моих садах благоуханных
Раздастся птичий крик...

1 июня 1899

* * *

Там, за далью бесконечной
Дышит счастье прошлых дней...
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?

Это — звезды светят вечно
Над землею без теней.
В их сияньи бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

3 — 8 июня 1899

* * *

Когда я был ребенком, — лес ночной
Внушал мне страх; до боли я боялся
Ночных равнин, болот, одетых белой мглой,
Когда мой конь усталый спотыкался.

Теперь — прошло немного лет с тех пор,
И жизнь сломила дух; я пережил довольно;
Когда опять въезжаю в темный бор
Ночной порой, — мне радостно и больно.

18 июня 1899

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Закат горел в последний раз.
Светило дня спустилось в тучи,
И их края в прощальный час
Горели пламенем могучим.

А там, в неведомой дали,
Где небо мрачно и зловеще,
Немые грозы с вихрем шли,
Блестя порой зеницей вещей.

Земля немела и ждала,
Прошло глухое рокотанье,
И по деревьям пронесла
Гроза невольное дрожанье.

Казалось, мир — добыча гроз,
Зеницы вскрылись огневые,
И ветер ночи к нам донес
Впервые — слезы грозовые.

31 июля 1899

* * *

Дышит утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,

Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся бог...
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись.
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

5 августа 1899

* * *

К. М. С.

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли...
Шли мы — луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла...
Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли...

23 августа 1899

* * *

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари...
Там, далёко за Невою,
Вижу отблески зари.

В этом дальнем отраженьи,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня...

23 августа 1899

* * *

Вы, бедные, нагие несчастливцы.
Лир

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождем,
И ветер воет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь —
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

24 августа 1899

* * *

Не легли еще тени вечерние,
А луна уж блестит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце — везде...
Суеверье рождает желания,
И в туманном и чистом *везде*
Чует сердце блаженство свидания,
Бледный месяц блестит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любуется,
Я дыханье мое затаил, —
В этом блеске великое чуется,
Но великое я пережил...

И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...

5 октября 1899

SERVUS—REGINAE[1]

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

14 октября 1899

* * *

О, наконец! Былой тревоге
Отдаться мыслью и душой!
Вздыхать у милой на пороге
И слушать песню за стеной...
Но в этой песне одинокой,
Что звонко плачет за стеной,
Один мучительный, глубокий
Тоскливый призрак молодой...
О, кто ужасному поверит
И кто услышит стон живой,
Когда душа внимает, верит, —
А песня смолкла за стеной!..

9 ноября 1899

[1] Слуга — царице (лат.). — *Ред.*

* * *

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра — нет,
Готов и смерти покориться
Младой поэт.

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен —
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять — тревога, опять — стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!

25 декабря 1899

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

1

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крути́тся желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.
Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

2

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней, —
Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волненья
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

5 января 1900

* * *

В те дни, когда душа трепещет
Избытком жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, далекая, чертог.

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
К твоим чертогам труден путь.

Оттуда светит луч холодный,
Сияет купол золотой,
Доступный лишь душе свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослепишь сверканьем
Отвыкший от видений взгляд,
И уязвленная страданьем
Душа воротится назад

И будет жить, и будет видеть
Тебя, сквозящую вдали,
Чтоб только злее ненавидеть
Пути постылые земли.

7 февраля 1900

* * *

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...

Кто поймет, измерит оком,
Что́ за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...

17 февраля 1900

* * *

Лениво и тяжко плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижном томлении лес.

Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!

Лениво и тяжко плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня — мой спутник и друг.

27 февраля 1900

* * *

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слезы мешает с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоем?
Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской
В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!

28 февраля 1900

* * *

Ночь теплая одела острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль светла. Душа моя жива.
И вечная холодная Нева
У ног сурово колыхнулась.

Ты, счастие! Ты, радость прежних лет!
Весна моей мечты далекой!
За годом год... Всё резче темный след,
И там, где мне сиял когда-то свет,
Всё гуще мрак... Во мраке — одиноко —
Иду — иду — душа опять жива,
Опять весна одела острова.

11 марта 1900

* * *

Я шел во тьме дождливой ночи
И в старом доме, у окна,
Узнал задумчивые очи
Моей тоски. — В слезах, одна
Она смотрела в даль сырую...
Я любовался без конца,
Как будто молодость былую
Узнал в чертах ее лица.
Она взглянула. Сердце сжалось,
Огонь погас — и рассвело.
Сырое утро застучалось
В ее забытое стекло.

15 марта 1900

* * *

Сегодня в ночь одной тропою
Тенями грустными прошли
Определенные судьбою
Для разных полюсов земли.

И разошлись в часы рассвета,
И каждый молча сохранял
Другому чуждого завета
Отвека розный идеал...

В тенях сплетенные случайно
С листами чуждые листы —
Всё за лучом стремятся тайно
Принять привычные черты.

19 марта 1900

* * *

В ночи́, исполненной грозою,
В средине тучи громовой,
Исполнен мрачной красотою,
Витает образ грозовой.

То — ослепленная зарницей,
Внемля раскатам громовым,
Юнона правит колесницей
Перед Юпитером самим.

20 марта 1900

* * *

Поэт в изгнаньи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаньи
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

31 марта 1900

* * *

Хоть всё попрежнему *певец*
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных, —
Но к цели близится *поэт,*
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

5 апреля 1900

* * *

В фантазии рождаются порою
Немые сны.
Они горят меж солнцем и Тобою
В лучах весны.

О, если б мне владеть их голосами!
Они б могли
И наяву восстать перед сынами
Моей земли!

Но звук один — они свое значенье
Утратят вмиг.
И зазвучит в земном воображеньи
Земной язык.

22 апреля 1900

* * *

К ногам презренного кумира
Слагать божественные сны
И прославлять обитель мира
В чаду убийства и войны;

Вперяясь в сумрак ночи хладной,
В нем прозревать огонь и свет —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью поэт!

Весна 1900

* * *

Бежим, бежим, дитя свободы,
    К родной стране!
Я верен голосу природы,
    Будь верен мне!
Здесь недоступны неба своды
    Сквозь дым и прах!
Бежим, бежим, дитя природы,
    Простор — в полях!

Бегут... Уж стогны миновали,
    Кругом — поля.
По всей необозримой дали
    Дрожит земля.
Бегут навстречу солнца, мая,
    Свободных дней...
И приняла земля родная
    Своих детей...

И приняла, и обласкала,
    И обняла,
И в вешних далях им качала
    Колокола...
И, поманив их невозможным,
    Вновь предала
Дням быстротечным, дням тревожным,
    Злым дням — без срока, без числа...

7 мая 1900

* * *

Прошедших дней немеркнущим сияньем
Душа, как прежде, вся озарена.
Но осень ранняя, задумчиво грустна,
Овеяла меня тоскующим дыханьем.
Близка разлука. Ночь темна.
А всё звучит вдали, как в те младые дни:
Мои грехи в твоих святых молитвах,
Офелия, о нимфа, помяни.

И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаньем дальным и прекрасным.

28 мая 1900

* * *

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья.
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звезда́х — немая тишина —
Обитель страха и молчанья.

Я знаю твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен твой язык,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Не жди былого обаянья,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

1 июня 1900

* * *

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвенную мне.

Ум полон томного бессилья,
Душа летит, летит. . .
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

3 июня 1900

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Под величавые раскаты
Далеких, медленных громов
Встает трава, грозой примята,
И стебли гибкие цветов.

Последний ветер в содроганье
Приводит влажные листы,
Под ярким солнечным сияньем
Блестят зеленые кусты.

Всеохранительная сила
В своем неведомом пути
Природу чудно вдохновила
Вернуться к жизни и цвести.

3 июня 1900

* * *

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вкруг меня лесных дерев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за ка́мнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

10 июня 1900

* * *

В ночь молчаливую чудесен
Мне предстоит твой светлый лик.
Очарованья старых песен
Объемлют душу в этот миг.

Своей дорогой голубою
Проходишь медленнее ты,
И отдыхают над тобою
Две неподвижные звезды.

13 июня 1900

* * *

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, господь, успокоенье
И очищенье от забот.

Дыханием живящей бури
Дохни в удушливой глуши,
На вечереющей лазури,
Для вечереющей души.

18 июня 1900

* * *

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая,
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.

То сон предутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы́ забытых откровений.

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.

29 июля 1900

* * *

Последний пурпур догорал,
Последний ветр вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалека.

Все упованья юных лет
Восстали ярче и чудесней,
Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900

АМЕТИСТ

К. М. С.

Порою в воздухе, согретом
Воспоминаньем и тобой,
Необычайно хладным светом
Горит прозрачный камень твой.

Гаси, крылатое мгновенье,
Холодный блеск его лучей,
Чтоб он воспринял отраженье
Ее ласкающих очей.

19 сентября 1900

* * *

Твой образ чудится невольно
Среди знакомых пошлых лиц.
Порой легко, порою больно
Перед Тобой не падать ниц.

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,
Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Ты не жила в моем волненьи,
Но в том родном для нас краю —
И в одиноком поклоненьи
Познал я истинность Твою.

22 сентября 1900

* * *

Поклонник эллинов — я лиру забывал,
Когда мой путь ты словом преграждала.
Я пред тобой о счастьи воздыхал,
И ты презрительно молчала.

И я горел душой, а ты была темна.
И я, в страданьи безответном,
Я мнил: когда-нибудь единая струна
На зов откликнется приветно.

Но ты в молчании прошла передо мной,
И, как тогда, одним напоминаньем
Ты рвешь теперь и мучаешь порой
Мои эллúнские призванья.

12 октября 1900

* * *

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменúм стояньем на молитве
Все эти счáстливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И рампы светлые огни!

22 октября 1900

* * *

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

1 ноября 1900

* * *

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в господний дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверьи идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,
Но чую — силы страстных дней
Дохнули раненому в битве,
Вновь разлились в душе моей.
Мне непонятно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир...
Назад! Язычница младая
Зовет на дружественный пир!

3 ноября 1900

* * *

О. М. Соловьевой

Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех — во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколенья.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты — виденье.
Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе — спасенье!

25 ноября 1900

* * *

В полночь глухую рожденная
Спутником бледным земли,
В ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шел я на север безлиственный,
Шел я в морозной пыли,
Слышал твой голос таинственный,
Ты серебрилась вдали.

В полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

Эллины, боги бессонные,
Встаньте в морозной пыли!
Солнцем своим опьяненные,
Солнце разлейте вдали!

Эллины, эллины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комом холодной земли!

24 декабря 1900

ВАЛКИРИЯ

(На мотив из Вагнера)

Хижина Гундинга

Зигмунд
(за дверями)

Одинокий, одичалый,
Зверь с косматой головой,
Я стучусь рукой усталой —
Двери хижины открой!
Носят северные волны
От зари и до зари —
Носят вместе наши челны.
Я изранен! Отвори!

Зигелинда

Кто ты, гость, ночной порою
Призывающий в тиши?
Черный Гундинг не со мною...
Голос друга... Клич души!

Зигмунд

Я в ночном бою с врагами
Меч разбил и бросил щит!
В темном доле, под скалами
Конь измученный лежит.
Я, в ночном бою усталый,
Сбросил щит с могучих плеч!

Черный меч разбил о скалы!
«Вельзе! Вельзе! Где твой меч!»

(Светится меч в стволе дерева)

Зигелинда

Вместе с кликами твоими
Загораются огни!
Ты, зовущий Вельзе имя,
Милый путник, отдохни!

(Отворяет двери)

Декабрь 1900

31 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой,
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне — одно:
Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем — кругом молчанье,
Мой кубок пуст,
И смерти раннее призванье
Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде — в ночь.

31 декабря 1900

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901—1902)

ВСТУПЛЕНИЕ

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.

Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903

* * *

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

25 января 1901. С.-Петербург

* * *

Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 января 1901

* * *

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.

Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в снеговой пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве былое — не прах?
Нет, из господнего дома
Полный бессмертия дух
Вышел родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...
Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

* * *

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам,
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умащенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Так — белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

* * *

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я послышал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

Близко ты или далече
Затерялась в вышине?
Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги,
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

* * *

О. М. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледноликий
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, заслышав бога,
Дочь блаженной стороны
Из родимого чертога
Гонит призрачные сны,
И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

23 апреля 1901

* * *

Навстречу вешнему расцвету
Зазеленели острова.
Одна лишь песня не допета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремленьи запоздала,
В пареньи смутном замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла...

И вот — в завистливом смущеньи —
Глядит — растаяли снега,
И рек нестройное теченье
Свои находит берега.

25 апреля 1901

* * *

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидать.

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, былые стоны
Не услышишь — я потух.

Самый огнь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

27 апреля 1901
Поле за Старой Деревней

* * *

Так — разошлись в часы рассвета.

А. Б.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны́.
Страны́ холодные, немые,
И без любви, и без весны.

Там — далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там — матерь сына не узнает,
Потухнут страстные сердца...
Там безнадежно угасает
Мое скитанье — без конца...

И вдруг, в преддверьи заточенья,
Послышу дальние шаги...
Ты — одиноко — в отдаленьи,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

* * *

В передзакатные часы
Среди деревьев вековых
Люблю неверные красы
Твоих очей и слов твоих.

Прощай, идет ночная тень,
Ночь коротка, как вешний сон,
Но знаю — завтра новый день,
И новый для тебя закон.

Не бред, не призрак ты лесной,
Но старина не знала фей
С такой неверностью очей,
С душой изменчивой такой!

5 мая 1901

* * *

Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, —
Мне всё равно — вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь.
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее — во мне.
Всё бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный прозренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

* * *

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнется —
Снова смех из милых стран!

Снова шопот — и в шептаньи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901

* * *

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполненье тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?..

22 мая 1901

* * *

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица — спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вкруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901. С. Шахматово

* * *

Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют,
Они блаженны навсегда.

Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык?
Пусть всем чужда моя свобода,
Пусть всем я чужд в саду моем —
Звенит и буйствует природа,
Я — соучастник ей во всем!

30 мая 1901

* * *

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. — Меня не зови. —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожбой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожбой полоненные дни
Я лелею года, — не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

1 июня 1901. С. Шахматово

* * *

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово

* * *

...и поздно желать,
Всё минуло: и счастье и горе.

Вл. Соловьев

Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много,
Ты лазурью сильна.
Мне — другая и жизнь, и другая дорога,
И душе — не до сна.

Верь — несчастней моих молодых поклонений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

* * *

За туманом, за лесами
Загорится — пропадет,
Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.

Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.

Но и ночью нет ответа,
Ты уйдешь в речной камыш,
Унося источник света,
Снова издали манишь.

14 июня 1901

* * *

В бездействии младом, в передрассветной лени
Душа парила ввысь, и там Звезду нашла.
Туманен вечер был, ложились мягко тени.
Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темные ступени
Вступила Ты, и, Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой в передрассветной лени
На звездные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений.
И юность робкая с мечтами без числа.
И близится рассвет. И убегают тени.
И, Ясная, Ты с солнцем потекла.

19 июня 1901

* * *

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

22 июня 1901

* * *

С. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный дол — ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел — она одна росла.
И только лик бессмертного светила —
Что день — смотрел на девственный расцвет,
И, влажный злак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайный след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах...
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеяна снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течет в ряду иных светил.

26 июня 1901

* * *

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны — волны попутной
К лучезарной глубине.

Чуть слежу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Уплывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов миров иных.

3 июля 1901

* * *

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, — Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901

* * *

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой — далёко где-то —
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,

Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый.
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье...

7 июля 1901

* * *

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?
Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песнью без конца растаяла в снегах
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла звездою мне, но шла в дневных лучах
И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез — в далекие туманы.
Я направляю взор в таинственные страны, —

Тебя не вижу я, и долго бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый,
Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый.

8 июля 1901

* * *

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди — морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака — и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари — неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

* * *

Вечереющий день, догорая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастая,
Неотступная Тайна моя.

Неужели и страстная дума,
Бесконечно земная волна,
Затерявшись средь здешнего шума,
Не исчерпает жизни до дна?

Неужели в холодные сферы
С неразгаданной тайной земли
Отошли и печали без меры,
И любовные сны отошли?

Умирают мои угнетенья,
Утоляются горести дня,
Только Ты одинокою тенью
Посети на закате меня.

11 июля 1901

* * *

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, растет. . .

Всё ближе — чаянье сильнее,
Но, ах! — волненья не снести. . .
И вещий падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом — семья в чаду молений,
И над кладби́щем — мерный звон. . .
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он! . .

19 июля 1901

* * *

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь.
Моря души — просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветешь.
А песни звук — докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной — туманы позади.
Объемли сны, какими я овеян,
Пойми сама, что́ будет впереди.

25 июля 1901

* * *

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и беспокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день *великий* скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг, — грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути, и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто *здесь* вздыхает обо мне.

27 июля 1901

* * *

Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и ка́мней груда,
В них горишь алмазом ты.

А сама — за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек

29 июля 1901. Фабрика

* * *

Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?

Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

* * *

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру,
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму, —
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

* * *

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поет — не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке, —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Всё равно — мне певца не понять...
    От себя ли скрывать
    Роковую потерю?

24 августа 1901

* * *

Кругом далекая равнина,
Да толпы обгорелых пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелятся над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет угрюмая тоска.

Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет — до поры.

И всё, что будет, всё, что было, —
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.

25 августа 1901. Д. Ивлево

* * *

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожбой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклятье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

* * *

Нет конца лесным тропинкам.
        Только встретить до звезды
        Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным былинкам.

        Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...
По верхушкам елок низких
        Перелетные слова...

Не замечу ль по былинкам
        Потаенного следа...
        Вот она — зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.

2 сентября 1901. Церковный лес

* * *

Мчит меня мертвая сила,
Мчит по стальному пути.
Небо уныньем затмило,
В сердце — твой голос: «Прости».

Да, и в разлуке чиста ты
И непорочно свята.
Вон огневого заката
Ясная гаснет черта.

Нет безнадежного горя!
Сердце — под гнетом труда,
А на небесном просторе —
Ты — золотая звезда.

6 сентября 1901.
Почтовый поезд

ПОСВЯЩЕНИЕ

Встали надежды пророка —
Близки лазурные дни.
Пусть лучезарность востока
Скрыта в неясной тени.

Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет.
Мне мировая разгадка
Этот безбрежный поэт.

Здесь — голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.
Все голубое — за Вами
И лучезарное — к Вам.

18 сентября 1901

* * *

Пройдет зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмый.

21 сентября 1901

* * *

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

* * *

Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись — плывут — подошли.

Что же ты на великую встречу
Не вскрываешь свои глубины?
Или чуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завижу.
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты ж и в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

* * *

Хранила я среди младых созвучий
Задумчивый и нежный образ дня.
Вот дунул вихрь, поднялся прах летучий,
И солнца нет, и сумрак вкруг меня.

Но в келье — май, и я живу, незрима,
Одна, в цветах, и жду другой весны.
Идите прочь — я чую серафима,
Мне чужды здесь земные ваши сны.

Идите прочь, скитальцы, дети, боги!
Я расцвету еще в последний день,
Мои мечты — священные чертоги,
Моя любовь — немеющая тень.

17 октября 1901

* * *

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесьи, идут облака
Через туман озаренные.

С ними — знакомое, слышу, вослед...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни ответ,
Вместе ли оба почудятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901

* * *

Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке.
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вот они — тихие, светлые, скорые —
Мчатся ко мне издали.

6 ноября 1901

* * *

Я ли пишу, или ты из могилы
Выслала юность свою, —
Прежними розами призрак мне милый
Я, как тогда, обовью.

Если умру — перелетные птицы
Призрак развеют, шутя.
Скажешь и ты, разбирая страницы:
«Божье то было дитя».

21 ноября 1901

* * *

Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звеня:
Ты говорила: «Приду, —

Жди на распутьи — вдали
Людных и ярких дорог,

Чтобы с величьем земли
Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру,
Как твое сердце, звеня,
Двери тебе отопру
В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

* * *

Будет день — и свершится великое,
Чую в будущем подвиг души.

Ты — другая, немая, безликая,
Притаилась, колдуешь в тиши.

Но во что обратишься — не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,

А уж *Там* веселятся победою
Над единой и страшной душой.

23 ноября 1901

* * *

Я долго ждал — ты вышла поздно,
Но в ожиданьи ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень,
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, — и сердце занялось.

Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

* * *

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

ВОРОЖБА

Я могуч и велик ворожбою,
Но тебя уследить — не могу.
Полечу ли в эфир за тобою —
Ты цветешь на земном берегу.
Опускаюсь в цветущие степи —
Ты уходишь в вечерний закат,
И меня оковавшие цепи
На земле одиноко бренчат.

Но моя ворожба не напрасна:
Пусть печально и страшно «вчера».
Но сегодня — и тайно и страстно
Заалело полнеба с утра.

Я провижу у дальнего края
Разгоревшейся тучи — тебя.
Ты глядишь, улыбаясь и зная,
Ты придешь, трепеща и любя.

5 декабря 1901

* * *

Недосказанной речи тревогу
Хороню до свиданья в ночи.
Окна терема — все на дорогу,
Вижу слабое пламя свечи.

Ждать ли поздней условленной встречи?
Знаю — юная сердцем в пути, —
Ароматом неведомой встречи
Сердце хочет дрожать и цвести.

В эту ночь благовонные росы,
Словно влажные страсти слова,
Тяжко лягут на мягкие косы —
Утром будет гореть голова. . .

Но несказанной речи тревогу
До свиданья в ночи — не уйму.
Слабый пламень глядит на дорогу,
Яркий пламень дрожит в терему.

6 декабря 1901

* * *

Молчи, как встарь, скрывая свет, —
Я ранних тайн не жду.
На мой вопрос — один ответ:
Ищи свою звезду.

Не жду я ранних тайн, поверь,
Они не мне взойдут.
Передо мной закрыта дверь
В таинственный приют.

Передо мной — суровый жар
Душевных слез и бед,
И на душе моей пожар —
Один, один ответ.

Молчи, как встарь, — я услежу
Восход моей звезды,
Но сердцу, сердцу укажу
Я поздних тайн следы.

Но первых тайн твоей весны
Другим приснится свет.
Сольются наши две волны
В горниле поздних бед.

18 декабря 1901

* * *

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду — внезапно отво́рится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла,
За ладьей — огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.
В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню — отво́рится дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОЗ

Смотрел отвека бог лукавый
На эти душные цветы.
Их вековечною отравой
Дыши и упивайся ты.

С их страстной, с их истомной ленью
В младые сумерки твои
И пламенной и льстивой тенью
Войдут мечтания мои.

Неотвратимы и могучи,
И без свиданий, и без встреч,
Они тебя из душной тучи
Живою молньей будут жечь.

24 декабря 1901

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОД

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.
Скрипнет снег — сердца займутся —
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше — улица темна.
Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные — помеха,
Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полуночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...
Скрипнет снег — в морозной дали
Тихий, крадущийся свет.
Чьи-то санки пробежали...
«Ваше имя?» — Смех в ответ...

Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо...
И смеющийся, и нежный
Закрывает мне лицо...
Лежат холодные туманы,
Бледнея, кра́дется луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена...

31 декабря 1901

* * *

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

4 января 1902

* * *

Высо́ко с темнотой сливается стена,
Там — светлое окно и светлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лестница темна,
И бродит по углам знакомое дрожанье.

В дверях дрожащий свет и сумерки вокруг.
И суета и шум на улице безмерней.
Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг,
Последняя мечта моей души вечерней.

11 января 1902

* * *

Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.

В речах о мудрости небесной
Земные чуятся струи.
Там, в сводах — сумрак неизвестный,
Здесь — холод каменной скамьи.

Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чуется познанье
И дрожь голубки и змеи.

14 января 1902

* * *

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет — исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Ты услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели, —
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приделе,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет — в холодные мятели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе,
Но растут всемощные крыла.

29 января 1902

* * *

Вдали мигнул огонь вечерний —
Там расступились облака.
И вновь, как прежде, между терний
Моя дорога нелегка.

Мы разошлись, вкусивши оба
Предчувствий неги и земли.
А сердце празднует до гроба
Зарю, мигнувшую вдали.

Так мимолетно перед нами
Перепорхнула жизнь — и жаль:
Всё мнится — зорь вечерних пламя
В последний раз открыло даль.

Январь 1902

* * *

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.

Все лучи моей свободы
Заалели *там.*
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши...
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме,
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?

3 февраля 1902

* * *

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без умолку смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем...

3 февраля 1902

* * *

Или устал ты до времени,
Просишь забвенья могил,
Сын утомленного племени,
Чуждый воинственных сил?

Ищешь ты кротости, благости,
Где ж молодые огни?
Вот и задумчивой старости
К нам придвигаются дни.

Негде укрыться от времени —
Будет и нам череда...
Бедный из бедного племени!
Ты не любил никогда!

11 февраля 1902

* * *

Для солнца возврата нет.
«Снегурочка» Островского

Сны безотчетны, ярки краски,
Я не жалею бледных звезд.
Смотри, как солнечные ласки
В лазури нежат строгий крест.

Так — этим ласкам близ заката
Он отдается, как и мы,
Затем, что *Солнцу нет возврата*
Из надвигающейся тьмы.

Оно зайдет, и, замирая,
Утихнем мы, погаснет крест, —
И вновь очнемся, отступая
В спокойный холод бледных звезд.

12 февраля 1902

* * *

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

18 февраля 1902

* * *

И Дух и Невеста говорят: прииди.
Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

* * *

Ты — божий день. Мои мечты —
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи — нет конца
Хвалам, и клёкоту, и крикам!

21 февраля 1902

* * *

Целый день передо мною,
Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Так, сливаясь с милой, дальной,
Проводил я день весенний
И вечерней светлой тени
Шел навстречу, беспечальный.

Дней блаженных сновиденье —
Шла Ты чистою стезею.
О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Февраль 1902

* * *

Успокоительны, и чудны,
И странной тайной повиты
Для нашей жизни многотрудной
Его великие мечты.

Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет,

И все суровые загадки
Находят дерзостный ответ —

В одном луче, туман разбившем,
В одной надежде золотой,
В горячем сердце — победившем
И хлад, и сумрак гробовой.

6 марта 1902

* * *

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.

Остановясь на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжки были небеса.

И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали — зубчатые вершины
День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

16 марта 1902

* * *

Травы спят красивые,
Полные росы.
В небе — тайно лживые
Лунные красы.

Этих трав дыхания
Нам обманный сон.
Я в твои мечтания
Страстно погружен.

Верится и чудится:
Мы — в согласном сне.
Всё, что хочешь, сбудется —
Наклонись ко мне.

Обними — и встретимся,
Спрячемся в траве,
А потом засветимся
В лунной синеве.

22 марта 1902

* * *

Мой вечер близок и безволен.
Чуть вечереют небеса, —
Несутся звуки с колоколен,
Крылатых слышу голоса.

Ты — ласковым и тонким жалом
Мои пытаешь глубины,
Слежу прозрением усталым
За вестью чуждой мне весны.

Меж нас — случайное волненье.
Случайно сладостный обман —
Меня обрек на поклоненье,
Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдаленьи
Замрут печально голоса,
Когда окутанные тенью
Мои погаснут небеса.

27 марта 1902

* * *

Я жалок в глубоком бессильи,
Но Ты всё ясней и прелестней.
Там бьются лазурные крылья,
Трепещет знакомая песня.

В порыве безумном и сладком,
В пустыне горящего гнева,
Доверюсь бездонным загадкам
Очей Твоих, Светлая Дева!

Пускай не избегну неволи,
Пускай безнадежна утрата, —
Ты здесь, в неисходной юдоли,
Безгневно взглянула когда-то!

Март 1902

* * *

Ловлю дрожащие, хладеющие руки;
Бледнеют в сумраке знакомые черты!..
Моя ты, вся моя — до завтрашней разлуки,
Мне всё равно — со мной до утра ты.
Последние слова, изнемогая,
Ты шепчешь без конца, в неизреченном сне.
И тусклая свеча, бессильно догорая,
Нас погружает в мрак, — и ты со мной, во мне...
Прошли года, и ты — моя, я знаю,
Ловлю блаженный миг, смотрю в твои черты,
И жаркие слова невнятно повторяю...
До завтра ты — моя... со мной до утра ты...

Март 1902

* * *

На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.
Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна....

Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...
Слова о какой-то любви...
И, боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Всё призрак — всё горе — всё ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902

* * *

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902

* * *

Весна в реке ломает льдины
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.

Чтó сожалеть в дыму пожара,
Чтó сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

Март 1902

* * *

Утомленный, я терял надежды,
Подходила темная тоска.
Забелели чистые одежды,
Задрожала тихая рука.

«Ты ли здесь? Долина потонула
В безысходном, в непробудном сне...
Ты сошла, коснулась и вздохнула, —
День свободы завтра мне?» —

«Я сошла, с тобой до утра буду,
На рассвете твой покину сон,
Без следа исчезну, всё забуду, —
Ты проснешься, вновь освобожден».

1 апреля 1902

* * *

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шопотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блёкнут ланиты у дев златокудрых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

4 апреля 1902

* * *

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд.
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатых красок и слов.
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же пó сердцу белая ложь. . .
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь.

5 апреля 1902

* * *

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа.
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

* * *

Я тишиною очарован
Здесь — на дорожном полотне.
К тебе я мысленно прикован
В моей певучей тишине.

Там ворон каркает высоко,
И вдруг — в лазури потонул.
Из бледноватого далёка
Железный возникает гул.

Вчера твое я слышал слово,
С тобой расстался лишь вчера,
Но тишина мне шепчет снова:
Не так нам встретиться пора...

Вдали от суетных селений,
Среди зеленой тишины
Обресть утраченные сны
Иных, несбыточных волнений.

18 апреля 1902
На полотне Финл. жел. дороги

* * *

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез...
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес...
Ты забудешь меня, как простила.

Апрель 1902

* * *

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, — и снова тьма бродила.

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикре́плен болтом.
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице — при свете лампы жолтом.

Там наверху окно смотрело вниз,
Завешанное неподвижной шторой,
И, словно лоб наморщенный, карниз
Гримасу придавал стене — и взоры...

Там, в сумерках, дрожал в окошках свет,
И было пенье, музыка и танцы.

А с улицы — ни слов, ни звуков нет, —
И только стекол выступали глянцы.

По лестнице над сумрачным двором
Мелькала тень, и лампа чуть светила.
Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

1 мая 1902

* * *

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

13 мая 1902

* * *

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

* * *

Поздно. В окошко закрытое
Горькая мудрость стучит.
Всё ликованье забытое
Перелетело в зенит.

Поздно. Меня не обманешь ты.
Смейся же, светлая тень!
В небе купаться устанешь ты —
Вечером сменится день.

Сменится мертвенной скукою —
Краски поблёкнут твои...
Мудрость моя близорукая!
Темные годы мои!

Май 1902

* * *

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь, —
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, —
Иду, — и песни не те...

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Май 1902

* * *

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе
Могла исчéрпать и избыть
Всё мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

28 мая 1902

* * *

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брежжит бледная заря, —
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег — белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

11 июня 1902. С. Шахматово

* * *

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожбе,
Твои черты, философ и ваятель,
Изображу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображенье,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!»

Июнь 1902

* * *

Хоронил я тебя, и, тоскуя,
Я растил на могиле цветы,
Но в лазури, звеня и ликуя,
Трепетала, блаженная, ты.

И к родимой земле я клонился,
И уйти за тобою хотел,
Но, когда я рыдал и молился,
Звонкий смех твой ко мне долетел.

Похоронные слезы напрасны —
Ты трепещешь, смеешься, жива!
И растут на могиле прекрасной
Не цветы — огневые слова!

Июнь 1902

* * *

Ушли в туман мечтания,
Забылись все слова.
Вся в розовом сиянии
Воскресла синева.

Умчались тучи грозные
И пролились дожди.
Великое, бесслезное! ..
Надейся, верь и жди.

30 июня 1902

* * *

Пробивалась певучим потоком,
Уходила в немую лазурь,
Исчезала в просторе глубоком
Отдаленным мечтанием бурь.
Мы, забыты в стране одичалой,
Жили бедные, чуждые слез,
Трепстали, молились на скалы,
Не видали сгорающих роз.
Вдруг примчалась на север угрюмый,
В небывалой предстала красе,
Назвала себя смертною думой,
Солнце, месяц и звезды в косе.
Отошли облака и тревоги,
Всё житейское — в сладостной мгле,
Побежали святые дороги,
Словно небо вернулось к земле.
И на нашей земле одичалой
Мы постигли сгорания роз.
Злые думы и гордые скалы —
Всё растаяло в пламени слез.

1 июля 1902

НА СМЕРТЬ ДЕДА

(1 июля 1902 г.)

Мы вместе ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдруг ветерком пахнуло от окна,
Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шел — уже, как лунь, седой —
Походкой бодрою, с веселыми глазами,
Смеялся нам, и всё манил рукой,
И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был — и стар и млад, —
Узнали в нем того, кто перед нами,
И, обернувшись с трепетом назад,
Застали прах с закрытыми глазами..,

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидать веселье.
Пришел наш час — запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

С. Шахматово

* * *

> Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха.
>
> *От Иоанна, III, 29*

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.

7 июля 1902

* * *

Говорили короткие речи,
К ночи ждали странных вестей.
Никто не вышел навстречу.
Я стоял один у дверей.

Подходили многие к дому,
Крича и плача навзрыд.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнал
Сумасшедший бред о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить.

Так стоял один — без тревоги.
Смотрел на горы вдали.
А там — на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

15 июля 1902

* * *

Сбежал с горы и замер в чаще.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и чаще!..
Меня проищут до зари.

Огонь болотный им неведом.
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бегут за мною следом
Среди запутанной травы.

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.

21 июля 1902

* * *

Как сон, уходит летний день,
И летний вечер только снится.
За ленью дальних деревень
Моя задумчивость таится.

Дышу и мыслю и терплю.
Кровавый запад так чудесен. . .
Я этот час, как сон, люблю,
И силы нет страшиться песен.

Я в этот час перед тобой
Во прахе горестной душою.
Мне жутко с песней громовой
Под этой тучей грозовою.

27 июля 1902

* * *

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листам —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.

Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

31 июля 1902

* * *

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Июль 1902

* * *

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною —
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

«Он» — мечом деревянным
Начертал письмена.
Восхищенная странным,
Потуплялась «Она».

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

6 августа 1902

* * *

Тебе, Тебе, с иного света,
Мой Друг, мой Ангел, мой Закон!
Прости безумного поэта,
К тебе не возвратится он.

Я был безумен и печален,
Я искушал свою судьбу,
Я золотистым сном ужален
И чаю таинства в гробу.

Ты просияла мне из ночи,
Из бедной жизни увела,
Ты долу опустила очи,
Мою Ты музу приняла.

В гробу я слышу голос птичий,
Весна близка, земля сыра.
Мне золотой косы девичьей
Понятна томная игра.

14 августа 1902

* * *

Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты воспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.

Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...

Август 1902

* * *

В чужбину по гудящей стали
Лечу, опомнившись едва,
И, веря обещаньям дали,
Твержу вчерашние слова.

Теперь я знаю: где-то в мире,
За далью каменных дорог,
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу бог.

И нам недолго любоваться
На эти, здешние пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут новые миры.

Август 1902

* * *

Золотистою долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.

29 августа 1902

* * *

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, полнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услыхал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далеко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Но здесь, и дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

6 сентября 1902. С.-Петербург

* * *

Давно хожу я под окнами,
Но видел ее лишь раз.
Я в небе слежу за волокнами
И думаю: день погас.

Давно я думу печальную
Всю отдал за милый сон.
Но песню шепчу прощальную
И думаю: где же он?

Она окно занавесила —
Не смотрит ли милый глаз?
Но сердцу, сердцу не весело:
Я видел ее лишь раз.

Погасло небо осеннее
И розовый небосклон.
А я считаю мгновения
И думаю: где же сон?

7 сентября 1902

* * *

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.
Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,
Билось попрежнему сердце,
Не изменялась душа.

Всё отошло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

15 сентября 1902

* * *

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз,
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну — и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1902

ЭККЛЕСИАСТ

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хаóс безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдневным солнцем залитая;
Идешь — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот — кузнечик тяжелеет,

И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Всё диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

* * *

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Следил за ней, на всё готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она — и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали жолтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее сребристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

27 сентября 1902

* * *

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искариота
Улыбку видели гонцы.

19 апреля — 28 сентября 1902

СТАРИК

А. С. Ф.

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то — там — нас было двое,
Но то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было, или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

* * *

При жолтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.

Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...

Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...

Сентябрь 1902

* * *

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре — в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит — пристальный — один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там — в углу — под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

* * *

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За жолто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у прибережий.

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос...

10 октября 1902

* * *

Ушел он, скрылся в ночи́,
Никто не знает, куда.
На столе остались ключи,
В столе — указанье следа.

И кто же думал тогда,
Что он не придет домой?
Стихала ночная езда —
Он был обручен с Женой.

На белом холодном снегу
Он сердце свое убил.
А думал, что с Ней в лугу
Средь белых лилий ходил.

Вот брежжит утренний свет,
Но дома его всё нет.
Невеста напрасно ждет,
Он был, но он не придет.

12 октября 1902

RELIGIO[1]

1

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, Хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

2

Безмолвный призрак в терему,
Я — черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронутом алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

[1] Благочестие (лат.). — *Ред.*

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет служенья Непостижной.

18 октября 1902

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

* * *

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда — величавей и краше,
Без сомнений и дум приму.
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

* * *

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет;
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

* * *

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.

Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре — голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар — впереди.

Октябрь 1902

* * *

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму — живут, или спят...
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты — там.

5 ноября 1902

* * *

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись. . .»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

РАСПУТЬЯ
(1902—1904)

* * *

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, — хранил огонь лампад.

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил.

И в Оный День — один участник Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902

СФИНКС

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Задрожали слова оскорбленных богинь
И готовы слететь с языка...

Преломилась излучиной гневная бровь,
Зарываются когти в песке...
Я услышу забытое слово *Любовь*
На забытом, живом языке...

Но готовые врыться в сыпучий песок
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной — только тайный намек —
Нераскрытой мечты торжество.

8 ноября 1902

* * *

Загляжусь ли я в ночь на метелицу,
Загорюсь — и погаснуть невмочь.
Чтó в очах Твоих, красная девица,
Нашептала мне синяя ночь.

Нашепталась мне сказка косматая,
Нагадал заколдованный луг
Про тебя сновиденья крылатые,
Про тебя, неугаданный друг.

Я завьюсь снеговой паутиною,
Поцелуи — что долгие сны.
Чую сердце твое лебединое,
Слышу жаркое сердце весны.

Нагадала Большая Медведица,
Да колдунья, морозная дочь,
Чтó в очах твоих, красная девица,
На челе твоем, синяя ночь.

12 ноября 1902

* * *

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

* * *

Ушел я в белую страну,
Минуя берег возмущенный.
Теперь их голос отдаленный
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

Им нет числа. В своих гробах
Они замкнулись неприступно.
Я знаю: больше, чем преступно,
Будить сомненье в их сердцах.

Я кинул их на берегу.
Они ужасней опьяненных.
И в глубинах невозмущенных
Мой белый светоч берегу.

16 ноября 1902

* * *

Несбыточное грезится опять.

Фет

Еще бледные зори на небе,
Далеко запевает петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.
И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное. . .
Он ушел печальной дорогой,
  А я забыла вчерашнее —
    забыла вчерашнее.

Вчера это было — давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
  Я не искала плакучей ивы —
    плакучей ивы.

Ах, давно ли! Со мною, со мною
Говорили — и меня целовали...
И не помню, не помню — скрою,
  О чем берега шептали —
    берега шептали.

Я видела в каждой былинке
Дорогое лицо его страшное...
Он ушел по той же тропинке,
  Куда уходило вчерашнее —
    уходило вчерашнее...

Я одна приютилась в поле,
И не стало больше печали.
Вчера это было — давно ли?
  Со мной говорили, и меня целовали —
    меня целовали.

23 ноября 1902

* * *

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне. —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.

Зима пройдет — в певучей вьюге
Уже звенит издалека.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

30 ноября 1902

* * *

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась богородице кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.
А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпáла Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему — под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако высóко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко, —
Царевна-Невеста — что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые да красные заставки.

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

14 декабря 1902

* * *

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слыхал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усильи,
Как будто поняв зловещий намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу,
И звонко сказал, пронизывая мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И те, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902

* * *

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».
У входа в сумрак молений
Я открыл мое сердце. — Жду.

Что скажу я тебе — не знаю.
Может быть, от счастья умру.

Но, огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Над храмом, над нами —
Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902

* * *

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Декабрь 1902

* * *

На обряд я спешил погребальный,
Ускоряя таинственный бег.
Сбил с дороги не ветер печальный —
Закрутил меня розовый снег.

Притаился я в тихой долине —
Расступилась морозная мгла.
Вот и церковь видна на равнине —
Золотятся ее купола...

Никогда не устану молиться,
Никогда не устану желать, —
Только б к милым годам возвратиться
И младенческий сон увидать!

Декабрь 1902

* * *

Она ждала и билась в смертной муке.
Уже маня, как зов издалека,
Туманные протягивались руки,
И к ним влеклась неверная рука.

И вдруг дохнул весенний ветер сонный,
Задул свечу, настала тишина,
И голос важный, голос благосклонный
Запел вверху, как тонкая струна.

Декабрь 1902

* * *

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Раздышались цветы — и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгарая, взошла на крыльцо.

Сентябрь — декабрь 1902

* * *

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

6 января 1903

* * *

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

* * *

Днем за нашей стеной молчали, —
Кто-то злой измерял свою совесть.
И к вечеру мы услыхали,
Как раскрылась странная повесть.

Вчера еще были объятья,
Еще там улыбалось и пело.
По крику, по шороху платья
Мы узнали свершенное дело.

Там в книге открылась страница,
И ее пропустить не смели...
А утром узнала столица
То, о чем говорили неделю...

И всё это — здесь за стеною,
Где мы так привыкли к покою!
Какой же нам-то ценою
Досталось счастье с тобою!

29 января 1903

* * *

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась наверное ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Всё равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскаленный блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошел и запел,
И не скроешь — услышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

9 февраля 1903

* * *

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

* * *

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься, —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастию,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Всё равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоем туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

* * *

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой —
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что пла́чу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье.
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

* * *

— Всё ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

* * *

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

* * *

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

* * *

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шопот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день, ради бога,
Ввечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903

* * *

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

* * *

Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Развертывал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

* * *

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

* * *

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

* * *

Я умер. Я пал от раны.
И друзья накрыли щитом.
Может быть, пройдут караваны.
И вожатый растопчет конем.

Так лежу три дня без движенья.
И взываю к песку: «Задуши! . .»
Но тело хранит от истленья
Красноватый уголь души.

На четвертый день я восстану,
Подыму раскаленный щит,
Растравлю песком свою рану
И приду к Отшельнице в скит.

Из груди, сожженной песками,
Из плаща, в пыли и крови,
Негодуя, вырвется пламя
Безначальной, живой любви.

19 мая 1903

* * *

Если только она подойдет —
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосвод...
Голубая спокойная гладь.

Кто прикликал моих лебедей?
Кто над озером бродит, смеясь?
Неужели средь этих людей
Незаметно Заря занялась?

Всё равно — буду ждать, буду ждать...
Я один, я в толпе, я — как все...
Окунусь в безмятежную гладь —
И всплыву в лебединой красе.

3 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.

Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти россказни далече —
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усильем поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

4 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Очарованный вечер мой долог,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зеленые нивы Твои.

Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...
Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...

Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.
Всё, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.

Всё, что в сердце, смежило ресницы,
Но едва я заслышу: «Лети», —
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути...

11 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

К. М. С.

Сердито волновались нивы.
Собака выла. Ветер дул.
Ее восторг самолюбивый
Я в этот вечер обманул.

Угрюмо шепчется болото.
Взошла угрюмая луна.
Там в поле бродит, плачет кто-то...
Она! Наверное — она!

Она смутила сон мой странный —
Пусть приютит ее другой:
Надутый, глупый и румяный
Паяц в одежде голубой.

12 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

Июнь 1903. Bad Nauheim

* * *

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что́ будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених.

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме — в глубокой тишине:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, — свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

16 июня 1903. Bad Nauheim

ДВОЙНИК

Вот моя песня — тебе, Коломбина.
Это — угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйтесь на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя непохожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой».

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним — вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро».
Я повторяю: «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно,
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душно!»
Он повторяет: «Иди. Не пущу».

Там, где на улицу, в звонкую давку
Взглянет и спрячется розовый лик, —
Там мы войдем в многолюдную лавку, —
Я — Арлекин, и за мною — старик.

О, если только заметят, заметят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!

Там — голубое окно Коломбины,
Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном весельи — мы два Арлекина —
Юный и старый — сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый — он тупо глумится над вами,
Юный — он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне, — розовей навечерий,
Та, что вверху, — ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте как дети. Поймите меня.

30 июля 1903. С. Шахматово

ВЕРБНАЯ СУББОТА

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... — Проснитесь, мы тут...
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен.

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903. С.-Петербург

* * *

Иммануил Кант

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,

Такое темное окошко...
Тепло и тёмно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной — колечки.

18 октября 1903

* * *

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бела,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день, —
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой, —
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

* * *

Андрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле.
В бездне — мрак, а в небе — гул.
Милый друг! Звезда иная
Нам открылась на земле.

Неразлучно — будем оба
Клятву Вечности нести.
Поздно встретимся у гроба
На серебряном пути.

Там — сжимающему руки
Руку нежную сожму.
Молчаливому от муки
Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Оный День — знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

* * *

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовей,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...
Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины́:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

* * *

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903

РАССВЕТ

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высóко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

18 ноября 1903

ФАБРИКА

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят нá спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

* * *

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка — птица, чайка — дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903. С.-Петербург

* * *

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.
Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда взывало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там — бессмертною волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

11 декабря 1903

* * *

Е. П. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится пó полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанью, к молчанью.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

* * *

Среди гостей ходил я в черном фраке.
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом — очнусь у двери с ручкой медной,
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

18 декабря 1903

ИЗ ГАЗЕТ

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звенящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

СТАТУЯ

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаóс.
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье неслось.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

28 декабря 1903

* * *

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег.

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядком,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

* * *

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудёт.

Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжко и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно...
Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

* * *

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.

Солнце небо опояшет,
Вот и вечер — весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.

На балконе, где алеют
Мхи старинных баллюстрад,
Деды дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.

Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж.

Протянув больную руку,
Сладко юным погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.

И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягком стеганом халате
Перебраться на кровать...

Скажут: «Поздно, мы устали...»
Разойдутся на заре.
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.

Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...

25 февраля 1904

* * *

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к царице небесной придешь, —
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста — и вечно жена.

26 марта 1904

МОЛИТВЫ

Наш Арго!

Андрей Белый

1

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У решотки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозовых надежд,
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. УТРЕННЯЯ

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высоко он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре.
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг.
На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. ВЕЧЕРНЯЯ

Солнце сходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающих мерно дыханье.
Впереди — огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри. . .
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зари.

4. НОЧНАЯ

Они Ее видят!

В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод.
Мой час молитвенный недолог —
Заутра обуяет сон.

Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток
Минут, мелькнувших наяву!
Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно-розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежещет
Суровый маг моей земли!
Тебя — племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая Тень!
Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тихости одень!

5. НОЧНАЯ

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью вне́млю.
Я грущу, как заоблачный воин,
Уронивший панцырь на землю.

Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Всё снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует — в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты — в тени под мирной оливой.

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... Спи до срока.

Март — апрель 1904

* * *

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.

Были дни — над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат.

Брата брат из дальних келий
Извещал: «Хвала!»
Где-то голуби звенели,
Расплескав крыла.

С золотистых ульев пчелы
Приносили мед.
Наполнял весельем долы
Праздничный народ.

В пестрых бусах, в алых лентах
Девушки цвели...
Кто там скачет в позументах
В голубой пыли?

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых ку́дрей бьются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый...
Блещут стремена...
На кафтан его парчевый
Пролилась весна —

Пролилась — он сгинет в тучах,
Вспыхнет за холмом.
На зеленых встанет кручах
В блеске заревом,

Где-то перьями промашет,
Крикнет: «Берегись!»
На коне селом пропляшет,
К ночи канет ввысь...

Ночью девушкам приснится,
Прилетит из туч
Конь — мгновенная зарница,
Всадник — беглый луч...

И, как луч, пройдет в прохладу
Узкого окна,
И Царевна, гостю рада,
Встанет с ложа сна...

Или, в злые дни ненастий,
Глянет в сонный пруд,
И его, дрожа от страсти,
Руки заплетут.

И потом обманут — вскинут
Руки к серебру,
Рыбьим плёсом отодвинут
В струйную игру...

И душа, летя на север
Золотой пчелой,
В алый сон, в медовый клевер
Ляжет на покой...

И опять в венках и росах
Запоет мечта,
Засверкает на откосах
Золото щита,

И поднимет щит девица,
И опять вдали
Всадник встанет, конь вздыбится
В голубой пыли...

Будут вёсны в вечной смене
        И падений гнёт.
Вихрь, исполненный видений, —
        Голубиный лёт...

Что́ мгновенные бессилья?
        Время — легкий дым...
Мы опять расплещем крылья,
        Снова отлетим!

И опять, в безумной смене
        Рассекая твердь,
Встретим новый вихрь видений,
        Встретим жизнь и смерть!

Апрель — май 1904. С. Шахматово

* * *

В час, когда пьянеют нарциссы,
И театр в закатном огне,
В полутень последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...

Арлекин, забывший о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Ветерок, приносящий с поля
Дуновений легкую дань?

Я, паяц, у блестящей рампы
Возникаю в открытый люк.
Это бездна смотрит сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паук.

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутясь и звеня...
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Нежный друг с голубым туманом,
Убаюкан качелью снов.
Сиротливо приникший к ранам
Легкоперстный запах цветов.

26 мая 1904. С. Шахматово

* * *

Вот он — ряд гробовых ступеней.
И меж нас — никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой.
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог.

18 июня 1904. С. Шахматово

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

(1904—1908)

ВСТУПЛЕНИЕ

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копья заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излучённый путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

16 апреля 1905

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

(1904—1905)

Земля, как и вода, содержит газы.
И это были пузыри земли.

Макбет

---

* * *

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем воина,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...

И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
        Отблеском вечера...
        Отблеском счастия...

И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Всё дышит ленивым
И белым размером
        Весны.

5 мая 1904

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

А. М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дождаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый чорт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

* * *

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листы.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот — предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

ТВАРИ ВЕСЕННИЕ

(Из альбома «Kindisch»[1] Т. Н. Гиппиус)

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали́ начинаем вникать в отдаленные трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пру́да...
Мы еще помолчим.

Утро сонной тропою пустило стрелу,
Но одна — на руке, опрокинутой в высь,
Ладонью в стволистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

---

[1] «Детское» (нем.). — *Ред.*

Будет вам день беззакатный!
С ночкой вы не радели —
Вот и всё ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком светло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.

Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чортик запросится
Ко Святым Местам.

19 февраля 1905

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила́ вкруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.

Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере».

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звериную лапу,
И за римского папу.

Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905

* * *

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовом дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И приметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
«Ты, красавица, верно, ко мне!
Стосковалась в своей тишине!»

За корявые пальцы взялась,
С бородою зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

* * *

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот злак, что сгорел, — не умрет.
Этот куст — без истления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

* * *

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схима — желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голоса,
Всё о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне знаком,
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой — навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.

В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревый свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей —
Старину озаренных болот.

3 июня 1905

* * *

Болото — глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смеженных ресниц —
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
«Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила».
И когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые — смеются,
А у девушек — ясно видны
За плечами белые крылья.

3 июня 1905

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам —
Приложилась к мощам — и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злачными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высо́ко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть...»

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевает и нам Купина...»

Июль 1905

* * *

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.

На зеленые длинные волосы
Упадают листы, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказáнная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

ЭХО

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову — и трикраты
Мне издали звонко
Ответствует нимфа, ответствует Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повтореньи
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти и страсти —
Венчальные ветви
Осенних убранств и запястий...

Там — в синем раздольи — мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопою твоей не сгорать.

С нами, к нам — легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих злаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905

НОЧНАЯ ФИАЛКА

СОН

(1906)

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото, —
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извощичьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин.
Также не были чужды ему
Девицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...

Но всё посерело, померкло,
И зренье у спутника — также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказа́нно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?).

Прохожих стало всё меньше.
Только тощие псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознанье,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку, —
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Всё, что вижу во сне, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрёму, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари, —
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром всё было спокойно
И торжественной встречей полнó:
Ведь никто не слыхал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состояньи желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза, —
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой, —
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенáм
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,

Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в сединáх голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжко опять приступить
К исполненью сурового долга,
К поклоненью забытым венцам,

Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дожидаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо вглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сижу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукоятью меча;

Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шлема,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше — беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королевна,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть-может, — столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,

Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далеко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночною Фиалкой.

За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаясь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,

И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

18 ноября 1905 — 6 мая 1906

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1904—1908)

* * *

Л. Семенову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вкруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

* * *

Ты оденешь меня в серебро,
И когда я умру,
Выйдет месяц — небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру,

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу — зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым лицом.
И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубенцом...

Знаю — сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной наготе.
Но зловещий восходит угар —
К небесам, к высоте, к чистоте.

14 мая 1904

ВЗМОРЬЕ

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднéбесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаряя таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издалú мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

* * *

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою — и карлик служит мне:
Согбенный карлик в платье черном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного — слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно — смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда — огромен бледным телом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

* * *

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия небесного ключи.

В этот час и Ты пришла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храня.
На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном
взгляде
Не умел никто, Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе —
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирала руки к догорающей заре.

Осень 1904

* * *

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказа́нных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высоко — в изумрудах
Облаки-овцы бредут.

В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людям предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904

* * *

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

НОЧЬ

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье дольнего волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная — плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеяньи,
В сонме черных колесниц,

В бледно-фосфорном сияньи —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий — половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904

* * *

Вот — в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы — птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синеет тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

1. РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья –
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что́ за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:

Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

2. ТАК БЫЛО

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —

Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

3. ПЕСНЯ МАТРОСОВ

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!

Приневестилась
Морская глубина!
Неневестная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна.
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

4. ГОЛОС В ТУЧАХ

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!

Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

5. КОРАБЛИ ИДУТ

О, светоносные стебли морей, маяки!
        Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — созданье волненья,
        Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
        И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь в бурунáх
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...

Невиди́м для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий Рок:
«Ничей».

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, ты — мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

6. КОРАБЛИ ПРИШЛИ

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То — земля, о, дети страсти,
Дети бурь, — она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

7. РАССВЕТ

Тихо рассы́палась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте уделя.

Сумерки близятся. В утренней дрёме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водоеме —
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далёко
Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть или жизнь тяготеет над морем,
Весть о победе — в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сияньи —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познанье
Ранних и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...

. . . .

16 декабря 1904

МОЕЙ МАТЕРИ

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, круженьи —
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных.
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, —
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904

* * *

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют вёсны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хмéльном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его святую колыбель...

Над ней синеет вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли — падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

14 декабря 1904
У полотна Финл. ж. д.

* * *

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен!»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал
о любви на заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты, оторваться
от светлой мечты.

«Подними эту розу», — шепнула — и ветер донес
Тишину улетающих лат, бездыханный ответ.
«В синем утреннем небе найдешь Купину
расцветающих роз», —
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел, и она полетела
вослед.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы.
И влюбленность в погоне забыла, забыла
свой щит.
И она, окрылясь, полетела из отчей тюрьмы —
На воздушном пути королевна полет свой стремит.

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи
и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

3 июня 1905

* * *

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец всё так же весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глуби — еще покой
С такой же старухой, как лунь, седой,

И те же нити, и те же мыши,
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным — всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит всё тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как ночь;
Нежный, как отошедшая дочь...

«Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
Дай мне спокойно умереть».

3 июня 1905

* * *

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост,
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

Кто придет к тебе, будь он, как ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне,
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

* * *

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом — возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу — далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке всё шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над прóклятым местом,
Гадает... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взвиваются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

Июль 1905

БАЛАГАНЧИК

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

Мальчик

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч!»

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Июль 1905

ПОЭТ

Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.

— Дождик, дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

— Там весна. А ты — зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, дочка, зá море.

— А за морем есть мама?

— Нет.

— А где мама?

— Умерла.

— Что это значит?

— Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

— О чем?

— О розовом капоре.

— Так у него нет мамы?

— Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за́ море,
Где живет Прекрасная Дама.

— А эта Дама — добрая?

— Да.

— Так зачем же она не приходит?

— Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,
Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

У МОРЯ

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
— Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

— Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

— Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

— Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

МОЕЙ МАТЕРИ

Тихо. И будет всё тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
Лик мой, как нимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

* * *

Старость мертвая бродит вокруг,
В зеленях утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали — и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол —
И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность...

Всё закатное небо — в дремé,
Удлиняются дольние тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот — мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик — звездою падучей —
До свиданья! .. летит за корму...

Июль 1905

* * *

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,

И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.

И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распевающий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званый,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе

* * *

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Белая рука...
Я крестом касался персти,
Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну, —
И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком.

Июль 1905

* * *

Оставь меня в моей дали́.
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот — над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я всё тот же — у руля,
И я пою, всё так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

* * *

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

«Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался, —
Верно, есть у тебя печальный друг?» —

«Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне. . .»

Август 1905

* * *

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

С легким треском рассыпался веер, —
Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть. . .

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,

Уплываешь ты в сумрак снеговый,
Мой от века загаданный друг...

Август 1905

* * *

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любови скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
    Надвигается гроза,
    Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

* * *

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоем — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спаленке —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905

* * *

Евгению Иванову

Вот он — Христос — в цепях и розах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но лик и синее небо — одно.

Единый, светлый, немного грустный —
За ним восходит хлебный злак,

На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь
И не поблекнешь, как мертвый злак.

10 октября 1905

* * *

Так. Неизменно всё, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности, — к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной, —
Мне улыбнулся тот же брег.

И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.

10 октября 1905

* * *

Прискакала дикой степью
На вспененном скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!»

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

«А, не хочешь! Ну, так с богом!»
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой.

31 октября 1905

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...

На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

* * *

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Сонноокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве новом,
Словно — в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали́ — локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Всё, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: «Будь весел.
За окном лежат снега».

13 января 1906

* * *

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем
Что прошло — навсегда.
Тихо молвят люди:
«Вот еще звезда».

И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

* * *

Мы подошли — и воды синие,
Как две расплеснутых стены.
И вот — вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
На дымно блещущий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.

Так — и чудесным очарованы —
Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1 — 10 февраля 1906

ИВАНОВА НОЧЬ

Мы выйдем в сад с тобою, скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травою темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнет зеленым светом, —
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любуясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся — не спугну, дитя!

Но если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена — смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

СОЛЬВЕЙГ

Сергею Городецкому

Сольвейг прибегает на лыжах.
Ибсен. «Пер Гюнт»

Сóльвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь
радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сóльвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой
сосны!
Сóльвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

* * *

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарею алой сочетал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.

Так, — не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.

Тютчев

Прошли года, но ты — всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те *баснословные года...*

Их светлый пепел — в длинной урне.
Наш светлый дух — в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю тебя, ангел-хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколенье рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

ДЕВЕ-РЕВОЛЮЦИИ

О, дева, иду за тобой —
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

19 августа 1906

* * *

Шлейф, забрызганный звездáми,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженьи вечном,
Вся, в шелках тугих,
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозовых.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла. . .
Ты — рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны́ с ворожея́ми
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — утлое жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь.
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенесть!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенесть!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

* * *

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась всё печальней
Ее сиделка — тишина.

Но счастье было безначальней,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокую меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрёму, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки — тишины...

Мгновенье — в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеня́м — встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задыхалась тишина.

И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...

И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка — тишина...

Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

ТИШИНА ЦВЕТЕТ

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть при́гнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был вам намеком
И несказа́нным — каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

* * *

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнусь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву — прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну».

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906

* * *

Ты можешь по траве зеленой
    Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшеной,
    И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
    Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
    Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.

И потому — ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.

Октябрь 1906

* * *

Ищу огней — огней попутных
В твой черный, ведовско́й предел.
Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда — простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес верхушкой ели
Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Всё о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душных зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

* * *

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоем.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальной Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ты дремлешь, боже, на иконе,
В дыму кадильниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я — сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, как дым кадила,
Она — туманная весна.

И мы под сводом веем, веем,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деем
И Мэри светлую поем.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вкруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ноябрь 1906

* * *

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она,

Удивленными очами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны.

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой — далече
В синих улицах — весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховейная весна!

Ноябрь 1906

БАЛАГАН

Ну, старая кляча, пойдем
ломать своего Шекспира!

Кин

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, шитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

* * *

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги межу.

Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

* * *

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибоем,
С отуманенною далью —

Мы одни, с великим горем,
Седины свои закроем
Белым саваном — печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
Будет старая тоска.

И, в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда —

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

* * *

Со́львейг! О, Со́львейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха — сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

* * *

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый злак.
Ты открой твой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906

УСТАЛОСТЬ

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: *смерть.*

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

* * *

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выклюют очи.
И буду ждать я с лицом воздетым,

Я буду мертвый — с лицом подъятым.
Придет, кто больше на свете любит:

В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют, — уйдут беспокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

18 марта 1907

* * *

Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.
Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.
Что быть должно — то быть должно,
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот — я стал поэт.
Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.
И всё, *как быть должно,* пошло:
Любовь, стихи, тоска:
Всё приняла в свое русло
Спокойная река.
Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: *Бог с тобой.*
В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: — Вот, река идет.
И я пошел вперед.
В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту

Та — незнакомая — пришла
И встала на мосту.
Она была — живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.
И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.
«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнию жива,
Иным огнем ярка».
Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что́ мне поет? Что́ мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?

12 апреля 1907

* * *

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весною ясней и певучей
Таинства белых ночей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле, — и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

Смехом волнуемый черным и громким,
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло,
Душит красавица ночь...
Краски последние смыла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь...

Ласки мои неумелы и грубы,
    Ты же — нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
    Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

ДЕВУШКЕ

Ты перед ним — что стебель гибкий,
Он пред тобой — что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успеешь — в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

* * *

Сырое лето. Я лежу
В постели — болен. Что-то подступает
Горячее и жгучее в груди.
А на усадьбе, в тéнях светлой ночи
Собаки с лаем носятся вкруг дома.

И меж своих — я сам не свой. Меж кровных
Бескровен — и не знаю чувств родства.
И люди опостылели немногим
Лишь меньше, чем убитый мной комар.
И свечкою давно озарено
То место в книжке, где профессор скучный,
Как ноющий комар, поет мне в уши,
Что женщина у нас угнетена
И потому сходна судьбой с рабочим.
Постой-ка! Вот портрет: седой профессор
Прилизанный, умытый, тридцать пять
Изданий книги выпустивший! Стой!
Ты говоришь, что угнетен рабочий?
Постой: весной я видел смельчака,
Рабочего, который смело нá смерть
Пойдет, и с ним — друзья. И горны замолчат,
И остановятся работы разом
На фабриках. И жирный фабрикант
Поклонится рабочим в ноги. — Стой!
Ты говоришь, что женщина — раба?
Я знаю женщину. В ее душе
Был сноп огня. В походке — ветер.
В глазах — два моря скорби и страстей.
И вся она была из легкой персти —
Дрожащая и гибкая. Так вот,
Профессор, четырех стихий союз
Был в ней одной. Она могла убить, —
Могла и воскресить. А ну-ка ты
Убей, да воскреси потом! Не можешь?
А женщина с рабочим могут.

20 июня 1907

* * *

Везде — над лесом и над пашней,
И на земле, и на воде
Такою близкой и вчерашней
Ты мне являешься — везде.

Твой стан под душной летней тучей,
Твой стан, закутанный в меха,

Всегда пою — всегда певучий,
Клубясь туманами стиха.

И через годы, через воды,
И на кресте, и во хмелю,
Тебя, Дитя моей свободы,
Подруга Светлая, люблю.

8 июля 1907

* * *

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

* * *

Всюду ясность божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь всё,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротишься
В самый ясный свет.

3 октября 1907

* * *

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полнóчи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи,
И черными змеями
Распуталась коса.

И змеи окрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

8 ноября 1907

* * *

Стучится тихо. Потом погромче.
Потом смеется.
И смех всё ярче, желанней, звонче,
И сердце бьется.

Я сам не знаю,
О чем томится
Мое жилье?

Не сам впускаю
Такую птицу
В окно свое!

И что мне снится
В моей темнице,
    Когда поет
Такая птица?

Прочь из темницы
    Куда зовет?

24 декабря 1907

* * *

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы, —
Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человечьей,
Едва не оттеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...

Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Январь 1908

* * *

В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой:
Твой голос — только стон из хора,
Стон протяженный и глухой.

И испытать тебя мне надо:
Их много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаешь,
Ты смертью, может быть, умрешь.

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска — что́ мне до них?
Ты — только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого ль достоин?
Смотри, как жалок ты и слаб,
Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!

И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!

25 мая 1908

* * *

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?

Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался — ты сидела,
Я подошел — ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье — нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

ГОРОД

(1904—1908)

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безнадежно догорели свечи,
Оплывший огарок маячил в оплывших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег.
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница — от ложа пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала руки в высь...

Высоко — над домами — в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полунощных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904

ПЕТР

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских —
струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

ПОЕДИНОК

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льнет к деннице,
Несказáнней вечера.

И зарей — очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном шлеме голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу кóней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый — черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздольный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

ОБМАН

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет,
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженье.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

. . . .

Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.

Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки — трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись, — и струйки шепчут невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

* * *

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
    Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
    В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

* * *

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

28 июня 1904

* * *

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг — влюблен в луну — живет ее обманом.
Вот — третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Всё пусто — здесь и там — под зноем неустанным.
Заборы — как гроба. В канавах преет гниль.
Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер — спит
ваш близкий...»

Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904

ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унизительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный, пылающий бич.

Вот — на груде горячих камней
Распростерта не смевшая пасть...
Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!!!

Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла —
Хвала!

27 августа 1904

* * *

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутинною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

10 сентября 1904

* * *

В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней кассе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заёмный
Мог мерцать и отдохнуть.

В ложе — вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Черный веер распустила,
Черным шелком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти — взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

* * *

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?

Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем несравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парою пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху — на уступе опасном —
Тихо съежившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

* * *

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.

Вот они далёкó,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

* * *

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города — зимнего холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.

О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Всё тихо.
Луна поднялáсь.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

Январь 1905

ПОВЕСТЬ

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно проносили
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети — не белой, не черной —
Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — нежданно резко — раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой — кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный —
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком исступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упорно-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних этажах...
И нашел — и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу — в глазах открытых — сила умерла...

Умерла — и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял нá руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон.
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

ПЕСЕНКА

Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон — тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе — бездумность и беспечность!
Там — вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность. . .

Глаза горят, как две свечи.
О чем она тоскует звонко?
Поймем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

* * *

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье — топор. В мечте — герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905

НЕВИДИМКА

Веселье в ночном кабаке,
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих домы,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воет, как брошенный пес,
Мяучет, как сладкая кошка,
Пучки вечереющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отвóренной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.

16 апреля 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеймен.

И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетавший,
И радость — без конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

* * *

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на до́мах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы,

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

* * *

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном [1] не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

18 октября 1905

* * *

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застилающий слезами
Напряженные глаза.

---

[1] Статуя на кровле Зимнего дворца. *(Прим. Блока.)*

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНЬЕ

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упадала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи боже! Уж утро клубится,
Где да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними — девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Чтó я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...

Вот я с тобою, мой милый, мой милый...
Перстень-Страданье нам свяжет сердца.

Что́ я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать...
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страданье тебе сковать».

30 октября 1905

СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и в гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

* * *

Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор,

Что пили ночь и забытье,
Но день их опалил...
Как страшно мирное жилье
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость — я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блистательная ложь!

О, запах пламенный духо́в!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

Январь 1906

* * *

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что́ сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказа́нным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвещенных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных тенях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.

Март 1906

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» [1] кричат.

---

[1] «Истина в вине!» (лат.). — *Ред.*

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906. Озерки

* * *

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остёр —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что делать мне с тобой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

Апрель 1906 — 28 апреля 1911

* * *

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом,
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальною толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Всё, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Всё, всё по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как за́пил я!

Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

* * *

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки́ из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихою радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно.
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
Всё рассказывают звезды.

Октябрь 1906

* * *

Я в четырех стенах — убитый
    Земной заботой и нуждой.
А в небе — золотом расшитый
    Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
    Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, — она довольна
    И благодарна за наряд.

Она — такой же голубою
    Могла бы стать, как в небе — ты,
Не удрученный тяготою
    Дух глубины и высоты.

Но и в стенах — моя отрада
    Лазурию твоей гореть,
И думать, что близка награда,
    Что суждено мне умереть...

И в бледном небе — тихим дымом
    Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
    На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

ОКНА ВО ДВОР

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забытые в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски. . .

Эй, малый, взгляни мне в оконце! . .
Да нет, не заглянешь — пройдешь. . .
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

* * *

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе. . .

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмурив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое белее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что́ ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

ПОЖАР

Понеслись, блеснули в очи
    Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
    Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
    Толпы темные текут. .
Но вдали несутся гулы,
    Светы новые бегут. . .

Крики брошены горстями
    Золотых монет.
Над вспененными конями
    Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
    Мчатся вихрем колесницы,
Впереди — скакун с трубой
    Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжко звонок,
Голос хриплый меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса. . .
Дети ночи черной — где мы? . .
Чьи взывают голоса? . .

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул. . .

Декабрь 1906

* * *

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, —

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах —
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

* * *

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все — в урочный час.

Декабрь 1906

НА ЧЕРДАКЕ

Что́ на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы. крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услыхал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я прах». —

«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?»

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колышется едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смех».

16 декабря 1907

НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНЬЕ

Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого — ушла.
Нету милого — одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

«Как он в губы целовал. . .
Как невестой называл. . .»

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружком? . .

Белый саван — снежный плат.
А под платом — голова. . .
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд. . .
Протянулись рукава. . .
Ветер ломится в трубу. . .

Выйди, выйди из ворот. . .
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай. . .

Приподымешь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.

Февраль 1908. Ревель

С Н Е Ж Н А Я М А С К А

(1907)

Посвящается Н. Н. В.

СНЕГА

СНЕЖНОЕ ВИНО

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных стру́ях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вкруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидать себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

Снежная мгла взвила́сь.
Легли сугробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты — стихов моих пленная вязь.

И, тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь — электрический свет.
Там — пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь всё той же пленной душой
В купол всё тот же — звездный...

И смотришь в печали,
И снег синей...

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, —

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.
И ты молчишь.

И в душе твоей безнадежной
Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы среброснежной!
Я читаю вас наизусть.

3 января 1907

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В снежной пене — предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснéженный
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января 1907

НА СТРАЖЕ

Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он — простерт над бездной водной
С подъятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.

И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января 1907

ВТОРОЕ КРЕЩЕНЬЕ

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела.
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет — Смерть.

3 января 1907

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЬЮ

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет...
Как быстро — так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилáсь,
Звезда сорвалáсь,
За ней — другая...
И звезда за звездой
Понеслась,
Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоем, комета!
В блеске твоем, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет — заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января 1907

НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ

Белоснежней не было зим
И перистей тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым.
Умирали звуки,

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
        На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января 1907

ЕЕ ПЕСНИ

Не в земной темнице душной
Я гублю.
Душу вверь ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укроти.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

КРЫЛЬЯ

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дольние покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дольние, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Сребриснежные чертоги.

Сны метели светлозмейной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издалú,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января 1907

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: «Навеки. Опусти глаза твои».
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали — пролетевшие ладьи.

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча — два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января 1907

НЕ НАДО

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежносинем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Ныряя в ледяных струях.

И нет моей завидной доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января 1907

ТРЕВОГА

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

4 января 1907

ПРОЧЬ!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

«Кто ты? Кто ты?
Скован дрёмой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы — целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!»

— Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лёт ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Черных дней.

И струит мое веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января 1907

И ОПЯТЬ СНЕГА

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
    Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
    Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
    Станы снежных мачт.

И в полях гуляет смерть —
    Снеговой трубач...

И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
    Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
    И опять глядится смерть
    С беззакатных звезд...

8 января 1907

ГОЛОСА

(Двое проносятся в сфере метелей)

О н

Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
    Рукою, подъятой к тучам,
    Ты влечешь меня к безднам!

О н а

О, настигай! О, догони!
    Померкли дни.

Столетья минут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

Он

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

Она

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты — в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

Он

Сердце — громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

Она

Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

Он

Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!

Она

Внимай! Внимай! Я — ветер встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной!

Он

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!

Она

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод —
Расстанься с дольнею жизнью!

Он

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?

(Вьюга вздымает белый крест)

8 января 1907

В СНЕГАХ

И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января 1907

МАСКИ

ПОД МАСКАМИ

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января 1907

БЛЕДНЫЕ СКАЗАНЬЯ

— Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!
— Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:
— Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вкруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска — маске скромной...
        Третья — смущена...

И еще темней — на темной
        Завесе окна
Темный рыцарь — только мнится...

        И стрельчатые ресницы
        Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
— Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
        Опершись на меч.
И она внимает в маске.
        И за ними — тихий танец
        Отдаленных встреч...

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
        А за ними — тихий танец
        Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
        Золотится
Луч, протянутый от сердца —
        Тонкий цепкий шнур.

И потерянный, влюбленный
        Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
                Амур.

9 января 1907

СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

        В длинной сказке
                Тайно кроясь,
        Бьет условный час.

В темной маске
Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальней покрывала,
Тоньше стана нет...

— Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!

— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.

9 января 1907

В УГЛУ ДИВАНА

Но в камине дозвенели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на вьюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Странных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

9 января 1907

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января 1907

НАСМЕШНИЦА

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что ты?
Это — сны твоей дремоты...
Чтó ты хочешь услыхать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».

10 января 1907

ОНИ ЧИТАЮТ СТИХИ

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? — Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах — сказки,
А в жизни — только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою — ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой,
И маской не дразни меня.
И в темной памяти не трогай
Иного — страшного — огня.

10 января 1907

НЕИЗБЕЖНОЕ

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что́ теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором — как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит.
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
    И кусают удила...

И под маской — так спокойно
    Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января 1907

ЗДЕСЬ И ТАМ

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...
Заметал снегами сани,
Ко́ней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
    По бурьянам,
И снопами мчались искры
    По туманам, —
Ветер масок не догнал,
И с высот сереброзвездных
    Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
    Обозначились две тени,
    Улетающие в дали
    Незнакомой стороны...

Странных очерки видений
В черных масках танцовали —
    Были влюблены.

13 января 1907

СМЯТЕНИЕ

Мы ли — пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что́ нас манит,
Не поймешь ты, что́ со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути!
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января 1907

ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,

И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января 1907

НЕТ ИСХОДА

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
    Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

И на снежных постелях
Спят цари и герои
    Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!

И приветно глядят на меня:
    «Восстань из мертвых!»

13 января 1907

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

Сверкни, последняя игла,
    В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
　　Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
　　Сжигай меня!

　　Пронзай меня,
　　Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января 1907

НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры — пряхи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вкруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый.
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,

Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января 1907

ФАИНА
(1906—1908)

* * *

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромен дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906

* * *

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк,
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас рампы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот — опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

* * *

Н. Н. В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроясь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

* * *

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоем — безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозовых.

И, миру дольнему подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

31 марта 1907

* * *

За холмом отзвенели упругие латы,
И копье потерялось во мгле.
Не сияет и шлем — золотой и пернатый —
Всё, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
Обольют меня тучами стрел.

Если близкое утро пророчит мне гибель,
Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на горном изгибе
Лик твой молнийный гневом горит!

Воротясь, ты направишь копье полуночи
Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в змеиных кудрях твои очи,
Я услышу твой голос: «Забудь».

Надо мною ты в синем своем покрывале,
С исцеляющим жалом — змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
Под неверным мерцаньем копья!

2 апреля 1907

* * *

Моей матери

Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

«Сын, милый, где ты?» — Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,
И снова кличет: «Сын мой! Где ты?»,
Цветов стараясь не измять...

Всё тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

* * *

В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Черноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?

Разлюбил тебя и бросил,
Знаю — взял чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?

25 июня 1907

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далёко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.

Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным...

И радость, и слава —
Всё в этом сияньи бездонном,
И дальном.

Но смятые травы
Печальны,
И листья кру́тятся в лесу обнаженном...

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне всё жальче и жальче...

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик.
Когда перестанешь ты биться?

3

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отрадно:
Ты думаешь — нежная ласка,
Я знаю — восторг мятежа!

И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...

О, в этот сияющий вечер
Ты будешь всё так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!

Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрастна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пировала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

---

* * *

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались, как чужие,
Забыв, что есть простое *ты*.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим меря,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздразнить — и укротить.

И чуждый — чуждой жал он руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледносиний
Их обреченная душа.

10 октября 1907

СНЕЖНАЯ ДЕВА

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стан, —
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампады
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дари́т мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1907

* * *

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звенят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в светы,
И вьется шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, —

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца — чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, —
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь — буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас, —
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне.

Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Приявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
    Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня,
Река — прозрачное стекло,
    И только — нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
    Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огневым,
    О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразнишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно,
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным,
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках платья
Мое безумное лицо....

Лишь утром вóронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Чтó быть бесстрастным? Чтó — крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой — в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке — магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем — сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,

Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце — летящая птица...
Что в сердце — щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открытым глазам.

Сердце — легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит наверное темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истоми ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится —
То вдали закружилась она, —
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду межу —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

8

О, что́ мне закатный румянец,
Что́ злые тревоги разлук?
Всё в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А всё пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки — холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей — страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схимник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,
Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...

Ты виденьем, в пляске нежной,
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Всё, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропою зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стан твой гибкий

Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружи́т...
Всё — виденья, всё — измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...
Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
Смерти нет!
В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле —
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос — внятный.
Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом
Ты дра́знишь и ма́нишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И — вольная Русь?

И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убегает, вскрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть, —
Ты мчишься! Ты мчишься!

Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...
И странным сияньем сияют черты...
Уда́лая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...
Гармоника — ты?

1 ноября 1907

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравою
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодица — повыше
Других молодиц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

11

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на средине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

ИНОК

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям — брат примерный,
И рясу черную несу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На яром пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот — меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

ПЕСНЯ ФАИНЫ

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!

Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!

Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

Декабрь 1907

* * *

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь — какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка...»

Я тоже — здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепью.
Мой сирый дух — твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что́ жизни сон глухой?
Отрава — вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что́ людям дам, что́ ты дала мне;
А люди — на могильном камне
Начертят прозвище: *Поэт.*

Январь 1908

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту, —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,

Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

* * *

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила нá пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух Макбéта.
Едва дойдя до *пузырей земли,*
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Пáоло и Франчески.

6 февраля 1908

* * *

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возрастая,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И всё равно, чей вздох, чей шопот, —
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклинаю каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная тень...*

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(1907)

(Посв. Г. Чулкову)

О СМЕРТИ

Всё чаще я по городу брожу.
Всё чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на грудах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенёк,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремена.
А за листвой кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,

Весь в желтом, в зеленя́х весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали́,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на́ плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремена,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.

В отстегнутые вороты рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песку,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязным платьем — ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой — кирпичик. . .

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили нá берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:

Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!
Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,
Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

НАД ОЗЕРОМ

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый, —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.

Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый,
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, средь ночных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный в мир.

Но некому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру — красавице — ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

Прошли все пáры. Сумерки синей,
Белей туман. И дéвичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...

Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющимся задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штанов!
Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далёко, так далёко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой! .. — И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит! ..
А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...
Он подошел... он жмет ей руку! .. смотрят
Его гляделки в ясные глаза! ..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий...
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!
И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» — я кричу...
И голосом красавицы — леса
Прибрежные ответствуют мне: «Здравствуй!»
Кричу: «Прощай!» — они кричат: «Прощай!»

Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Ночь белая, и бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле,
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...».

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Что́ сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменив
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и гру́дей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневе мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божии дела», —
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далёко
Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий «Вольный» остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вехи,
Метелками фарватер оградив,
И далеко — от вехи и до вехи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.

На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценной ферроньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами. . .
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

В ДЮНАХ

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду — и запою».

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.

И я прекрасен — нищей красотою
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был — как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...

Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» — И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

Дюны
Июнь — июль 1907

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1907—1916)

СТРАШНЫЙ МИР
(1909—1916)

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастия есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

*

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любови цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

* * *

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознанья
И забываю, что́ и как...
Кругом — снега, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мрак.

Что, если я, завороженный,
Сознанья оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

* * *

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигаешь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

6 октября 1909

* * *

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!

Но за вьюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, —
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,

В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909

ПЕСНЬ АДА

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

Где спутник мой? — О, где ты, Беатриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь,

Пощады вопль, иль возглас нежный — скупо
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, —
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там — брошены зияющие маски;
Там — старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лике мертвеца;
На пальце — знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волненьем непонятным
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
«Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?»

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле, —
Томим волной безумного напева,
С печатью преступленья на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной — чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмéльном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликованье первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, нежданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И — сомкнутых безмерными цепями —
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованной навек глухими снами,

Дано ей чуять боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел — могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, —
Так сострадай и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спальной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень в белое плечо!»

31 октября 1909

* * *

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснежённом берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...

Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

* * *

С мирным счастьем покончены счеты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор.

11 февраля 1910

* * *

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

11 февраля 1910

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910
Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы.
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоем исступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горний, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

* * *

Там человек сгорел.

Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910

* * *

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

27 сентября 1910

* * *

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? — Их не было. — Что ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: *Ecce homo!*[1]
Меч выпал. Дрогнула рука...

И, перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.

---

[1] Се — человек! (лат.) — *Ред.*

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *Нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!

4 октября 1910

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он невесел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

6 декабря 1911

АВИАТОР

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведал ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910 — январь 1912

* * *

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;

И ветр ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».

6 января 1912

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

Как тяжко мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрезный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...

Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале.
Усталый друг, могила холодна.
Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена. . .»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови. . .
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви. . .

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова. . .

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он. . .
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»
В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

3

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью *Venena,*[1]
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул,
И череп повернул... Аптекарь крякнул,

Привстал — и на другой свалился бок...
А гость меж тем — заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам безносым
На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

4

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенье навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротáх гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

---

[1] Яд (лат.) — *Ред.*

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвенье навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

7 февраля 1914

5

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов. . .

Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастии твердишь, — который раз?

Что́ счастие? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что́ счастие? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон, и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за́ сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

* * *

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: *Ленора.*

Эдгар По

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я — мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним — лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора смириться, сӧр».

«Но в старости — возврат и юности, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво прервал:
«Она — всё та ж: *Линор безумного Эдгара.*
Возврата нет. — Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей, адом,
А здесь — в вечерний час — с чужим наедине —
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бессменно.
В час горький на меня уставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сӧр.*

2 ноября 1912

* * *

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить:
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;

Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так — игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913

* * *

Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть

Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль — раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

30 декабря 1913

* * *

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки, —
Что нýжды? — Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось, —
Молилось и пело тебя, но ведь ты — не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объятья, — тащиться без важного дела...

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То *ревность по дому,* тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: *Что делаешь, делай скорее.*

21 февраля 1914

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1

Весь день — как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, — а в глубине покорный:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!
Средь всяких прочих дум —
Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто ночь на всё проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись — глядит в глаза пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет всё равно...
Что́? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913

3

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался *мукой ада*,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похвать, — а сердца нет.

Сердце — крашеный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913

4

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделенье,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!

30 декабря 1913

5

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» — «Снес в кабак». —
«Где сердце?» — «Закинуто в омут». —

«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего». —

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись. . .»

И правда (ну, задал задачу!)
Гляжу — близь меня никого. . .
В карман посмотрел — ничего. . .
Взглянул в свое сердце. . . и пла́чу.

30 декабря 1913

6

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца *(поклонники Пушкина)*
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпи́графов
(Из На́дсона и символистов).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушённый чужими духами.
Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол. . .
После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.

Критик, громя *футуризм,*
Символизмом шпынял,
Заключив *реализмом.*
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольнего мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — *не лучше ль,*
Думаешь ты, *чтоб и новый*
День проходил как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914

Там вверх ~~[illegible]~~ медь рябой
на связанных (просто нет)
До бледного утра

Городовой, ~~[illegible]~~ от [illegible] гонит
Бродягу — от костра.

~~А там [illegible] домой, [illegible]~~
~~Своим [illegible]~~

И, наконец, придет желанная усталость,
~~Все~~ И станет всё равно.
~~И теперь [illegible] сладко, что~~
Что? Совесть? ~~Старе~~ Правда? Жизнь? ~~[illegible]~~ Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

7

Говорят черти:

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в исступленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

8

Говорит смерть:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумéл,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога —
Уж он — не голос, только стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

10 декабря 1915

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

В пол-оборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушенье тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко — гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользящий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!

2 января 1914

2

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

22 марта 1914

3

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощеришься ты...

30 января 1914

4

О нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные! Чтоб долго длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молньи грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай — бездонной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаяние — прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет *никогда,*
Когда ты крикнешь: *Да!*

29 января 1914

6

Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.

2 января 1914

7

Ночь — как века, и томный трепет,
　　　И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне — старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
　　　Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрежжит бледный день едва...

Тогда — во взгляде глаз усталом —
　　　Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!

27 декабря 1913

8

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольце — померкший алмаз,

И обугленный рот в кро́ви
Еще просит пыток любви.

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни! ..

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва, наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, —

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909

9

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит заревая кайма.

Далекие, влажные долы
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял?

13 марта 1910

ДЕМОН

Иди, иди за мной — покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты у́зришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И, под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту.

9 июня 1916

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнию своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.

Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

6 июня 1910 — 27 февраля 1914

ВОЗМЕЗДИЕ
(1908—1913)

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908

* * *

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

30 июля 1908

* * *

Ночь как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День как день; ведь решена задача:
Все умрут.

4 ноября 1908

* * *

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте,
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

3 февраля 1909

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна —
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозою сжималась
Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.

Но — быть коленопреклоненным,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нет. Над младенцем, над *блаженным,*
Скорбеть я буду без Тебя.

Февраль 1909

* * *

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

* * *

Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

Март 1909

* * *

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастием своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.

Март 1909

* * *

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909

* * *

Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный,
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;

Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни древ;
И на камнях поют наяды
Бесполый гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя!

Март 1909

* * *

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!
Я твой давно забытый час,
Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!
Я всё равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
В янтарь закатный!
Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
Что́ толку в споре?
Ты по́мнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?
Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

Март 1909

* * *

Кольцо существованья тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Ее на небе
И изменить ей на земле.

Июль 1909

* * *

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...
    Одно, одно —
    Уснуть, уснуть...
    Но всё равно —
    Разбудит кто-нибудь.

27 августа 1909

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,
    За ночным окном — туман.
Что̀ теперь твоя постылая свобода,
    Страх познавший Дон Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
    Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
    Слышно пенье петуха.

Что́ изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

1910 — 16 февраля 1912

* * *

Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной гру́ди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки!
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно щадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль — порываний нам довольно,
И лишь недуг — надежный щит?

29 декабря 1912

* * *

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Величий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Не́жить сгинула, — и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкну́тый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — сталь и сталь,
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

19 декабря 1913

ЯМБЫ

(1907—1914)

Fecit indignatio versum.
Juven. Sat. I, 79[1]

***Посвящается
памяти
моей покойной сестры
Ангелины Александровны Блок***

---

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

5 февраля 1914

* * *

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!

---

[1] Негодование рождает стих (лат.). *Ювенал. Сатиры, I, 79.* — *Ред.*

Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хриплый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

* * *

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

* * *

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.

15 февраля 1909

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданьем,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданьем
Трезвонят до потери сил...

Над мировою чепухою;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховою,
В которой ты была в ту ночь.

30 марта 1909. Ревель

* * *

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!

Но мы — всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Январь 1911

* * *

Я — Га́млет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далеко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

* * *

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань*...

И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909 — 6/7 февраля 1914

* * *

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже, —
Оттуда зримей мир иной...
Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, —
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри
И, как пугливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, —
Дням настоящим молвив: *нет!*

Осень 1911 — 7 февраля 1914

* * *

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) —
Над черной Вислой — черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище бога,
О холоде и об огне.

1910 — 6 февраля 1914

* * *

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу встречаю я грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

1911 — 6 февраля 1914

* * *

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дремлют;
Так точно — черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр, — пока
В горах не запоет кирка.

1910 — 6 февраля 1914

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ
(1909)

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.[1]

Надпись под часами в церкви Santa Maria Novella (Флоренция)

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

---

[1] Так незаметно многих уничтожают годы,
Так приходит к концу всё сущее в мире;
Увы, увы, невозвратимо минувшее время,
Увы, торопится смерть неслышным шагом.
(Лат.). — *Ред.*

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Май — июнь 1909

* * *

Почиет в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там — виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек — весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! — страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

Июнь 1909

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

3 июня 1909

ВЕНЕЦИЯ

1

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких. . .

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови. . .
Христос, уставший крест нести. . .

Адриатической любови —
Моей последней —
Прости, прости!

9 мая 1909

2

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галлереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользящий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август 1909

3

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветр сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?

И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что́ поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, — живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

26 августа 1909

ПЕРУДЖИЯ

День полувеселый, полустрадный,
Голубая гарь от Умбрских гор.
Вдруг — минутный ливень, ветр прохладный,
За окном открытым — громкий хор.

Там — в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:

Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине — белая записка:
«Questa sera [1]... монастырь Франциска...»

Июнь 1909

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Bella, [2] смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звенят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Ме́дичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!

---

[1] Нынче вечером (итал.). — *Ред.*

[2] Прекрасная (итал.) — распространенное в Италии название Флоренции. — *Ред.*

Гнусавой массы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтажный —
Сгинь в очистительных веках!

Май — июнь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубою
Унесет меня волной...

Июнь 1909

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

Июнь 1909

5

Окна ложные нá небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Июнь 1909

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

17 мая 1909

7

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной...

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

Август 1909

---

* * *

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,

Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севéра.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими тополями.

15 мая 1909. Settignano

MADONNA DA SETTIGNANO

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок твой разубран цветами —
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить твое имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?

3 июня 1909

ФЬÉЗОЛЕ

Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...
Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьéзоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?

Июнь 1909

СИЕНА

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни — свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря! . .

7 июня 1909

СИЕНСКИЙ СОБОР

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь — Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.

Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот — мальчик над цветком и с птицей,
Вот — муж с пергаментом в руках,
Вот — дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристально-ясный час любви.

Июнь 1909

* * *

Искусство — ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске,
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего cinéma! [1]
А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелестной! . .

Июнь 1909. Foligno

* * *

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...

---

[1] Кинематограф (франц.). — *Ред.*

Быть с девой — быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах...
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытье...

Однако, братьям надоело

Конец преданьям и туманам!
Теперь — во всех церквах она
Равно — монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной — поэт...
Он видит твой необычайный,
Немеркнущий, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В твою ласкающую высь!

12 июня 1909

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красы!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемою болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволья —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Hic amoris locus sacer est»[1].

Май — июнь 1909. Perudgia — Spoleto

---

[1] Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви (лат.). — *Ред.*

УСПЕНИЕ

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в даль.

4 июня 1909, Spoleto

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ[1]

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у всех на устах.
Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных души умел — голосом бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья,
Принуждена меня звать мастером равным себе.

В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Ме́дичи, прежде чем я в низменный прах обращусь.

17 марта 1914

CONDITUS HIC EGO SUM PICTURE FAMA PHILIPPUS
NULLI IGNOTA MEE GRATIA MIRA MANUS
ARTIFICIS POTUI DIGITIS ANIMARE COLORES
SPERATAQUE ANIMOS FALLERE VOCE DIU
IPSA MEIS STUPUIT NATURA EXPRESSA FIGURIS
MEQUE SUIS FASSA EST ARTIBUS ESSE PAREM

MARMOREO TUMULO MEDICES LAURENTIUS HIC ME
CONDIDIT ANTE HUMILI PULVERE TECTUS ERAM

---

[1] Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного. *(Прим. Блока.)*

ЗА ГРОБОМ

Божья матерь *Утоли мои печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венок случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

6 июля 1908

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что́ делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы преклонить!

Что́ делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума,
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что́ делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем неповинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной. . .

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это! . .

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

* * *

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, грезишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

Всё та же ты, какой цвела когда-то
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнущей зари.

1 августа 1908

* * *

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
Неверного сама простишь.
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

8 ноября 1908

КОРОЛЕВНА

Не было и нет во всей подлунной
Белоснежней плеч.
Голос нежный, голос многострунный,
Льстивая, смеющаяся речь.

Все певцы полночные напевы
Ей слагают, ей.
Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей

Темный рыцарь, не подняв забрала,
Жадно рвется в бой:
То она его на смерть послала
Белоснежною рукой.

Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни
Из высокого окна,

И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...

Да еще — души ее властитель,
Тот, кто навсегда
Путь забыл в далекую обитель,
Не вернется никогда!

28 ноября 1908 — 16 мая 1914

* * *

Не могу тебя не звать,
Счастие мое!
Имя нежное твое
Сладко повторять!

Вся ты — бурная весна,
Вся ты — мной одним пьяна;

Не беги же прочь!
Хочешь дня —
Приходит ночь...

Не избегнешь ты меня!

Золотистая коса, расплетись!
В эти жадные глаза заглядись!
Долгожданная гроза, разразись!

30 ноября 1908

* * *

Ты из шопота слов родилась,
В вечереющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов средь садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

Декабрь 1908

* * *

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклюет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дожей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Август 1909

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что́ в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

25 ноября 1909

* * *

Как из сумрачной гавани,
От родимой земли
В кругосветное плаванье
Отошли корабли,

Так и вы — мои
Золотые года —
В невозвратное
Отошли навсегда.

Ноябрь (?) 1909

СОН

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху — всё громче, всё нелепей;
И день последний настает.

Чуть брезжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами — красные каменья
И мавзолей из чугуна.

И он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами — с ним;

Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален». —

«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».

20 июня 1910

КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1911 — 6 февраля 1914
Aber Wrach, Finistère

* * *

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастие и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоем.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьет, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

ПОСЛАНИЯ

1. ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При получении «Идиллий и элегий»)

Дождь мелкий, разговор неспешный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный —
Ведь так при встречах повелось?

Но вот — какой-то светлый гений
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я — в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.

Сентябрь 1910

2. ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

(При получении «Зеркала теней»)

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи́, в ночи́ пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказа́нной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обагрит алтарь любви».

20 марта 1912

3. ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(Ответ)

Да, знаю я: пронзили ночь отвека
        Незримые лучи.
Но меры нет страданью человека,
        Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что втайне — мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина. . .

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

23 марта 1912

4. ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огнь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне. . ,

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

18 апреля 1912

5. АННЕ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна», — Вам скажут —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста», — Вам скажут —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,

Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

---

* * *

И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, —

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастием привыкли звать!

19 июня 1912

ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

12 декабря 1913

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украсишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой —
Неузнанной, *красивой,* неживою.
Такой ведь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми. . .
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И *он* придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от *неземного* сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг.*

Забудешь ты мою могилу, имя. . .
И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Как исступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянёшь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

* * *

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна *верности*... твоей.

1 июля 1914

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я изведала все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице.

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.

Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И, этот взгляд случайно встретя,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, —

И вдруг, с мучительным усильем,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: «Букет забыли вы».

«Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914

ПЕРЕД СУДОМ

Что́ же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня,
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что́ же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

АНТВЕРПЕН

Пусть это время далекó,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, всё — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,

Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914

* * *

Распушилась, раскачнулась
    Под окном ветла.
Божья матерь улыбнулась
    С красного угла.

Отложила молодица
    Зимнюю кудель...
Поглядеть, как веселится
    В улице апрель!

Раскрутился над рекою
    Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
    Задышал туман.

И под ветром заметались
    Кончики платка,
А прохожим примечтались
    Алых два цветка.

И, кто шел путем-дорогой
    С дальнего села,
Стал просить весны у бога,
    И весна пришла.

25 декабря 1914

* * *

Похоронят, зароют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там осень,
Если бурно — там, значит, весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Чтó под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

18 октября 1915

* * *

Милая девушка, чтó ты колдуешь
  Черным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
  Только — я здесь ни при чем.

Знаю, что этой игрою опасной
  Будешь ты многих пленять,
Что превратишься из женщины страстной
  В умную, нежную мать.

Но, испытавши судьбы перемены, —
  Сколько блаженств и потерь! —
Вновь ты родишься из розовой пены
  Точно такой, как теперь.

9 декабря 1915

* * *

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

* * *

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звезда́м прочитать ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволненьям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участья у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

АРФЫ И СКРИПКИ
(1908—1916)

* * *

Свирель запела на мосту,
  И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
  Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
  В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
  Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
  Смотри, какие быстрины́,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
  Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
  Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

22 мая 1908

* * *

Душа! Когда устанешь верить?
Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...,

Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять — зовет другая,
Другая вызывает день...

Но мглой весеннею повито
Всё, что кипело здесь в груди...
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

26 марта 1908

* * *

И я любил. И я изведал
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: *враг;* и слово: *друг.*

Их было много... Что́ я знаю?
Воспоминанье, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотою,
Чье имя: страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

30 марта 1908

* * *

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широком кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах пóутру идти!

28 мая 1908

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В.

1

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...

И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбачьих шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн...

28 мая 1908

2

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

3

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:

Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

ВСТРЕЧНОЙ

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж — презрительный эстет.

Не потому ль насмешли́в он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что́ мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала
Твой не лука́вил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

2 июня 1908

МЭРИ

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых перий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Укрась мое жилье,
Пусть будут те же речи
Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенесть!

2

Жениха к последней двери
 Проводив,
О негаданной потере
 Погрустив,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
 Мэри, спой.
Спой о жизни, одиноко
 Прожитой...
Спой о том, что́ не свершил он,

Для чего от нас спешил он
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
    Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
    Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоем,
    Тихий господи,
И не счесть светлых рос,
Не заплесть желтых кос
    Тучки утренней.

17 июля 1908

* * *

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней
                                        и темнее...
Что падают звезды, чертя серебристые нити,
Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку,
И винные змеи сплетутся в одну бесконечность,

Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.

30 июля 1908

* * *

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастие мое — на тройке
В сребристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастие прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

26 октября 1908

* * *

Не затем величал я себя паладином,
Не затем ведь и ты приходила ко мне,
Чтобы только рыдать над потухшим камином,
Чтобы только плясать при умершем огне!

Или счастие вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар?
Нет! В золе еще бродят последние искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул пожар!

30 декабря 1908

* * *

Часовая стрелка близится к полночи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новый годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

4 ноября 1908

* * *

Старинные розы
Несу, одинок,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропою,
С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат,
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег.
Лишь розы на талый
Падают снег.
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

4 ноября 1908

* * *

Уже над морем вечереет,
Уж ты мечтой меня томишь,
И с полуночи ветер веет
Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигая,
Уходят в море корабли,
А ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива,
Вся — в отступающих огнях,
Во мгле вечернего залива,
В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный
Тебе навстречу развести,
В венок страстной и неизбежный —
Цветок влюбленности вплести...

Обетование неложно:
Передо мною — ты опять.
Душе влюбленной невозможно
О сладкой смерти не мечтать.

24 ноября 1908

* * *

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!

В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной болью,
Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколодная змея!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!

7 декабря 1908

* * *

Я не звал тебя — сама ты
    Подошла.
Каждый вечер — запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
    Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
    Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
    Два крыла.

На траве, едва примятой,
    Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
    Ночи свет.

И живу с тобою рядом,
    Как во сне.
И живу под бледным взглядом
    Долгой ночи,

Словно месяц там, над садом,
    Смотрит в очи
    Тишине.

7 декабря 1908

* * *

Грустя и плача и смеясь,
Звенят ручьи моих стихов
    У ног твоих,
    И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи́
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
    Из очарованной дали́?

8 декабря 1908

* * *

Опустись, занавеска линялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зелены́м отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами иссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шопоте, в за́бытьи,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена́ моя степь, трава сва́лена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал — не моя вина,
Ты, кому обещался, — прости...

30 декабря 1908

* * *

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездою
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

1 января 1909

* * *

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Праздный слух был исполнен громами литавр,
Сердце — музыкой буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил средь божественных чащ.
Сон мой длился века, все виденья собрав
В свой широкий, полуночный плащ.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайте — вновь он совьется во тьму.
Беззакатного дня, легковерные, нет.
Я ночного плаща не сниму.

19 января 1909

* * *

Покойник спать ложится
    На белую постель.
В окне легко кружится
    Спокойная метель.
Пуховым ветром мчится
    На снежную постель.

Снежинок легкий пух
    Куда летит, куда?
Прошли, прошли года,
    Прости, бессмертный дух,
Мятежный взор и слух!
    Настало *никогда*.

И отдых, милый отдых
    Легко прильнул ко мне.
И воздух, вольный воздух
    Вздохнул на простыне.
Прости, крылатый дух!
    Лети, бессмертный пух!

3 февраля 1909

* * *

Уж вечер светлой полосою
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжег и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь, —
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший мимо...
Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

* * *

Здесь в сумерки в конце зимы
Она, да я — лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,
Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа...
Ушла — и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

27 марта 1909

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К. М. С.

1

Всё та же озерна́я гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови — она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июнь 1909

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В те́нях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всё — как призрак, всё, — как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени, —

Не знал я, что в *лесу девичьем*
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьем:

«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

Июнь 1909

4

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки.

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

1897—1909. Bad Nauheim

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что́ для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

23 марта 1910. Елагин остров

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недальный,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: *улетим*.

Март 1910

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

23 марта 1910

УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидать.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро — как прелесть твоя.

Июль 1909

* * *

Как прощались, страстно кля́лись
В верности любви...
Вместе таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвала́сь струна...
Не звала б да не манила
Дальня сторона!

Вспоминай же, ради бога,
Вспоминай меня,

Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

5 сентября 1909

* * *

Всё на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

7 сентября 1909

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в хладном серебре.

Ушла. От всех великолепий —
Вот только: крылья на заре.

Чтó в ней рыдало? Чтó боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — чтó мы на этой тризне?
Чтó можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел — в ночь...

Пускай хоть в небе — Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетовáнная весна.

Февраль 1910

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

НА ПАСХЕ

В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новою гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертлявая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.

Ангел мой, барышня,
Чтó же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

18 апреля 1910 — май 1914

* * *

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.

11 июля 1910

* * *

Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплятся в бокалах, —
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, виясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..

Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далёка
Печальный ангел просквозит...

19 июля 1910

* * *

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик — будь он в поддевке темной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной, —
Не упускай его из глаз...

Задремлешь — и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...

6 августа 1910

* * *

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

Ноябрь 1910

* * *

Без слова мысль, волненье без названья,
Какой ты шлешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молньей знанья
Глухой декабрьский мрак?

Всё призрак здесь — и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века,
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвека
Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знаньем несказáнных очертаний,
Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

* * *

Ветр налетит, завоет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Идут к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

6 января 1912

* * *

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю
        Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
        Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
        Колокола —
О чем гласят с несбыточною верой?
        Ведь мгла — всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912

* * *

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то нá плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнию струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

* * *

Болотистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут — дальный
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,

И ко́льца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —

Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь.
Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!

Октябрь 1912

ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик *Handá* и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

* * *

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь, или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

* * *

В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...
Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...
В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...
И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльём поросла...
И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прянул
Испуганный мой конь...

«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь — всё забудешь,
Забудешь — канешь в ночь!
В тумане, да в бурьяне,
Гляди, — продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Декабрь 1912

СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое. .
Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольцы.
И я — который раз подряд —
Целую кольцы, а не руки...
В плече, откинутом назад, —
Задор свободы и разлуки.
Но, еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд — как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я, молча, на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь ручепьку свою

И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913

* * *

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Пол-сердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, все немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

22 ноября 1913

* * *

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доныне узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда былое без следа
Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне — о счастьи.

12 декабря 1913

* * *

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю.*

Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня — прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговою...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

* * *

Ваш взгляд — его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом — вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо,
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,

Тогда — угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.

12 декабря 1913

* * *

Натянулись гитарные струны,
    Сердце ждет.
Только тронь его голосом юным —
    Запоет!

И старик перед хором
    Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
    Ксюша, пой!

И гортанные звуки
    Понеслись,
Словно в сéребре смуглые руки
    Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

19 декабря 1913

* * *

Ты — буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты — серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох — странник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913

* * *

Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, —

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума! . .

20 февраля 1914

* * *

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чем — и сама не пойму...

Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно! . .

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

15 марта 1914

* * *

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...

Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

14 мая 1914

* * *

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть! ..» —
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»

26 августа 1914

* * *

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась,
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

* * *

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.

И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...

И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

31 августа 1914

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — всё мимо, мимо...
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

31 августа 1914

* * *

Разлетясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнекрасные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

31 августа 1914

* * *

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

* * *

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, —
Всё ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915

* * *

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна.
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915

* * *

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами..

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнею
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915

КАРМЕН

(1914)

Л. А. Д.

---

* * *

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

4 марта 1914

* * *

На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что́ месяца нежней, что́ зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

24 марта 1914

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но как ночною тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

* * *

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

* * *

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участья,
Когда же бубен зазвучит,
И глухо зазвенят запястья, —

Он вспоминает дни весны,
Он средь бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

26 марта 1914

* * *

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,

Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...

А там: *Уйдем, уйдем от жизни,*
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

* * *

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный — поля,
И заливистый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?

30 марта 1914

* * *

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,

И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

* * *

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер в темном
зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,

И этот мир тебе — лишь красный облик дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

31 марта 1914

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, — и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит и трубит он, — отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листы.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится
Жизнь другая — моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решоткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночною, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой.
Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна.
Не стучал я — сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5

Пусть укрыла от дольнего горя
Утонувшая в розах стена, —
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что с тобою, возлюбленный мой?»

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, —
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? — И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

6 января 1914 — 14 октября 1915

РОДИНА
(1907—1916)

* * *

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.

30 мая 1907

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.

Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне».
И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

* * *

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горючий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не споет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,
Спят убаюканные ленью
Людской врагини — тишины,

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

29 августа 1914

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном, темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полунóчи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали.

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздымается конская грива...
За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря 1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

* * *

Вот он — ветер,
Звенящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот — что ты мне сулила:
Могила.

4 ноября 1908

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Чтó плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что́ ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

* * *

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальною усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.

Август 1909

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Чтó там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась и́з степи черная мгла...

За́ море Черное, за́ море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Чтó же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

28 февраля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза̀ набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;

Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчало.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что́ — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

ПОСЕЩЕНИЕ

ГОЛОС

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемлют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, —
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...

Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоем голосе — возгласы моря,
На лице твоем — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

ВТОРОЙ ГОЛОС

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь пристальный враг.
И душа для видений ослепла,
Если вспомню — лишь ветр налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было, — далёко оно,
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

Сентябрь 1910. Шахматово

* * *

Там неба осветленный край
    Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
    Так внятен.

Свободен, весел и силён,
    В дали любимой
Я слышу непомерный звон
    Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
    Широко реет,
Там старый лес под топором
    Редеет.

Сентябрь 1910

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листы, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз! ..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Октябрь 1912

НОВАЯ АМЕРИКА

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по́ ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

* * *

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссейная дорога,
    Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бога,
    Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
    Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
    Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо
    Вдаль из тихих мест
Путь шоссейный, пробегая мимо,
    Мимо инока, прудов и звезд...

Август 1914

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

Боль проходит понемногу,
Не на век она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.

Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда.
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

15 мая 1914

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

* * *

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга одни,*
А другие — не в лад — *Ермака,*
И кричали *ура,* и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё неслось к нам *ура,*
В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

* * *

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

* * *

З. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

* * *

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрему,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклято́му не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:

«На́ хлеба, на́, на́ грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

(1913)

* * *

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только, вот — принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь — тогда...
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

19 октября 1913

* * *

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, зá сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздохнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:

С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

19 октября 1913

* * *

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!

Октябрь 1913

* * *

Из ничего — фонтаном синим
Вдруг брызнул свет.
Мы головы наверх закинем —
Его уж нет,
Рассыпался над черной далью
Златым пучком,
А здесь — опять, — дугой, спиралью,
Шаро́м, волчком,
Зеленый, желтый, синий, красный —
Вся ночь в лучах...
И, всполошив ее напрасно,
Зачах.

Октябрь 1913

* * *

Вспомнил я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочник добрый и старый
Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
«Плохо теперь бесприютным!» —
Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь отворил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивою тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
К старому сердцу приник.

«Что у тебя за игрушки?» —
«Их подарила мне мать». —
«Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?»

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и нá пол спрыгнул.
«Вот как умею!» — сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века,
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло, —
Всё, всё.

Октябрь 1913

* * *

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню неясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни *другой* мне
Жалобный ветер напел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров.
И темный времени полет
Следить,

И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеяться и ждать...

Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго, крепче спи,
Всё равно всё пройдет,
Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звеня...

Октябрь 1913

ВОЗМЕЗДИЕ

Юность — это возмездие.
Ибсен

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в годы, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы[1] рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.

Интересно и небесполезно и для себя и для других припомнить историю собственного произведения. К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и — увы! — забыть их нельзя, — они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.

Поэма «Возмездие» была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году. Что это были за годы?

1910 год — это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность — мудрая человечность.

Далее, 1910 год — это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили, как в лагере символистов, так

[1] Предисловие было написано в связи с публикацией третьей главы поэмы. — *Ред.*

и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек — но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то «первозданный Адам».

Зима 1911 года была исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепета. Я помню ночные разговоры, из которых впервые вырастало сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. Мысль, которую, повидимому, будили сильные толчки извне, одновременно стучалась во все эти двери, не удовлетворяясь более слиянием всего воедино, что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции, а также — в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею.

Именно мужественное веянье преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего — противоречий непримиримых и требовавших примирения. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга, которому остался всего год жизни. Уже был ощутим запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П. Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под заглавием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны». В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море — разыгрался знаменательный эпизод «Пантера — Агадир».

Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты.

В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; — все мы помним ряд красивых воздушных петель, полетов вниз головой, — падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции.

Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время.

Тогда мне пришлось начать постройку большой поэмы под названием «Возмездие». Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все уже и уже, и самый маленький круг, съежившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался, — в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в понятии музыкальном и мускульном; о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время всё движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. При систематическом ручном труде развиваются сначала мускулы на руках, так называемые — бицепсы, а потом уже — постепенно — более тонкая, более изысканная и более редкая сеть мускулов на груди и спине под лопатками. Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея и тема.

Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела, и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.; ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.).

Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой,

обезображенной, искалеченной. Был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает в свою очередь творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человечьей ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится-таки за него...

Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением всё растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса.

Такую идею я хотел воплотить в моих «Rougon-Macquar'ах» в малом масштабе, в коротком обрывке рода русского, живущего в условиях русской жизни: «Два-три звена, и уж видны заветы темной старины»... Путем катастроф и падений мои «Rougon-Macquar'ы» постепенно освобождаются от русско-дворянского éducation sentimentale,[1] «уголь превращается в алмаз», Россия — в новую Америку; в новую, а не в старую Америку.

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога. Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; они составляют ее фон.

Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий «демон», первая ласточка «индивидуализма», человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порываниями и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся fin de siècle.[2]

Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого «демона», наследнику его мятежных порывов и болезненных падений — бесчувственному сыну нашего века. Это — тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, повидимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.

---

[1] Чувствительного воспитания (франц.). — *Ред.*
[2] Концом века (франц.). — *Ред.*

В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что сталось с бывшим блестящим «демоном», в какую бездну упал этот яркий когда-то человек. Действие поэмы переносится из русской столицы, где оно до сих пор развивалось, в Варшаву — кажущуюся сначала «задворками России», а потом призванную, повидимому, играть некую мессианическую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши. Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску, третьему звену всё того же высоко взлетающего и низко падающего рода.

В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет, он начинает уже играть, он начинает повторять по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот».

Вот, повидимому, круг человеческой жизни, съежившийся до предела, последнее звено длинной цепи; тот круг, который сам, наконец, начнет топорщиться, давить на окружающую среду, на периферию; вот отпрыск рода, который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю.

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом «возмездия»; этот лейтмотив есть *мазурка*, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры — глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского fin de siècle, знаменитой veuve Clicquot;[1] еще более глухие — цыганские, апухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносящейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия.

Июль 1919

---

[1] Вдова Клико (франц.) — фамилия владелицы фирмы, производившей шампанские вина. — *Ред.*

ПРОЛОГ

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? — Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный раб,

Юность — это возмездие.
Ибсенъ.

~~Жизнь~~

~~Міръ полонъ. Жизнь не до конца.~~

Жизнь — безъ начала и конца.
~~Но ты, художникъ, твердо вѣруй:~~
~~[illegible]~~
[redacted] Вездѣ ~~[illegible]~~ подстерегаетъ ~~[illegible]~~ случай.
Надъ нами — сумракъ неминучій,
Иль ясность божьяго лица.
Но ты, художникъ, твердо вѣруй
Въ ~~предѣлъ~~ начала и концы. Ты знай,
Гдѣ стерегутъ насъ адъ ~~и~~ и рай.
Тебѣ дано бесстрастной мѣрой
~~Отмѣрить~~ Измѣрить все, что видишь ты.
~~Средь И вездѣ~~
Твой взглядъ — да будетъ твердъ и ясенъ.

Из глины созданный и праха, —
И мир — он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно, —
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон. . .
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой. . .
Кто нанесет ему удар? . .
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи. . . И я пою, —
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста! . .
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.

Сыны отражены в отцах:
Коротенький отрывок рода —
Два-три звена, — и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневый ямб, каменья!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И мало действенных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей — пополам!),
Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье, — а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!)
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...

Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распри кровные решают
Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздко́й обоз
Воло́чит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
И не устанут проклинать.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал — да жестко спать...

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознанье страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,

И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи.
Что́ ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера больную,
На отдаленный финский брег!

Уж осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
А здесь — попрежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца много!
Куда народ вали́т с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется *ура,*
И Забалканский и Сенная
Кишат полицией, толпой,
Крик, давка, ругань площадная...
За самой городской чертой,
Где светится золотоглавый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой, —
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!

И пред растроганной царицей,
В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый, и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они — средь своего народа!
Чем встретит их родной народ?
Сегодня — прошлому забвенье,
Сегодня — тяжкие виденья
Войны пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих — без рассвета,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то —
И настигающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра,
И даже — бремя вечной розни
Среди штабных и строевых,

И (может, горше всех других)
Забыли интендантов козни...
Иль не забыли, может быть? —
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...

Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто — сменять
На ранах корпию и вату,
Кто — на́ вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным «штрюком»,
Играя новым темляком
На алой ленточке, — как дети...
Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера? —

В глазах любого офицера
Стоят видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокойно над огнем;

Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод —
То роковое *всё равно,*
Которое подготовляет
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С толпой нас нынче затесало
В толпу глазеющих зевак,
Нас вовсе ликованье это
Заставило забыть вчера...
У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит *ура!*
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близь марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновенный
Здесь — в петербургском сентябре!
Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,

И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чует
И, несмотря на общий смех,
Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет эхо,
А всё — не разогнать толпу;
Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрую тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню — орет
Уже по этому случáю
Бегущий подсобить народ
(Городовой — свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря, —
И сам отец семейства даже
Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждут чего-то...
Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет — нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно — придет другое,
Вглядись — уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возврата,
Ты в ней — как в старой старине...

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.
Ты мог бы в том окне приметить
За рамой — бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,
Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь — и не взглянешь,
Встречаешь — и не узнаешь,
Ты за другими в сумрак канешь,
Ты за толпой вослед пройдешь.

Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво теребя,
Пусть встречный человек и здание —
Как все другие — для тебя.
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за *этими* стенами
И твой скрываться может рок...
(Но если б ты умом раскинул,
Забыв жену и самовар,
Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали
И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядись — увидишь ряд один
Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собранье не многоречиво,
И каждый гость, входящий в дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.
Вот кто-то вспыхнул папиросой:
Средь прочих — женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — всё просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.

Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;
Едва приметно затемнен
Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый —
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья —
И гость к ребенку в черном платье
Идет, минуя остальных...
Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: «Поздравляю вас
С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять — на смертную борьбу!»
И вдруг — без видимой причины —
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало,
Над ней кладут крестом кинжалы.
Вот пламя ширится — и вдруг,
Взбежав над жженкой, задрожало
В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
Напев согласный зазвучал,

Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза, —
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно — идет другое,
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья,
И если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохновенье —
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет — *пристальность* твоя.

В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья.
Дворяне — все родня друг другу,
И приучили их века
Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё в брезгливости природной,
Меж волей царской и народной,
Они испытывали боль
Нередко от обеих воль.
Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда — меж двух огней,
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие — не скроем —
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она

Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым
(Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь
Открыта настежь зимней вьюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившейся стыда).
И *нигилизм* здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен.
«Семейство — вздор, семейство — блажь», —
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души — всё та ж
«Княгиня Марья Алексевна»...
Живая память старины
Должна была дружить с неверьем —
И были все часы полны
Каким-то новым «двоеверьем»,
И заколдован был сей круг:
Свои словечки и привычки,
Над всем чужим — всегда кавычки,
И даже иногда — испуг;
А жизнь меж тем кругом менялась,
И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
(В том видя долг гражданский свой).

А то — и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С «Народной Волею» в руках —
Советоваться впопыхах,
Что́ неурядиц всех причиной?
Что́ предпринять пред «годовщиной»?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? —
Всем ведомо, что в доме этом
И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к закату.
(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).
Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещенья,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь —
И немец грезит о Париже),
И — ярый западник во всем —
В душе он — старый барин русский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля
Брюжжит не плоше Щедрина:
То — недоварены форели,
А то — уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:

Нежданный, как цветок над бездной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая — томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй — всегда не лень учиться,
Меньшая — скачет и поет,
Велит ей нрав живой и страстный
Дразнить в гимназии подруг
И косоплеткой ярко-красной
Вводить начальницу в испуг...
Вот подросли; их в гости водят,
В карете возят их на бал;
Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый —
И первых слез так сладок пыл,
А старшей — чинной и стыдливой —
Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный малый;
Ее готовят под венец...
«Смотри, он дочку любит мало, —
Ворчит и хмурится отец, —
Смотри, не нашего он круга...»
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга
Они стараются скрывать...
Торопит мать наряд венчальный,
Приданое поспешно шьют,
И на обряд (обряд печальный)
Знакомых и родных зовут...
Жених — противник всех обрядов
(Когда «страдает так народ»).
Невеста — точно тех же взглядов:
Она — с ним об руку пойдет,
Чтоб вместе бросить луч прекрасный,
«Луч света в царство темноты»
(И лишь венчаться не согласна
Без флер д'оранжа и фаты).
Вот — с мыслью о гражданском браке,
С челом мрачнее сентября,

Нечесаный, в нескладном фраке
Он предстоит у алтаря,
Вступая в брак «принципиально», —
Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невнятны
Произносимые слова,
А у невесты — голова
Кружится; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута —
Они воротятся в семью,
И жизнь, при помощи уюта,
В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,
А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
Ему, как новому жильцу.
Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей понутру
Народницей и недотрогой
Дразнить замужнюю сестру,
Второй — краснеть и заступаться,
Сестру резоня и уча,
А старшей — томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
Вступая в разговор с отцом
О социализме, о коммуне,
О том, что некто — «подлецом»
Отныне должен называться

За то, что совершил донос...
И вечно будет разрешаться
«Проклятый и больной вопрос»...

Нет, вешний лед круша, не смоет
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
И юношу, и старика —
Смотреть, как будет лед носиться,
И как ломаться будет лед,
И им обоим будет сниться,
Что их «народ зовет вперед»...
Но эти детские химеры
Не помешают наконец
Кой-как приобрести манеры
(От этого не прочь отец),
Косоворотку на манишку
Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя «славном»,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк...
Да, этим в жизнь — до смерти рано;
Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать — шалят;
Они — «не моего романа»:
Им — всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять
Тех, *с обреченными глазами:*
Другая стать, другая кровь —
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась — темна и широка,
И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Сию старинную ладью...
Но скоро пробил час туманный —

И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.

Встань, выйди пóутру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг — птичий щебет и движенье...
Он слушает... еще мгновенье —
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный пó ветру летит —
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел — чертить за кругом круг,
Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь — кружит, кружит...

Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но — ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
Суровой жизни скрасить бремя,
Набраться сведений и сил
Для «Дневника». (Он в это время
С Победоносцевым дружил).
С простертой дланью вдохновенно
Полонский здесь читал стихи.
Какой-то экс-министр смиренно
Здесь исповедывал грехи.
И ректор университета
Бывал ботаник здесь Бекетов,
И многие профессора,
И слуги кисти и пера,
И также — слуги царской власти,

И недруги ее отчасти,
Ну, словом, можно встретить здесь
Различных состояний смесь.
В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки,
Славянофил и либерал
Взаимно руку пожимал
(Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава богу, руку жмут).
И всех — не столько разговором,
Сколь оживленностью и взором, —
Хозяйка в несколько минут
К себе привлечь могла на диво.
Она, действительно, слыла
Обворожительно-красивой,
И вместе — добрая была.
Кто с Анной Павловной был связан, —
Всяк помянет ее добром
(Пока еще молчать обязан
Язык писателей о том).
Вмещал немало молодежи
Ее общественный салон:
Иные — в убежденьях схожи,
Тот — попросту в нее влюблен,
Иной — с конспиративным делом...
И всем нужна она была,
Все приходили к ней, — и смело
Она участие брала
Во всех вопросах без изъятья,
Как и в опасных предприятьях... —
К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.

Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был как свой
Один ученый молодой.
Непринужденный гость, привычный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.

Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? — он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской: —
Похож на Байрона». — Словцо
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно — столь упрямый.
«Красив, умен», — твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но, если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет...
А чувств прекрасной половины
Никто, сам чорт, не разберет...
И дамы были в восхищеньи:
«Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали.
(Вообще, в нем странность замечали —
И всем хотелось замечать.)
Пожалуй, не было, к несчастью,
В нем только *воли* этой... Он
Одной какой-то тайной страстью,
Должно быть, с лордом был сравнен:
Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений, —
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженье власти то ж,
И то же порыванье к бездне.
Но — тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отягчены сознаньем.

Так —
Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.

«Как интересен, как умен», —
За общим хором повторяет
Меньшáя дочь. И уступает
Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрóн.
И приглашенье принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
Обычай вежливый и чинный:
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззреньях,
Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.
Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,
Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь сбитых крыльев треск? —
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

Он в доме запросто обедал
И часто всех по вечерам
Живой и пламенной беседой
Пленял. (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером

Не брезговал: Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн — с Флобером).
Свобода, право, идеал —
Всё было для него не шуткой,
Ему лишь было втайне жутко:
Он, утверждая, отрицал
И утверждал он, отрицая
(Всё б — в крайностях бродить уму,
А середина золотая
Всё не давалася ему!)
Он ненавистное — любовью
Искал порою окружить,
Как будто труп хотел налить
Живой, играющею кровью...
«Талант», — твердили все вокруг, —
Но, не гордясь (не уступая),
Он странно омрачался вдруг...
Душа больная, но младая,
Страшась себя (она права),
Искала утешенья: чу́жды
Ей становились все слова...
(О, пыль словесная! Что нужды
В тебе? — Утешишь ты едва ль,
Едва ли разрешишь ты муки!) —
И на покорную рояль
Властительно ложились руки,
Срывая звуки, как цветы,
Безумно, дерзостно и смело,
Как женских тряпок лоскуты
С готового отдаться тела...
Прядь упадала на чело...
Он сотрясался в тайной дрожи...
(Всё, всё — как в час, когда на ложе
Двоих желание сплело...)
И там — за бурей музыкальной —
Вдруг возникал (как и тогда)
Какой-то образ — грустный, дальный,
Непостижимый никогда...
И крылья белые в лазури,
И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? — Всё, что быть должно:
Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотою
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом...)
Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом —
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он — жизнь, он — счастье, он — стихия,
Она нашла героя в нем, —
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может.
Она — почти сошла с ума...
А он? —
Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
Как бедный мучится ребенок,
Что счастие ребенку дать —
Теперь — в его единой власти...
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...
То — ум холодный, ум жестокий

Вступил в нежданные права...
То — муку жизни одинокой
Предугадала голова...
«Нет, он не любит, он играет, —
Твердит она, судьбу кляня: —
За что терзает и пугает
Он беззащитную, меня...
Он объясненья не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...»
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас — больным крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
Уже от ужаса — безумной
Дрожащей жертвы...) — Вот — любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!

Будь трижды проклят, жалкий век!

Другой жених на этом месте
Давно отряс бы прах от ног,
Но мой герой был слишком честен
И обмануть ее не мог:
Он не гордился нравом странным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя — смешно...
Он много знал — себе на горе,
Слывя недаром «чудаком»
В том дружном человечьем хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) — бараньим стадом...
Но — «глас народа — божий глас»,
И это чаще помнить надо,
Хотя бы, например, сейчас:
Когда б он был глупей немного
(Его ль, однако, в том вина?), —
Быть может, лучшую дорогу
Себе избрать могла она,
И, может быть, с такою нежной

Дворянской девушкой связав
Свой рок холодный и мятежный, —
Герой мой был совсем неправ...

Но всё пошло неотвратимо
Своим путем. Уж лист, шурша,
Крутился. И неудержимо
У дома старилась душа.
Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:
Аресты, обыски, доносы
И покушенья — без числа...
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал средь этой мглы;
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском праве,
С душой, начавшей уставать, —
Он скромно предложил ей руку,
Связал ее с своей судьбой,
И в даль увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку, —
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
Всё издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний — назван *первым марта.*

В семье — печаль. Упразднена
Как будто часть ее бо́льшая;

Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить — и путанно, и трудно:
То — над Россией дым стоит,
Отец, седея, в дым глядит...
Тоска! От дочки вести скудны...
Вдруг — возвращается она...
Чтó с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна...
И на руках лежит ребенок.

ВТОРАЯ ГЛАВА
‹ВСТУПЛЕНИЕ›

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык свéтил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячи́л коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура» —
Заводит кто-то голосистый,
И царь — огромный, водянистый —
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи — целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете», —
Бормочешь, лужу обходя;
Собака пóд ноги суется,

Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И, встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь главой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпиле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг.
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник...)

Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Отец лежит в «Аллее роз»,[1]
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые,
И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Надуто мстительной химерой;
Коперник сам лелеет месть,
Склоняясь над пустою сферой...
«Месть! Месть!» — в холодном чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот оттепель: блеснет живей
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
Свой круг ласкательный и льстивый...
Но всё, что в небе, на земле,
Попрежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.

---

[1] Улица в Варшаве. *(Прим. Блока.)*

Вокзал заплеванный; дома,
Коварно преданные вьюгам;
Мост через Вислу — как тюрьма;
Отец, сраженный злым недугом, —
Всё внове баловню судеб;
Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак — на смертном ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря
Твоя, забывший Польшу, боже! —
Что́ здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? —
Забытый лист осенних дней,
Да пыль сухую ветер носит!
А ночь идет, ведя мороз,
Усталость, сонные желанья...
Как улиц гадостны названья!
Вот, наконец, «Аллея роз»!.. —
Неповторимая минута:
Больница в сон погружена, —
Но в раме светлого окна
Стоит, оборотясь к кому-то,
Отец... и сын, едва дыша,
Глядит, глазам не доверяя...
Как будто в смутном сне душа
Его застыла молодая,
И злую мысль не отогнать:
«Он жив еще!.. В чужой Варшаве
С ним разговаривать о праве,
Юристов с ним критиковать!..»
Но всё — одной минуты дело:
Сын быстро ищет ворота
(Уже больница заперта),
Он за звонок берется смело
И входит... Лестница скрипит...
Усталый, грязный от дороги
Он по ступенькам вверх бежит
Без жалости и без тревоги...
Свеча мелькает... Господин
Загородил ему дорогу

И, всматриваясь, молвит строго:
«Вы — сын профессора?» — «Да, сын. . .»
Тогда (уже с любезной миной):
«Прошу вас. В пять он умер. Там. . .»

Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой — а стал орлиный.
Был жалок этот смятый одр,
И в комнате, чужой и тесной,
Мертвец, собравшийся на смотр,
Спокойный, желтый, бессловесный. . .
«Он славно отдохнет теперь», —
Подумал сын, спокойным взглядом
Смотря в отво́ренную дверь. . .
(С ним кто-то неотлучно рядом
Глядел туда, где пламя свеч,
Под веяньем неосторожным
Склоняясь, озарит тревожно
Лик желытй, туфли, узость плеч, —
И, выпрямляясь, слабо чертит
Другие тени на стене. . .
А ночь стоит, стоит в окне. . .)
И мыслит сын: «Где ж праздник Смерти?
Отцовский лик так странно тих. . .
Где язвы дум, морщины муки,
Страстей, отчаянья и скуки?
Иль смерть смела бесследно их?» —
Но все утомлены. Покойник
Сегодня может спать один.
Ушли родные. Только сын
Склонен над трупом. . . Как разбойник,
Он хочет осторожно снять
Кольцо с руки оцепенелой. . .
(Неопытному трудно смело
У мертвых пальцы разгибать).
И только преклонив колени
Над самой грудью мертвеца,
Увидел он, *какие* тени
Легли вдоль этого лица. . .
Когда же с непокорных пальцев
Кольцо скользнуло в жесткий гроб,
Сын окрестил отцовский лоб,

Прочтя на нем печать скитальцев,
Гонимых по́ миру судьбой...
Поправил руки, образ, свечи,
Взглянул на вскинутые плечи
И вышел, молвив: «Бог с тобой».

Да, сын любил тогда отца
Впервой — и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панихид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца...
Отец лежал не очень строго:
Торчал измятый клок волос;
Всё шире с тайною тревогой
Вскрывался глаз, сгибался нос;
Улыбка жалкая кривила
Неплотно сжатые уста...
Но разложенье — красота
Неизъяснимо победила...
Казалось, в этой красоте
Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...
А чернь старалась, как могла:
Над гробом говорили речи;
Цветками дама убрала
Его приподнятые плечи;
Потом на ребра гроба лег
Свинец полоскою бесспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не мог).
Потом, с печалью непритворной,
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
Злой день сменяла злая ночь.

По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладби́ще называлось: «Воля».
Да! Песнь о воле слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;

Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
А жены — нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда... — На кладбище был мир,
И впрямь пахнуло чем-то вольным:
Кончалась скука похорон,
Здесь радостный галдеж ворон
Сливался с гулом колокольным...
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь — сгорела...
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаясь
Хоть в желтой яме что-нибудь...
Но всё мелькало, расплываясь,
Слепя глаза, стесняя грудь...
Три дня — как три тяжелых года!
Он чувствовал, как стынет кровь...
Людская пошлость? Иль — погода?
Или — сыновняя любовь? —
Отец от первых лет сознанья
В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья —
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).
Отец ходил к нему, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный, тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум
(А думы глупые, младые...)

И только добрый льстивый взор,
Бывало, упадал украдкой
На сына, странною загадкой
Врываясь в нудный разговор...
Сын помнит: в детской, на диване
Сидит отец, куря и злясь;
А он, безумно расшалясь,
Вертится пред отцом в тумане...
Вдруг (злое, глупое дитя!) —
Как будто бес его толкает,
И он стремглав отцу вонзает
Булавку около локтя...
Растерян, побледнев от боли,
Тот дико вскрикнул.
Этот крик
С внезапной яркостью возник
Здесь, над могилою, на «Воле», —
И сын очнулся... Вьюги свист;
Толпа; могильщик холм ровняет;
Шуршит и бьется бурый лист...
И женщина навзрыд рыдает
Неудержимо и светло...
Никто с ней не знаком. Чело
Покрыто траурной фатою.
Что там? Небесной красотою
Оно сияет? Или — там
Лицо старухи некрасивой,
И слезы катятся лениво
По провалившимся щекам?
И не она ль тогда в больнице
Гроб вместе с сыном стерегла?..
Вот, не открыв лица, ушла...
Чужой народ кругом толпится...
И жаль отца, безмерно жаль:
Он *тоже* получил от детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale.[1]

От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом

[1] Чувствительное воспитание (франц.) — заглавие романа Флобера. — *Ред.*

Идет он. Мы туда пойдем
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
Поэтов не хвалили мира!)
Сын входит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чудаком считать
Отца — на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
Поесть — и не держал прислуги;
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груде почернелых шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он «свел на нет»
Всё, что мы в жизни ценим строго:
Не освежалась много лет
Его убогая берлога;
На мебели, на грудах книг
Пыль стлалась серыми слоями;
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья,
Коробки из-под папирос,
Белья нестираного груду,
Портреты, письма дам, родных
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец — убогий свет
Варшавский падал на киоты
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»...

Так, с жизнью счет сводя печальный,
Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и *всё* забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка — одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
Прямились сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец — чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слег в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон...

Так жил отец: скупцом, забытым
Людьми, и богом, и собой,
Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской.
А сам... Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души — какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,

В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилья —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..)
А сын — он изменил отчизне!
Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

Не так же ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляко́в,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы,
Лишь Пан-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет — и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешенный повод,
И четко повторит чугун

Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Месть! Месть! — Так эхо над Варшавой
Звенит в холодном чугуне!

Еще светлы кафэ и бары,
Торгует телом «Новый свет»,
Кишат бесстыдные троттуары,
Но в переулках — жизни нет,
Там тьма и вьюги завыванье...
Вот небо сжалилось — и снег
Глушит трескучей жизни бег,
Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он — тихий, вечный и старинный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе больной и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...
Как женщина, из-за угла
Вот кто-то льстиво подползает...
Вот — подольстилась, подползла,
И сердце торопливо сжала
Невыразимая тоска,
Как бы тяжелая рука
К земле пригнула и прижала...
И он уж не один идет,
А точно с кем-то новым вместе...
Вот быстро по́д гору ведет
Его «Крако́вское предместье»;

Вот Висла — снежной бури ад...
Ища защиты за домами,
Стуча от холода зубами,
Он повернул опять назад...
Опять над сферою Коперник
Под снегом в думу погружен...
(А рядом — друг или соперник —
Идет тоска...) Направо он
Поворотил — немного в гору...
На миг скользнул ослепший взор
По православному собору...
(Какой-то очень важный вор,
Его построив, не достроил...)
Герой мой быстро шаг удвоил,
Но скоро изнемог опять —
Он начинал уже дрожать
Непобедимой мелкой дрожью
(В ней всё мучительно сплелось:
Тоска, усталость и мороз...)
Уже часы по бездорожью
По снежному скитался он
Без сна, без отдыха, без цели...
Стихает злобный визг метели,
И на Варшаву сходит сон...
Куда ж еще идти? Нет мочи
Бродить по городу всю ночь. —
Теперь уж некому помочь!
Теперь он — в самом сердце ночи!
О, черен взор твой, ночи тьма,
И сердце каменное глухо,
Без сожаленья и без слуха,
Как те ослепшие дома!..
Лишь снег порхает — вечный, белый,
Зимой — он площадь оснежит,
И мертвое засыплет тело,
Весной — ручьями побежит...
Но в мыслях моего героя
Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах — какой-то смутный звон..,

Вдруг — бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада...
К ней тихо прислонился он.

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушённым садом,
И небо — книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis!*[1] Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.
. . . .

---

[1] «В полную меру» *(лат.)* — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена. — *Ред.*

ДВЕНАДЦАТЬ
СКИФЫ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И кре́стом сияло
Брюхо на народ?

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих ко́сит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...

МЫ НА ГОРЕ ВСЕМ БУРЖУЯМ
МИРОВОЙ ПОЖАР РАЗДУЕМ!...

...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на́ ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится.
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондову́ю,
В избяну́ю,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
    Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
    Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Елекстрический фонарик
    На оглобельках...
    Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
    Да покручивает,
    Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
    Катьку-дуру обнимает,
        Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчуго́м...
    Ах ты, Катя, моя Катя
        Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзаду забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
. . . .
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!..

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,

Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы няньчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидава́ет,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте етажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох, ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городового —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революцьонный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга́ пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

~~Вперёд~~
Вдруг — сугроб холодный
Кто еще там — выходи!
Только ~~Да уныло позади~~ ~~ковыляет~~ сзади пёс голодный,
~~Хвост поджал, ковыляет~~
~~Хвост поджал~~ ковыляет позади

Отвяжись ты, ~~пёс~~ шелудивый,
~~Эй, оборвыш, а то~~
А не то — поколочу
~~Старый мир~~
Старый мир, как пёс паршивый!
Я штыком пощекочу!

Скалит зубы — волк голодный ~~безродный~~
~~Пёс голодный — волк голодный~~
Хвост поджал, не отстаёт,
~~Кто еще~~ Пёс, как старый мир, безродный...
~~Кто~~ Эй, откликнись, кто идёт?

Кто там машет красным флагом?
Не видать — такая тьма.
Кто там ходит беглым шагом
~~Прячась~~ Хоронясь за все дома?

Всё равно тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьём!
Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, ~~...~~ стрелять начнём!

Трах-тах-тах! — И только эхо
~~Раздаётся~~ Откликается ~~вдоль по домам~~ в домах
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...
Трах-тах-тах...

12

. . .Вдаль идут державным шагом. . .
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди. . .

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи! . .
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади. . .

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

. . .Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный. . .
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах. . .
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах. . .

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах. . .

. . .Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,

Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невиди́м,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома́ лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда, —
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кёльна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

(1918—1921)

* * *

Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернацьонал!

1 — 6 июня 1918

РУССКИЙ БРЕД

<Наброски>

Зачинайся, русский бред...

...Древний образ в темной раке,
Перед ним — подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно...
Но нельзя его оплакать,
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа —
Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох.
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым...

Февраль 1918 — 8 апреля 1919

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

<Для кантаты Ю. Шапорина>

1. Хор татар

Идут века...
Бежит река...
Земля тяжка, черна, пусты поля...

Шумят пиры...
Трещат костры...
Гудит вдали, кружит в пыли, дрожит земля...

И жар костров
В разгар пиров —
И дальний зов — на бой — на бой — рази врагов!

В лязге сабель, в ржанье ко́ней, в блеске брони
За сраженным, за сметенным — в погоню, в погоню,
в погоню!

Мечи стрелу в ночную мглу! ..
Добей врага, гони, лети, скачи! ..
Рази, руби, коли, стегай, хлещи! ..

2. Ария невесты

(Невеста ждет жениха)

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листы.
Выхожу — и стою на мосту
И смотрю на речные цветы.

И смотрю за туманы и гарь,
Как из той из туманной дали
Чередой потянулись, как встарь,
Гуси, лебеди, да журавли...

Дайте вольные крылья свои,
Гуси, лебеди, да журавли...
Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?

Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего,
Упаси ты от вражьей стрелы,
Сохрани ты от сабли его...

3 — 14 ноября 1919

ДВЕ НАДПИСИ НА СБОРНИКЕ «СЕДОЕ УТРО»

1

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон — всю ночь один:
Так видит Даму паладин,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику — родной очаг,
И капитану — океан,
И деве — розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
Неизъяснимым, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, — забвенью не предам.

23 октября 1920

2

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, —
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас *она* дала...

23 — 24 октября 1920

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что́ за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
    И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
    В Академии наук.

Вот зачем, в часы заката
    Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
    Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕВОДОВ

ПОДРАЖАНИЕ ТИБУЛЛУ

Серинф жестокий! Ты ль неверным сердцем рад
Мученьям без числа, что грудь мою язвят?
Увы! Стремилась я лишь муку утишить,
Чтоб снова для любви и для тебя мне жить.
Но плакать над судьбой я больше не должна,
И ненависть твою излечит смерть одна.

3 ноября 1905

ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ

Елене

О, только б огонь этих глаз целовать, —
Я тысячи раз не устал бы желать!
Всегда погружать мои губы в их свет,
В одном поцелуе прошло бы сто лет!
Но разве душа утолится, любя?
Всё льнул бы к тебе, целовал бы тебя.
Ничто б не могло губ от губ оторвать;
Мы всё б целовались опять и опять;
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке — не стоит труда:
Могу ль изменить? — Никогда — никогда!

3 ноября 1905

ОТРЫВОК

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Аннслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило
День долгий коротать;
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблистать.

7 ноября 1905

ДАМЕТ

Бесправный, как дитя, и мальчик по лета́м,
Душою преданный убийственным страстям,
Не ведая стыда, не веря в добродетель,
Обмана бес и лжи сочувственный свидетель,
Искусный лицемер от самых ранних дней,
Изменчивый, как вихрь на вольности полей,
Обманщик скромных дев, друзей неосторожных,
От школьных лет знаток условий света ложных, —
Дамет изведал путь порока до конца
И прежде остальных достиг его венца:
Но страсти, до сих пор терзая сердце, властно
Велят ему вкушать подонки чаши страстной;
Пронизан похотью, он цепь за цепью рвет
И в чаше прежних нег свою погибель пьет.

9 ноября 1905

СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ ПОД ВЯЗОМ НА КЛАДБИЩЕ В ГАРРОУ

Места родимые! Здесь ветви вздохов полны,
С безоблачных небес струятся ветра волны:
Я мыслю, одинок, о том, как здесь бродил
По дерну свежему я с тем, кого любил,
И с теми, кто сейчас, как я, — за синей далью —
Быть может, вспоминал прошедшее с печалью;

О, только б видеть вас, извилины холмов!
Любить безмерно вас я всё еще готов;
Плакучий вяз! Ложась под твой шатер укромный,
Я часто размышлял в час сумеречно-скромный;
По старой памяти, склоняюсь под тобой,
Но, ах! уже мечты бывалой нет со мной:
И ветви, простонав под ветром — пред ненастьем, —
Зовут меня вздохнуть над отсиявшим счастьем,
И шепчут, мнится мне, дрожащие листы:
«Помедли, отдохни, прости, мой друг, и ты!»
Но охладит судьба души моей волненье,
Заботам и страстям пошлет успокоенье,
Так часто думал я, — пусть близкий смертный час
Судьба мне усладит, когда огонь погас;
И в келью тесную, иль в узкую могилу —
Хочу я сердце скрыть, что медлить здесь любило;
С мечтою страстной мне отрадно умирать,
В излюбленных местах мне сладко почивать;
Уснуть навеки там, где все мечты кипели,
На вечный отдых лечь у детской колыбели;
Навеки отдохнуть под пологом ветвей,
Под дерном, где, резвясь, вставало утро дней;
Окутаться землей на родине, мне милой,
Смешаться с нею там, где грусть моя бродила;
И пусть благословят — знакомые листы,
Пусть плачут надо мной — друзья моей мечты;
О, только те, кто был мне дорог в дни былые, —
И пусть меня вовек не вспомнят остальные.

13 ноября 1905

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить, иль пасть с тобой в крови,
И, если б пробил час, — делить с тобой, любимой,
Всё, верность сохранив свободе и любви.

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.

Я взор мой устремлял в больной и мутный взор твой,
И ложе уступил и, бденьем истомлен,
Прильнув к ногам, готов земле отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в смертный сон.

Землетрясенье шло и стены сотрясало,
И всё, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.

И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,
Тебе, тебе даря — последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно́, мой дух к тебе летел.

О, многое прошло; но ты не полюбила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд, — любить всё вновь и вновь.

4 января 1906

ПЕСНЬ К СУЛИОТАМ

Дети Сули! Киньтесь в битву,
Долг творите, как молитву!
Через рвы, через ворота:
Бауа! Бауа! Сулиоты!
Есть красотки, есть добыча,
В бой! Творите свой обычай!

Знамя вылазки святое,
Разметавшей вражьи строи,
Ваших гор родимых знамя,
Знамя ваших жен над вами,
В бой, на приступ, Стратиоты,
Бауа! Бауа! Сулиоты!

Плуг наш — меч: так дайте клятву
Здесь собрать златую жатву;

Там, где брешь в стене пробита,
Там врагов богатство скрыто:
Есть добыча — слава с нами —
Так вперед, на спор с громами!

4 января 1906

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

Встревожен мертвых сон — могу ли спать?
Тираны давят мир — я ль уступлю?
Созрела жатва — мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

4 января 1906

ЦИРЦЕЯ

Год миновал. Мы пьем среди твоих владений,
Цирцея! — долгий плен.
Мы слушаем полет размерных повторений,
Не зная перемен.

И, погрузясь, как мы, в забвение о смене
И месяцев и лет,
Неувядающий — краса твоих владений —
Благоухает цвет.

И венчики цветов, таясь, полураскрыли
Истомные уста,
И вечной свежестью и диких роз, и лилий
Сияет чистота.

Пусть чаша их страшна для нас, неутолимых,
Пусть в этой чаше яд!
Пусть, медленно прильнув, уста цветов любимых
Нас гибелью поят.

Под формой странною скрывая образ пленный,
От чар, как мы, вкусив,
Меж нами кружатся, глядят на нас смиренно
Стада косматых див.

Бесцельна красота сплетений в гривах строгих
Их всклоченных голов,
И всё еще в тени их душные берлоги,
Где, греясь, пахнет кровь.

Здесь львы укрощены — над ними благовонный
Волос простерся шелк.
И тигр у ног твоих — послушный и влюбленный,
И леопард, и волк.

Для зорких рысьих глаз и для пантеры пестрой
Здесь сон и забытье.
Над ними в сладкой мгле струит свой запах острый
Любовное питье.

О, ясные сады, где обаянье дремлет,
Где тигр ползет у ног,
Где, вспыхнув на конце чешуйчатого стебля,
Родится злой цветок,

Где на песок аллей, прохладный и сыпучий,
В вечерний, свежий час,
В лазурной чешуе, мясистый и колючий,
Дракон ползет, клубясь.

Но даль морей ясна. Прости, чудесный остров,
Для снов иной страны!
Вон острый волнорез подъемлет красный остов,
Мы завтра — плыть должны.

Мы склоним без труда, вслед киммерийской тени,
Тройную медь кормы,
Туда, где сорвались подземные ступени,
Зевая, в царство тьмы.

Наш кормщик у руля; не знают страха гру́ди,
Скользи, корабль, скользи. . .
Тот, кто узнал тебя, Цирцея! не забудет
К безмолвию стези.

Декабрь 1905

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

Die Heimkehr

1

В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной;
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь,
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.

Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.

2

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покою
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор;

В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотою
Девушка дивной красы
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.

Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пеньи
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
Так и всякий погибает
От песен Лорелей.

3

Сырая ночь и буря,
Беззвездны небеса;
Один средь шумящих деревьев,
Молча, бреду сквозь леса.

Светик далекий кажет
В охотничий домик путь;
Мне им прельщаться не надо,
Ведь скучно туда заглянуть.

Там бабушка в кожаном кресле,
Как изваянье страшна,
Слепая, сидит без движенья
И слова не молвит она.

Там бродит, ругаясь, рыжий
Сын лесничего взад и вперед.

То яростным смехом зальется,
То в стену винтовку швырнет.

Там плачет красавица пряха,
И лен отсырел от слез;
У ног ее с урчаньем
Жмется отцовский пес.

4

Красавица рыбачка,
Оставь челнок на песке;
Посиди со мной, поболтаем,
Рука в моей руке.

Прижмись головкой к сердцу,
Не бойся ласки моей;
Ведь каждый день ты с морем
Играешь судьбой своей.

И сердце мое — как море,
Там бури, прилив и отлив,
В его глубинах много
Жемчужных дремлет див.

5

Играет буря танец,
В нем свист и рев и вой;
Эй! Прыгает кораблик!
Веселый пляс ночной.

Вздымает гулкое море
Живые горы из вод;
Здесь пропасти чернеют,
Там белая башня растет.

Молитвы, рвота и ругань
Слышны из каюты в дверь;
Мечтаю, схватившись за мачту:
Попасть бы домой теперь!

6

Вечер пришел безмолвный,
Над морем туманы свились,
Таинственно ропщут волны,
Кто-то белый тянется ввысь.

Из волн встает Водяница,
Садится на берег со мной;
Белая грудь серебрится
За ее прозрачной фатой.

Стесняет объятия, душит
Всё крепче, всё больней —
Ты слишком больно душишь,
Краса подводных фей!

«Душу́ тебя с силою нежной,
Обнимаю сильной рукой;
Этот вечер слишком свежий,
Хочу согреться тобой».

Лик месяца бледнеет,
И пасмурны небеса;
Твой сумрачный взор влажнеет,
Подводных фей краса!

«Всегда он влажен и мутен,
Не сумрачней, не влажней:
Когда я вставала из глуби,
В нем застыла капля морей».

Чайки стонут, море туманно,
Глухо бьет прибой меж камней —
Твое сердце трепещет странно,
Краса подводных фей!

«Мое сердце дико и странно,
Его трепет странен и дик,
Я люблю тебя несказа́нно,
Человеческий милый лик».

7

На дальнем горизонте,
Как сумеречный обман,
Закатный город и башни
Плывут в вечерний туман.

Играет влажный ветер
На серой быстрине;
Траурно плещут весла
Гребца на моем челне.

В последний проглянуло
Над морем солнце в крови,
И я узнал то место —
Могилу моей любви.

8

Тихая ночь, на улицах дрёма,
В этом доме жила моя звезда;
Она ушла из этого дома,
А он стоит, как стоял всегда.

Там стоит человек, заломивший руки,
Не сводит глаз с высоты ночной;
Мне страшен лик, полный смертной муки —
Мои черты под неверной луной.

Двойник! Ты, призрак! Иль не довольно
Ломаться в муках тех страстей?
От них давно мне было больно
На этом месте столько ночей!

9

Ты знаешь, что живу я,
И спишь спокойным сном!
Мой старый гнев проснется,
И я сломлю мой ярём.

Ты знаешь — в старой песне:
Однажды в час ночной
Подругу юноша мертвый
В могилу взял с собой?

Поверь, краса и диво,
Ты, чистое дитя,
Я жив, у меня есть сила,
Сильней всех мертвых я!

10

Я А́тлас злополучный! Целый мир,
Весь мир страданий на́ плечи подъемлю,
Подъемлю непосильное, и сердце
В груди готово разорваться.

Ты сердцем гордым сам того желал!
Желал блаженств, блаженств безмерных сердцу,
Иль непомерных — гордому — скорбей,
Так вот: теперь ты скорбен.

11

Племена уходят в могилу,
Идут, проходят года,
И только любовь не вырвать
Из сердца никогда.

Только раз бы тебя мне увидеть,
Склониться к твоим ногам,
Сказать тебе, умирая:
Я вас люблю, Madame!

12

Три светлых царя из восточной страны
Стучались у всяких домишек,
Справлялись: как пройти в Вифлеем?
У девочек всех, у мальчишек.

Ни старый, ни малый не мог рассказать,
Цари прошли все страны;
Любовным лучом золотая звезда
В пути разгоняла туманы.

Над домом Иосифа встала звезда,
Они туда постучали;
Мычал бычок, кричало дитя,
Три светлых царя распевали.

Январь 1909

* * *

Я в старом сказочном лесу!
Как па́хнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.

Иду, иду — и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,
Поет любви мученье.

Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь светла,
Проснулись забытые грезы.

Иду, иду — широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.

Закрытые окна, и везде
Могильное молчанье;
Так тихо, будто вселилась смерть
В заброшенное зданье.

И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вожделенья и гнева,
И тело, и лапы — как у льва,
Лицом и грудью — дева.

Прекрасный образ! Пламенел
Безумием взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.

Пел соловей — и у меня
К борьбе не стало силы, —
И я безвозвратно погиб в тот миг,
Целуя образ милый.

Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не выпил душу мне, —
Насытясь до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело.

Блаженная пытка и сладкая боль!
Та боль, как та страсть, беспредельна!
Пока в поцелуях блаженствует рот,
Те когти изранят смертельно.

Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О, любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой
Всегда твои щедроты?

О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не нашел ответа».

6 ноября 1920

* * *

Только платьем мимоходом
До меня коснешься ты —
По твоим следам несутся
Сердца бурные мечты.

Обернешься ты, вперится
Глаз огромных синева —
С перепугу за тобою
Сердце следует едва.

28 января 1921

* * *

Альянс священный прочно
Связал нам теперь сердца:
Прижавшись тесно, друг друга
Постигли они до конца.

Ах! жаль, что юной розой
Украсила ты грудь,
Союзница бедная наша
Едва могла вздохнуть.

29 января 1921

ПРОЛОГ

Чуть не в каждой галлерее
Есть картина, где герой,
Порываясь в бой скорее,
Поднял щит над головой.

Но амурчики стащили
Меч у хмурого бойца
И гирляндой роз и лилий
Окружили молодца.

~~[illegible]~~ Аль-злат атласный твой кудель,

В ручках стиръ индийской кладъ,

~~Индийский [illegible]~~

~~[illegible] [illegible]~~

~~Атласный На [illegible] злато и атлас~~

Люли-люли ~~[illegible]~~, дардаръ, дитя-краса,

Спи, спи ~~[illegible]~~, бай-бай, дремли, ла-ла,

бровь, ~~[illegible]~~ [illegible], сон, дуй-дуй,

~~Усни, о Тихонько спи, усни~~

~~Глазки и брови, усни~~, дуй-дуй, глаза — звезды.

Глазоньки-звезды, Господь ~~[illegible]~~ дуй.

~~Уж день вечер~~

~~День настал~~, овцы блеют,

~~[illegible]~~ Дитя все спит и не встает.

~~Ты, [illegible], [illegible], [illegible]~~

Вставай, ~~[illegible]~~ [illegible] кричат, ~~[illegible]~~ [illegible]

Садись ~~на сошку, не [illegible]~~ сон,

~~Вот~~ Топ-топ, топочет ход.

Топ-топ, будит

Нет, младенец спит бровь нахмурив [illegible],

Щека — рука [illegible], кот [illegible].

Эта, ~~Божья~~ ~~Матерь~~ Матерь (Господь) Божья, [illegible]

От злого вдруг, наговора

Мое дитя Ты сохрани

Эта Божья Мать, мати мила,

От злого вдруг, наговора

Храни, храни мое дитя...

Цепи горя, путы счастья
Принуждают и меня
Оставаться без участья
К битвам нынешнего дня.

5 февраля 1921

МОЕЙ МАТЕРИ

1

От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг.
Мимо сердца с тоскою безумной —
Улетели бесшумно на юг.

По лицу, да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,[1]
Был бы сном я — далече, далече
Полетел бы к тебе, моя джан.

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы,
И смеялся и плакал бы, джан!

[1] Джан — ласкательное название. *(Прим. Блока.)*

2

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чуть зыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели́, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит.
Сладко-сладко спокойно дремлет дитя,
И мать моя, молча, молитву творит.

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели́, невидим,
Родимая ива едва шелестит.

---

* * *

Был бы на Аразе у меня баштан [1] —
Посадил бы иву, розы я, да мак,
Под тенистой ивой сплел бы я шалаш,
В шалаше бы вечно пламенел очаг!

Чтобы сидела рядом милая Шушан, [2]
Чтобы нам друг друга у огня ласкать!
Кабы на Аразе завести баштан,
Для Шушик лилейной отдыха не знать!

* * *

Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвел
На вершины торжественных скал.

---

[1] А р а з — Аракс, река. Б а ш т а н — сад. *(Прим. Блока.)*
[2] Ш у ш а н, Ш у ш и к — женское имя Сусанна. *(Прим. Блока.)*

Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил сердце в лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл несмолкаемый плеск.

* * *

Во долине, в долине Сално́[1] боевой,
Ранен в грудь, умирает гайдук.
Рана — розы раскрытой цветок огневой,
Ствол ружья выпадает из рук.

Запевает кузнечик в кровавых полях,
И, в объятьях предсмертного сна,
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,
Снится — звякая, блещет коса,
Мирно девушки сено гребут — и звучат,
Всё о нем их звенят голоса...

Над долиной Сално́ туча хмуро встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюет
Опустившийся в поле орел...

* * *

Уж солнце за вершиной гор,
И даль лугов мутна.
Умолк уснувший птичий хор,
А я — не знаю сна.

Сквозь крышу месяц заглянул,
Весы приподнялись,
Прохладный ветер потянул
К звезда́м, в ночную высь.

[1] Сално — горная местность в турецкой Армении. (*Прим. Блока.*)

О, нежный ветер, звездный свет,
Где яр[1] мой в эту ночь?
О, звезды, вас прекрасней нет,
Где бродит яр всю ночь?

Рассвет настал и в дверь вошел,
Туман, и дождь идет.
Ал-конь пришел, один пришел,
Ах, яр домой нейдет!

* * *

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятьях чужих — моя джан.

Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися —
Нет в подлунной обетов святых!

Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утес, на скалу...

* * *

Я увидел во сне: колыхаясь, виясь,
Проходил караван, сладко пели звонки.
По уступам горы громоздясь и змеясь,
Проползал караван, сладко пели звонки.

---

[1] Яр — милый. *(Прим. Блока.)*

Посреди каравана — бесценная джан,
Радость блещет в очах, подвенечный наряд...
Я — за нею, палимый тоской... Караван
Раздавил мое сердце, поверг меня в прах.

И с раздавленным сердцем, в дорожной пыли,
Я лежал одинокий, отчаянья полн...
Караван уходил, и в далекой дали
Уходящие сладостно пели звонки.

* * *

Да, я знаю всегда — есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране,
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...

* * *

Словно молньи луч, словно гром из туч,
Омрачен душой, я на бой пошел.
Словно стая туч над зубцами круч,
Милый друг сестра, брат твой в бой пошел.

А утихнет бой — не ищи меня
В удалóй толпе боевых друзей,
Ты ищи, сестра, воронá коня,
Он копытом бьет в тишине полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка
На хмельном пиру, средь товарищей,
Взвоет горный ветр, кинет горсть песка
В твоего дружка, на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
Будет слезы лить над могилою,
Не моя сестра — горевать, рыдать,
Рассыпать цветы над могилою...

* * *

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы — кудрями отрет.

* * *

В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный,
Не знает мрака и скорбей,
Поет любовь и свет прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчастный,
А над склоненной головой
Ликует жаворонок страстный!

* * *

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша.

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

Ноябрь — декабрь 1915

РЕКВИЕМ

> *Лежать и мне в земле сырой!..*
> *Другой певец по ней пройдет.*
>
> *Козлов*

Сон мой храните, возницы!
Тише влеките мой прах!
Чтоб не встряхнуть колесницы
Там, на курганных песках!..
Ветер, о чем твои муки?
Лес, что ты тяжко шумишь? —
Или, в томленьи разлуки,
Ты мне «прости» говоришь?

Ручеек! Твой поток
Быстро в роще гнет цветок!
Мой привет!.. Когда весною
Будут юных звать мечтою
Соловьи на берег твой, —
Порастет мой холм травой.

Помаленьку, шажком,
Бледным вереском, песком,
Где игра была мне в радость,
Где ребенку жизни сладость
Улыбнулась за холмом —
Помаленьку, шажком.

Чу! Точно теплой струею
Дождик бежит по щеке:

Матери сердце больное
В жгучей изныло тоске.
Матери счастье сулил я,
Радости старческих дней,
Горе взамен навалил я
На́ спину бедную ей.

Мать, постой! .. Час-другой,
Смерть придет и за тобой! ..
Там, где тишиной небесной
Насладится бестелесный,
Там мы встретимся опять —
Потерпеть недолго, мать! ..

Помаленьку, шажком
Мы до цели добредем...
Торопливо жизнь промчал я,
Второпях и путь скончал я, —
Так пора забыться сном...
Помаленьку, шажком...

Нет, не под звоны бокала,
Не на паркетном полу —
Мать моя люльку качала
В темном и дымном углу.
Слезы стекали ручьями
В полный до края сосуд;
Верными были друзьями —
Голод, да горе, да труд.

Так умри, сяк умри —
Только юностью гори;
Лишь огонь любви горящей —
Жизни свет животворящий,
Всем нам, всем судьбою дан
Мильды [1] сладостный обман.

Помаленьку, шажком,
Тихим долом и леском...

---

[1] Мильда — богиня любви в латышской мифологии. *(Прим. Блока.)*

Уж звонят с кладбища... Тише!..
Поднимайте гроб мой выше
И несите в тихий дом
Полегоньку, шажком.

Кто на пути недвижимый,
Бледный, как мрамор, застыл? —
Братец мой! Братец любимый!..
Дорог ты в мире мне был!..
Стихли сердечные боли...
Мы разлучились в пути...
Здесь уж не встретиться боле,
Выйди, скажи мне «прости».

Замкнут круг — персть мне друг,
Не ломай напрасно рук:
Пусть, борьбой суровой свален
В груду трупов и развалин,
Пал товарищ боевой, —
Всё разит и бьет живой.

Помаленьку, шажком.
Под дерновым бугорком
Не тревожьте погребенных,
Тягой жизни утомленных,
Усыпленных сладким сном...
Помаленьку, шажком.

Ветками елок — могила,
Зеленью дышит земля:
Тихая пристань укрыла
Сломленный стан корабля.
Радость и горе простыли,
Тяжкая смолкла борьба.
Да и тебя ведь к могиле
Гонит, счастливец, судьба! —

Человек про́жил век,
В ночь уходит человек...
Вот над бедною могилой
Встал другой — с живою силой
Мысль к великому стремит, —
Час настал — и он зарыт.

Полегоньку, шажком,
В тихий дом, в подземный дом, —
Пядь пути, еще мгновенье —
И навек успокоенье
Под дерновым холодком, —
Полегоньку, шажком.

Милые! Кончено с вами:
Сырость ложится на грудь;
Здесь, в этой сумрачной яме,
Горестный кончился путь.
В белый песок испарится,
Словно сугроб от лучей,
Всё, чем борец веселится, —
Мир величавый идей.

Меркнет свет, солнца нет;
Дверь скрипит за мной вослед;
С шумом персть на гроб вали́тся,
Холм песчаный громоздится...
Песня тихая сквозь сон...
Отдаленный, сонный звон —

Помаленьку — уснем —
Помаленьку — уснем...

24 ноября — 1 декабря 1915

Л. Онерва

НЕ СТРАШУСЬ

Не страшусь, пускай могила
Надо мной простерла свод;
Знаю — мощной мысли сила
Из могилы путь найдет.

Не страшусь, пусть вечер алый
Озаряет небосклон;
Тень улыбки самой малой
В книгу впишется времен.

И замолкший дух из бездны
Зазвучит издалека,
Упадая ливнем звездным
На грядущие века.

6 декабря 1915

И. Л. Рунеберг

НАШ КРАЙ [1]

Наш край, наш край, наш край родной —
О, звук, всех громче слов!

[1] Это стихотворение (вступительное к «Рассказам Фенрика Столя») стало финским национальным гимном. *(Прим. Блока.)*

Чей кряж, растущий над землей,
Чей брег, встающий над водой,
Любимей гор и берегов
Родной земли отцов?

Ступай, надменный чужевер,
Ты звону злата рад.
Наш бедный край угрюм и сер,
Но нам — узоры гор и шхер —
Отрада, слаще всех отрад,
Неоцененный клад.

Нам люб потоков наших рев,
Ручьев бегущих звон,
Однообразный шум лесов,
Прозрачность звездных вечеров,
Всё, всё, чем слух был поражен,
Чем взор бывал пленен.

Здесь с мыслью, с плугом и с мечом
Отцы ходили в бой,
Здесь ночь за ночью, день за днем
Народный дух пылал огнем —
В согласьи с доброю судьбой,
В борьбе с судьбою злой.

Кто счет народным битвам вел,
Когда всё вновь и вновь
Война неслась из дола в дол,
Мороз и глад за ним пришел, —
Кто мерил пролитую кровь,
Терпенье и любовь?

Да, здесь, вот здесь та кровь текла,
За нас текла тогда,
Душа народа здесь цвела
И тяжким вздохом изошла
В давно прошедшие года
Под бременем труда.

Здесь — наше всё, здесь — светлый рай,
Отрада наших дней!

Как рок жестокий ни пытай —
Он всё при нас, родимый край.
Что ж нам любить еще полней,
Святей и горячей?

И здесь, и там блуждает взор,
Я руку протяну —
Взгляни на радостный простор,
Вон берега, вон рябь озер,
Взгляни на всё, как я взгляну
На милую страну!

И пусть на нас прольется свет
Из тверди золотой,
Пусть станет жизнь игрой планет,
Где слез не льют, где вздохов нет,
А всё — убогий край родной
Мы помянём с тоской.

О, край, многоозерный край,
Где песням нет числа,
От бурь оплот, надежды рай,
Наш старый край, наш вечный край,
И нищета твоя светла,
Смелей, не хмурь чела!

Он расцветет, твой бедный цвет,
Стряхнув позор оков,
И нашей верности обет
Тебе дарует блеск и свет,
И наша песнь домчит свой зов
До будущих веков.

8 декабря 1915

ЛЕБЕДЬ

Июньский вечер в облаках
Пурпуровых горел,
Спокойный лебедь в тростниках
Блаженный гимн запел.

Он пел о том, как север мил,
Как даль небес ясна,
Как день об отдыхе забыл,
Всю ночь не зная сна.

Как под березой и ольхой
Свежа густая тень;
Как над прохладною волной
В заливе гаснет день.

Как счастлив, счастлив, кто найдет
Там дружбу и любовь;
Какая верность там цветет,
Рождаясь вновь и вновь.

Так от волны к волне порхал
Сей глас простой хвалы;
Подругу к сердцу он прижал
И пел над ней средь мглы:

Пусть о мечте твоей златой
Не будут знать в веках;
Но ты любил и пел весной
На северных волнах.

24 января 1916

Н. Рунеберг

МАРШ МЕРТВЕЦОВ

Упорной колонной мы строимся там,
Где гибнут живые толпáми.
Всё новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами.

Пробитая грудь, окровавленный лоб —
Так рать наша бьется из гроба,
Ее не пугают опасность и гроб,
Не трогают зависть и злоба.

Слабеет в сраженьи живая рука,
Оружие может сломаться,
А наши деянья не знают врага,
Не могут ничем запятнаться.

Да, новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами,
Победной колонной мы держимся там,
Где гибнут живые толпами.

11 декабря 1915

З. Топелиус

РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

Рабочие-други, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.
Мы мерим глубины озер и запруд,
Мы правим ремесла и пашем.
Упорным трудом
Мы ставим ей дом,
Чтоб мать не осталась на месте пустом,
В нужде не увяла,
Не стала рабой,
От нас получала
Свой хлеб и покой.
Рабочие-други, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.

Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает,
И сердца биенья мы слушаем все,
Лишь только борьба затихает.
Чтоб долг отплатить,
Добро отдарить, —
Мать в жемчуг и в золото надо рядить.
В поток полноводный
Ей любо смотреть;

Нам — жить с ней, свободной,
И с ней умереть.
Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает.

12 декабря 1915

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна,
На памяти моей встают былые времена,
Плывут сказанья в вышине, как перья облаков,
И в сердце странно и светло, печально и легко.

И звезды ясно смотрят вниз, блаженствуя в ночи,
Как будто смерти в мире нет, спокойны их лучи.
Ты понял их язык без слов? Легенда есть одна,
Я научился ей у звезд, послушай, вот она:

Далёко, на звезде одной, в величьи звезд он жил,
И на звезде другой — она, среди иных светил.
И Сала́ми звалась она, и Зулами́т был он,
И их любовь была чиста, как звездный небосклон.

Они любили на земле в минувшие года,
Но грех и горе, ночь и смерть их развели тогда.
В покое смерти крылья им прозрачные даны,
И жить на разных двух звезда́х они осуждены.

Сны друг о друге в голубой пустыне снились им,
Меж ними — солнечный простор сиял, неизмерим;
Неисчислимые миры, созданье рук творца,
Горели между ним и ей в сияньи без конца.

И Зуламит в вечерний час, сжигаемый тоской,
От мира к миру кинуть мост задумал световой;
И Салами в тоске, как он, — и стала строить мост
От берега своей звезды — к нему, чрез бездну звезд.

С горячей верой сотни лет упорный длится труд,
И вот сияет Млечный Путь, и звездный мост сомкнут;

Весь охватив небесный свод, в зенит уходит он,
И берег с берегом другим теперь соединен.

И херувимов страх объял; они к творцу летят:
«О, господи, что́ Салами и Зуламит творят!»
Но всемогущий им в ответ улыбкой просиял:
«Я не хочу крушить того, что жар любви сковал».

А Салами и Зуламит, едва окончен мост,
Спешат в объятия любви, — светлейшая из звезд,
Куда ни ступят, заблестит на радостном пути,
Так после долгих бед душа готова вновь цвести.

И всё, что радостью любви горело на земле,
Что горем, смертью и грехом разлучено во мгле, —
От мира к миру кинуть мост, — пусть только сил найдет,
Верь, обретет свою любовь, его тоска пройдет.

24 января 1916

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В КАНГАСАЛА[1]

Качаюсь на верхней ветке
И вижу с высоких гор,
Насколько хватает зренья,
Сиянье синих озер.
В заливах Лэнгельмэнвеси
Блестит полоса, как сталь,
И нежные волны Ройнэ,
Целуясь, уходят вдаль.

Ясна, как совесть ребенка,
Как небо в детстве, синя́,
Волнуется Весиэрви
В ласкающем свете дня.
На лоне ее широком
Цветущие острова:

[1] Из «Песен Птички» («Silvias visor»). — *Кангасала* — в Тавастгусской губ. (недалеко от Таммерфорса). — В тексте — названия озер, которые видны с горы Харьюла. *(Прим. Блока.)*

Как мысли зеленой природы,
Их нежит волн синева.

Но сосны сумрачным кругом
Обстали берег крутой,
На резвую детскую пляску
Так смотрит мудрец седой.
Созревшие нивы клонят
Лицо к озерным зыбям,
Цветы луговые дышат
Навстречу летним ветрам.

Финляндия, как печален,
А всё красив твой простор!
И златом и сталью блещет
Вода голубых озер!
Звучит и печаль и радость
В напевах финской струны,
И в мерном качаньи песен —
Игра зыбучей волны.

Я — только слабая птичка,
Малы́ у меня крыла,
Была б я орлом могучим
И к небу взлететь могла —
Летела бы выше, выше,
К престолу бога-отца,
К ногам его припадая,
Молила бы так творца:

Могучий владыка неба,
Молитве птички внемли:
Ты создал дивное небо!
Ты создал прелесть земли!
Сиять родимым озерам
В огне любви нашей дай!
Учи нас, великий боже,
Учи нас любить наш край!

3 февраля 1916

ЗЕМЛЯ ЕСМЬ

Мечтать о небесном царстве
Не надо душе моей,
Вон жаворонок трепещет —
Его крыло мне милей,
След ва́льдшнепа на пригорке,
И солнечный луч в траве —
Всё, всё, что звенит и блещет
И радуется земле.

Найду ль в неизвестном небе
Замену земных отрад?
Земля пробудила к жизни,
Земля возвратит назад,
В тот угол любимой персти,
Где отдых узнаю я.
Траве и светлой былинке —
Родная душа моя.

Душа — родная пылинке
На крылышках мотылька,
Росе прозрачной и чистой
В раскрытой чаше цветка.
Мечусь я с мятежным ветром,
С печальной птицей кричу.
Земля я, я — персть земная,
И в персть отойти хочу.

24 января 1916

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ПРЕДИСЛОВИЕ К СОБРАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ

Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы;* из нескольких глав составляется *книга;* каждая книга есть часть *трилогии;* всю трилогию я могу назвать «романом в стихах»: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни.

9 января 1911

2. ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «СТИХОВ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

Эта книга, в противоположность двум следующим, написана в одиночестве; здесь деревенское преобладает над городским; всё внимание направлено на знаки, которые природа щедро давала слушавшим ее с верой; такая «однострунность» души позволила мне расположить все стихотворения первой книги в строго хронологическом порядке; здесь главы определяются годами, в следующих книгах — понятиями; но эти числа и слова для меня одинаково живые и законченные образы.

Четвертая глава (1901 год) имеет первенствующее значение как для первой книги, так и для всей трилогии; она впервые освещает смутные искания трех вступительных глав; она же есть тот «магический кристалл», сквозь который я различил впервые, хотя

и «неясно», всю даль «свободную романа». — Сознательно избегая переделки ранних стихов, я довольствовался редкими внешними поправками, чаще — сокращая или восстановляя первые чтения, стараясь хранить верность духу тех лет. — Точно указано время и место писания под стихотворениями, которые я хочу подчеркнуть.

Книга во втором издании увеличена втрое; напечатанное в ней составляет, однако, меньше половины всего написанного в это время.

<Январь 1911>

3. НАБРОСОК ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ ИЗДАНИЮ «СТИХОВ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

Эта книга, вначале обратившая на себя внимание небольшого кружка людей, умевших читать между строк, с течением времени стала, повидимому, достоянием читателей моих позднейших стихов. Более совершенные по форме и более занимательные по содержанию, они повлекли за собою это бедное дитя моей юности. «Стихи о Прекрасной Даме» дали плохой урок некоторым молодым поэтам, потому что технически книга очень слаба. Они дали повод для критических острот. Потом критика приняла их, истолковав совершенно превратно. До сих пор я встречаюсь иногда с рассуждениями о «превращении» образа Прекрасной Дамы в образы следующих моих книг: Незнакомки, Снежной маски, России и т. д. Как будто превращение одного образа в другой есть дело простое и естественное! И главное, как будто сущность, обладающая самостоятельным бытием, может превратиться в призрак, в образ, в идею, в мечту!

Каждое новое издание книги давало мне повод перерабатывать ее; при первых переработках я имел в виду как можно шире раскрыть ее содержание; при последующих — я много заботился о стихотворной технике; все эти работы, однако, не удовлетворяли меня. В первом случае я терялся в груде матерьяла; во втором — я заменял отдельные выражения другими, более ловкими с точки зрения литературной, в ущерб основному смыслу. И я чувствовал себя заблудившимся в лесу собственного прошлого, пока мне не пришло в голову воспользоваться приемом Данте, который он избрал, когда писал «Новую Жизнь».

Испрашивая помощи и тихих советов у Той, о Которой написана

эта книга, я хочу, чтобы мне удалось дописать ее такими простыми словами, которые помогли бы понять ее единственно нужное содержание другим.

15 августа 1918

4. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
⟨К СБОРНИКУ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»⟩

Нечаянная Радость — это мой образ грядущего мира. В семи отделах я раскрываю семь стран души моей книги.

Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать «прощай» зиме, кувыркаться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они — добродушные и бессловесные твари, — привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир — балаган, позорище.

Она осталась бы такою, если бы не тревожили людские обители — города. Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи — снежные королевы — влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слушали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти.

И молчаливая девушка за узким окном всю ночь ткет мне мой Перстень-Страданье; ее работа рождает во мне тихие песни отчаянья, песни Покорности.

Но над миром, где всегда дует ветер, где ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза, — Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотою короной лесов упирается в синее небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря, и как свободна душа. Нечаянная Радость близка. Она смотрит в глаза мне очами синими, бездонными и незнакомыми, как очи королевы Ночной Фиалки, которая молчит и прядет. И я смотрю на нее, но вижу ее как бы во сне. Между нами нет ничего неразгаданного, но мы всё еще незнакомы друг другу.

Мир, окружающий меня, также смотрит в еще незнакомые очи Нечаянной Радости. И Она смотрит в очи ему. Но они уже знают о скорой встрече — лицом к лицу.

Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли.

Август 1906

5. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
(К СБОРНИКУ «ЗЕМЛЯ В СНЕГУ»)

Зачем в наш стройный круг ты ворвалась,
комета?

Л. Б[лок]

Когда средь сонма звезд, размеренно
и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета пролетит неправильной чертой,
Недосозда́нная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама, и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем. . .

Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии? . . Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою посланa̍,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

Ап. Григорьев. 1843

План третьей книги моих стихов — неизбежная драматическая последовательность жизни.

«Стихи о Прекрасной Даме» — ранняя утренняя заря — те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. Одиночество, мгла, тишина — закрытая книга бытия, которая пленяет недоступностью, дразнит странным узором непонятных страниц. Там всё будущее — за семью печатями. В утренней мгле сквозит уже Чародейный, Единый Лик, который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни. Может быть, скоро уже Он явится мне опять, и тогда пойму, что перегнулась линия жизни и близится закат. Но — мимо! Опять в слепоту и хмель, во мрак и тревогу безумно торопят меня восторги жадной жизни.

«Нечаянная Радость» — первые жгучие и горестные восторги — первые страницы книги бытия. Чаши отравленного вина, полувоплощенные сны. С неумолимой логикой падает с глаз пелена, неумолимые черты безумного уродства терзают прекрасное лицо. Но в буйном восторге душа поет славу новым чарам и новым разуверениям; ей ведомы новые отравы, новый хмель. Готовая умереть, она чудесно возрождается; готовая к полету, срывается в пропасть — и плачет, и плачет на дне. Израненная — поет. Избитая — кричит. Истоптанная — возносится к прозрачной синеве. Надтреснутый колокол мерно качается и поет серебряным голосом, пока не сорвется в пропасть: восторгов мира не избыть, влюбленность, как феникс, возникает из пепла, — новые пиры празднует природа там, где вчера

еще пахло гарью, и вспугнутые птицы взлетали и метались, жалобно крича, над смрадно дымящейся землей.

Кто посмеет сказать: «Не до́лжно. Остановись»? Так я живу, так я хочу. Не променяю моих восторженных и черных дней, моей мещанской лени, моего вечного праздника на вашу здравость и глубину, на ваши жемчужные зори. Не по чуждой воле погибну, не по чуждой восстану. Я вопрошаю словами поэта:

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это всё? Еще душа пылает, —
Попрежнему готова мир обнять...
Напрасный жар — никто не отвечает!
Воскреснут звуки — и замрут опять...

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес:
В ланитах кровь и в сердце вдохновенье...
Прочь этот сон — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем, —
Что́ жизнь и смерть! .. — А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет! И плачет, уходя!

И вот *Земля в снегу*. Плод горестных восторгов, чаша горького вина. Когда безумец потерял дорогу, — уж не вы ли укажете ему путь? Не принимаю — идите своими путями. Я знаю сам страны света, звуки сердца, лесные тропинки, глухие овраги, огни в избах моей родины, яркие очи моей спутницы.

Что из того, что Судьба, как цирковая наездница, вырвалась из тусклых мерцаний кулис и лихой скакун ее, ослепленный потоками света, ревом человечьих голосов, щелканьем бичей, понесся вокруг арены, задевая копытами парапет? И вот Судьба — легкая наездница в прозрачной тунике, вся розовая, трепетно стыдливая на арене, нагло бесстыдная в страсти, хлестнула невзначай извилистым бичом жалкого клоуна, который ломается на глазах амфитеатра, — хлестнула прямо в белый блин лица. В душе у клоуна — пожар смеха, отчаянья и страсти. Из-под красных треугольных бровей

льется кровь — оттого и не видно дороги. Идет, пошатываясь и балагуря, — но не протягивайте рук и не спасайте.

Далеко в потемках светит огромный факел влюбленной души. Если с ним заблужусь, то уж некому спасти, ибо сама Судьба превратила эту пышность, этот неизбывный восторг, эту ясную совесть, эту радостную тоску — в ничто. И я протяну к ней руки, я поклонюсь ей в ноги, — будь Она в образе цирковой наездницы в ажурных чулках с голубыми стрелками, с тонким и оскорбительным бичом, с глазами пленительной мещанки, сияющими лишь по привычке всегда сиять, до гроба сиять.

Так развертывается жизнь. Так, всему изумляясь, ни о чем не сожалея, страдной тропою проходит душа. Расступитесь. Вот здесь вы живете, вот в этих пыльных домиках качаете детей и трудитесь, вот здесь воскресным вечером, в желтой летней пыли щелкаете орешки, лущите подсолнухи, покупаете зеркальце на уличном лотке, чтобы стать краше и нравиться милому. Но издали идет к вам вольная, дерзкая, наглая цыганка с шафранным лицом, с бездонной страстью в черных очах. Медленно идет, гуляя, отдыхая, от одной страстной ночи к другой. В черных волосах бренчат желтые монеты, запылен красно-желтый платок. Вам до́лжно встать, и дать ей дорогу, и тихо поклониться.

Кто захочет понять — пусть поймет неумолимую логику этих мало словесных книг. Кто захочет больше — поверить, пусть верит, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайная равнина — изначальная родина, может быть, сама Россия. И снега, затемняющие сияние Единой Звезды, улягутся. И снега, застилающие землю — перед весной. Пока же снег слепит очи и холод, сковывая душу, заграждает пути, издали доносится одинокая песня Коробейника: победно-грустный, призывный напев, разносимый вьюгой:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча!

Выди, выди в рожь высокую,
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу!

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они!
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани. . .

Март 1908

6. ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»

«Нечаянная Радость» — переходная книга: еще не отзвучали «Стихи о Прекрасной Даме», а уже основной отдел («Магическое») связан со «Снежной Ночью». Взглянувший на даты книги поймет, почему она отличается всеми свойствами переходного времени.

<1912>

7. ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К СБОРНИКУ «СНЕЖНАЯ НОЧЬ»

Северные ночи длинны, синева их изменчива, видения их многообразны. Северный художник поневоле предпочитает бесцветному дню — многоцветную снежную ночь. Называя ее именем последнюю книгу моего нынешнего собрания стихотворений, я хотел бы, чтобы читатели вместе со мною видели в ней не одни глухие ночные часы, но и приготовление к ночи — свет последних закатов — и ее медленную убыль — первые сумерки утра.

<1912>

1. ПЛАНЫ ПОЭМЫ

24 февраля <1911>

У моего героя не было событий в жизни. Он жил с родными тихой жизнью в победоносцевском периоде. С детства он молчал, и всё сильнее в нем накоплялось волнение беспокойное и неопределенное. Между тем близилась Цусима и кровавые зори 9 января. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. Всё разрастающиеся события были для него только образами развертывающегося хаоса. Скоро волнение его нашло себе русло: он попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова «революция», «мятеж», «анархия», «безумие». Здесь были красивые женщины «с вечно смятой розой на груди» — с приподнятой головой и приоткрытыми губами. Вино лилось рекой. Каждый «безумствовал», каждый хотел разрушить семью, домашний очаг — свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в то неопределенно-бурное миросозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что всё понимает. Однажды с совершенно пустой головой, легкий, беспечный, но уже с таящимся в душе протестом против своего бесцельного и губительного существования, вбежал он на лестницу своего дома.

На столе лежало два письма: одно — надушенное, безграмотное и страстное... Потом он распечатал второе. Здесь его извещали кратко, что отец его находится при смерти в варшавской больнице.

Оставив всё, он бросился в Варшаву. Одиночество в вагоне. «Жандармы, рельсы, фонари»... Первые впечатления Варшавы.

21 февраля 1913

Пролог (Жизнь без начала и конца).

Глава I. Петербург конца 70-х годов. Турецкая война и 1 марта. Это — фон. Семья и появление в ней «демона». Скучая, увозит молодую жену в Варшаву. Через год она возвращается: «бледна, измучена, ребенок золотокудрый на руках».

Глава II. Петербург 90-х годов. Царь. Тройки, вдова Клико. Воспитание сына у матери. Юность, видения, весенний пыл, роман (еще удачливый). *Первая мазурка.* Приближение революции, весть о приближающейся кончине отца.

Глава III. Приезд в Варшаву. Смерть отца. Тоска, мороз, ночь. *Вторая мазурка.* «Ее» появление. Зачат сын.

Глава IV. Возвращение в Петербург. Красные зори, черные ночи. Гибель его (уже неудачливый). Баррикада.

Эпилог. *Третья мазурка.* Где-то в *бедной* комнате, в каком-то городе растет мальчик.

Два лейтмотива: один — жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой — мазурка.

---

21 IX 1913

Дед светел. В семью является демон, чтобы родить сына (первый «отбор»).

Детство и юность сына. Розовый туман, пар над лугами. *Любовь.* Опять война — и за нею революция. Встреча — как рыцарь, закованный в броню — лица не видно. Безумие холодной страсти, так и нет лица. Утром — записка: «смертельно болен ваш отец».

Вся тоска — только для встречи с «простой». Всё лицо, пленительное всё. Зачатие сына (последний отбор, что сулит?).

Октябрь 1913

В 70-х годах жизнь идет *«ровно»* (сравнительно. Лейтмотив — пехота). Это оттого, что деды *верят в дело.* Есть незыблемое основание, почва под ногами. Уже кругом — 1 марта. И вот — предвестием входит в семью «демон».

...Но уже на всё это глядят чьи-то *холодные* глаза. В дружной семье появляется «странный незнакомец»...

...И ребенка окружили всеми заботами, всем теплом, которое еще осталось в семье, где дети выросли и смотрят прочь, а старики уже болеют, становятся равнодушнее, друзей не так много, и друзья уже не те — свободолюбивые, пламенные. Теперь — апухтинская нотка.

Уж Александр Второй в могиле.
На троне — новый Александр.

Семья, идущая как бы на убыль, старикам суждено окончить дни в глуши победоносцевского периода. Теперь уже то, что растет, — растет не по-ихнему, они этого не видят, им виден только мрак. Тут и начинается: золотое детство, елка, дворянское баловство, няня, Пушкин (опять и опять!), потом — гимназия — сначала утра при лампе, потом великопостные сумерки с трескающимся льдом и ветром. Петербург рождается новый, напророченный «обскурантом» Достоевским.

Пускай, наконец, «герой» воплотится. Пусть его зовут *Дмитрием* (как хотели назвать меня).

ПЛАН ПЕРВОЙ ЧАСТИ
(1878—1879)

Чему радуется Петербург? Солнечный сентябрь 1878. Войска наши возвращаются от стен Цареграда. Их держали в карантине, довезли до Александровской станции и теперь по одному полку в день вводят в город по шоссе от Пулкова. Трибуны у Московской заставы, там императрица и двор. Народ по всему пути. Из окон летят цветы и папиросы на «серые груди». Идут усталые и разреженные полки. У командиров полков, батальонов — всюду цветы, на седле, на лошадиной челке. У *каждого* солдата — букет цветов на штыке. Тяжелая, усталая пехота идет через весь город — по Забалканскому, Гороховой, Морской... Адреса, речи. Гренадеры, бывшие у Московской заставы утром, дошли до казарм только в 6-м часу.

За ними Плевна, Шипка, Горный Дубняк. Шапки и темляки будут украшены. Но за ними еще — голод, лохмотья, спотыканье по снегу на Балканах, кровь, холод, смерть, хуже смерти — воровство интендантов.

В этой поэме я хочу указать на пропасть между общественным и личным, пропасть, которая становится всё глубже.[1]

---

10 октября <1911> на рассвете

Начало — на рубеже 70—80-х годов. Прекрасная семья. Гостеприимство — стародворянское, думы — светлые, чувства — простые и строгие.

Реформы отшумели. Ещи жива память об измене Каткова. Рядом «злится» Щедрин. Достоевский — обскурант.

Всё заволакивается. 1-е марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова. Около этого времени в семье появляется черная птица: молодой мрачный (Байронист) — предвестие индивидуализма, неудачник Александр Львович Блок. Приготовляется индивидуализм, это значит старинное «общественное» (миродержание) отпускается с миром, просыпается и готов зашуметь *народ.*

Вся суть в том, что *прелесть* той семьи так заметна, потому что все тогдашние прекрасные передовые русские люди носили в себе *мир* — при всеобщем сне. То были *герои* еще (дракон, спящая царевна). То, что кажется *«наивным»* теперь, тогда не было наивно, но было сораспятием. Профессор лучших времен Петербургского университета был тем самым общественным деятелем, он *берег Россию.* То, что Щедрин говорит о современных ему урядниках и полицейских («Современная идиллия») — верно, не шарж. Тогда и казалось, что есть и было на самом деле только две силы: сила тупой и темной «византийской» реакции — и сила светлая — русский либерализм. Единицы держат Россию, составляя «общественное мнение». —

Ну, а «Народная Воля»?

Итак, — священен кабинет деда, где вечером и ночью совещаются общественные деятели, конспирируют, разрешают самые общие политические вопросы (а в университете их тем временем разрешают, как всегда, студенты), — а утром маленький внук, будущий индивидуалист, пачкает и рвет «Жизнь животных» Брэма, и няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день:

Гроб качается хрустальный...
— Спит царевна мертвым сном.

---

[1] Последний абзац перечеркнут в рукописи знаком вопроса. — *Ред.*

Внук читает с няней в дедушкином кабинете (Кот Мурлыка, Андерсен, Топелиус), а на другом конце квартиры веселится молодежь. Молодая мать, тройки, разношерстные молодые люди — и кудлатые студенты, и молодые военные (Милютинская закваска), апухтинское: вечера и ночи, ребенок не замешан, спит в кроватке, чисто и тепло, а на улице — уютный, толстый снег, шампанское для молодости еще беспечной, не «раздвоенной», ничем не отравленной, по-старинному веселой. Еще всё дешево — и ямщицкий начай, и кабинет, и вдова Клико (кажется, в то время).

Весна 1911

Семья начинает тяготить. И вот — его уже томит новое. Когда говеет гимназистом — синяя весна, сумерки, ладан, и лед звездится на лужах. Скоро мы встречаем его уже в обществе другом. Еврейка. Неутомимость и тяжелый плен страстей.

Вино.

На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на погибель, они беспокоят и губят своих, но они — *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они — последние. В них всё замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа — ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей.

Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они любимцы, баловни, если не судьбы, то семьи. Они всегда «демоничны». Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они — едкая соль земли. *И они — предвестники лучшего.*

<1911>

После *«А мир прекрасен, как всегда»*.

Я стою ночью у решотки Саксонского сада и слышу завывание ветра, звон шпор и храп коня. Скоро всё сливается и вырастает в определенную музыку. Над Варшавой порхают боевые звуки — легкая мазурка.

Цынцырны — цынцырны — цынцырны — цыцы.

— — — — — — — — — — — —

И пахнет клевером с берегов Немана. Что за чудеса? Я замерзаю и слышу во сне райские звуки. Меня пробуждает...

ПЛАН ДАЛЬНЕЙШЕГО

<Январь 1911>

Бесконечно прав тот, кто опускает руки, кто отказывается от поверхностных радостей жизни.

Сын спускался по Краковскому предместью, в том самом месте .....

9-я глава: человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Всё так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир. Также и «страна под бременем обид»...

2. НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

24 января 1921

К чему мечтою беспокойной
Опережать событий строй?
Зачем в порядок мира стройный
Вводить свой голос бредовой?
В твои ..... сцепленные зубы,
Пегас, протисну удила,
И если ты, заслышав трубы,
На звук помчишься, как стрела,
Тебе исполосую спину
Моим узорчатым хлыстом,
Тебя я навзничь опрокину,
Рот окровавив мундштуком,
И встанешь ты, дрожа всем телом,
Дымясь, кося свой умный глаз
На победителя .....
Смирителя твоих проказ...
Пойдешь туда, куда мне надо,
Грызя и пеня удила,
Пока вечерняя прохлада
Меня на отдых отвела...
Смирись, и воле человека
Покорствуй, буйная мечта...

Сошли туман и темнота.
Настал блаженный вечер века.
Кончался век, не разрешив
Своих мучительных загадок,
Грозу и бурю затаив
Среди широких ..... складок
Туманного плаща времен.
Зарыты в землю бунтари,
Их голос заглушен на время.
Вооруженный мир как бремя
Несут безропотно цари.
И Крупп, несущий мир всем странам,
(Священный) страж святых могил,
Полнеба чадом и туманом
Над всей Европой закоптил.
. . . .
И в русской хате деревенской
Сверчок, как прежде, затрещал.

В то время земли пустовали
Дворянские — и маклаки
Их за бесценок продавали,
Но на́чисто свели лески.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий .....
За грош купили угол рая
Неподалеку от Москвы.
Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Какая тишина царит.

Навстречу тройке запыленной
Старуха вышла на крыльцо,
От солнца заслонив лицо
(Раздался листьев шелест сонный),
Бастыльник покачнув крылом,
Коляска подкатилась к дому,

И сразу стало всё знакомо,
Как будто длилось много лет, —
И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно.
Ключом старинным дом открыли
(Ребенка внес туда старик)
И тишины не возмутили
Собачий лай и детский крик.
Они умолкли — слышно стало
Жужжанье мухи на окне,
И муха биться перестала,
И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.
Да звук какой-то заглушенный —
Звук той же самой тишины,
Иль звон церковный, отдаленный,
Иль гул (неконченной) весны,
И потянулись вслед за звуком
(Который новый мир принес)
Отец, и мать, и дочка с внуком,
И ласковый дворовый пес...

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея,
Где обвелась .....
Усадьба чья-то и ничья.
И по холмам, и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи
Бегут, сбегаются к овинам
Темнозеленые межи,
Стада белеют, серебрятся
Далекой речки рукава,
Телеги .... катятся

В пыли, и видная едва
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...
И всей весенней красотою
Сияет русская земля...

Здесь кудри внука золотые
Ласкало солнце, здесь...
. . . .
Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни огражден,
Летели годы безмятежно,
Как голубой весенний сон
И жизни (редкие) уродства
(Которых нельзя было не заметить)
Возбуждали удивление и не нарушали благородства
И строй возвышенный души.

Уж осень, хлеб обмолотили,
И, к стенке прислонив цепы,
Рязанцы к веялке сложили
(Уже последние снопы).
Потом зерно в мешки ссыпают,
Белеющие от муки,
В телегу валят, и сажают
Наверх ребенка на мешки.
Мешков с десяток по три меры
Везет с гумна в амбар шажком
Почти тридцатилетний серый,
За ним — рязанцы вшестером,
Приказчик, бабушка с плетеной
Своей корзинкой для грибов —
Следят, чтоб внук неугомонный
Не соскользнул ..... с мешков.
А внук сидит, гордясь немного,
Что можно править самому,
И по гумну на двор дорога
Предлинной кажется ему.

В деревне жили только летом,
А с наступленьем холодов...

(Пред ним встают) идей Платона
Великолепные миры.

И гимназистам, не забывшим
Про единицы и нули,
Профессор врет: «Вы — соль земли!»

Семь лет гимназии толстовской,
Латынь и греки . . . . .

Растет, растет его волненье,
. . . . отчего
Уже туманное виденье
В ночи́ преследует его,
Он виснет над туманной бездной,
И в пропасть падает во сне,
Ему призывы тверди звездной
В ночной понятны тишине,
Его манят заката розы,
Его восторгу нет конца,
Когда . . . . . грозы. . .

И под палящим солнцем дня
. . . . на коня,
Высокий белый конь, почуя
Прикосновение хлыста,
Уже волнуясь и танцуя,
Его выносит в ворота.
Стремян поскрипывают . . . . .
Позвякивают удила,
Встречает жадными глазами
Мир, зримый с высоты седла.

Пропадая на целые дни — до заката, он очерчивает всё большие и большие круги вокруг родной усадьбы. Всё новые долины, болота и рощи, за болотами опять холмы, и со всех холмов, то в большем, то в меньшем удалении — высокая ель на гумне и шатер серебристого тополя над домом.

Он проезжает деревни, сначала ближние, потом — незнакомые. Молодухи и девки у колодца. Зачерпнула воды, наклонилась, надевает ведра на коромысло, слышит топот коня, заслонилась от солнца, взглянула и засмеялась — блеснули глаза и зубы — и отвернулась, и пошла плавно прочь. Он смотрит вслед, как она качает

стан, и долго ничего не видит, кроме этих смеющихся зубов, и поднимает лошадь в галоп. Она переходит в карьер, он летит без оглядки, солнце палит, и ветер свистит в ушах, уже вся деревня промелькнула мимо — последние сараи, конопля, поля ржаные, голубые полоски льна, — опять перелесок, он остановил лошадь, она пошла шагом, тень, колеи, корни, из-за стволов старых смотрит большая заросль белой серебрянки, как дым, как видение.

Долго он объезжал окрестные холмы и поля, и уже давно его внимание было привлечено зубчатой полосой леса на гребне холма на горизонте. Под этой полосой, на крутом спуске с холма, лежала деревня. Он поехал туда *весной,* и уже солнце было на закате, когда он въехал в старую березовую рощу под холмом. Косые лучи заката — облака окрасились в пурпур, видение средневековой твердыни. Он минует деревню и подъезжает к лесу, едет шагом мимо него, вдруг — дорожка в лесу, он сворачивает, заставляя лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная незнакомая даль, а сбоку — фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблони — он перестает быть мальчиком.

Январь и май — июль 1921

3. ЧАСТЬ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ, ОПУЩЕННАЯ В ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ

После стиха 316-го («Он видит „Горе от ума"») во второй редакции поэмы имеются два следующих лирических отступления:

Тебе, читатель, надоело,
Что я тяну вступленья нить,
Но знай — иду я к цели смело,
Чтоб истину установить.
Кто б ни был ты, — среди обедов,
Или храня служебный пыл,
Ты, может быть, совсем забыл,
Что жил чиновник Грибоедов,
Что службы долг не помешал
Ему увидеть в сне тревожном
Бред Чацкого о невозможном,
И Фамусова шумный бал,
И Лизы пухленькие губки...
И — завершенье всех чудес —

Ты, Софья... Вестница небес,
Или бесенок мелкий в юбке?..
Я слышу возмущенный крик:
«Кто ж Грибоедова не знает?»
— Вы, вы! — Довольно. Умолкает
Мой сатирический язык, —
Читали вы «Мильон терзаний»,
Смотрели «Горе от ума»...
В умах — всё сон полусознаний,
В сердцах — всё та же полутьма...
«Твой Врубель — кто?» — отвсюду разом
Кричат... Кто Врубель? — На, лови!..
(О, господи, благослови...)
Он был... печерским богомазом.
Пожалуй, так собьюсь с пути —
Всё объясняю, да толкую...
Ты пропусти главу — другую,
А впрочем... (бог тебе прости)
Хоть всю поэму пропусти.

С тобою связь я стал терять,
Читатель, уходя в раздумья,
Я голосу благоразумья
Давно уж перестал внимать...
Передо мной открылись бездны..
И вдруг — припоминаю я:
Что, если ты — колпак уездный,
Иль, скажем, ревностный судья?.
Иль даже — чином много выше?
Я твой не оскорблю устав:
С пучком своих четверостиший
На землю вновь лечу стремглав...
Эй, шибче! Пользуясь моментом
(Чтоб ты меня не обзывал
«Кривлякою» и «декадентом»),
Зову тебя к себе на бал!
Знакомьтесь: девушка из скромных —
Приличия не оскорбит,
Застенчивость, и даже стыд,
Горят во взорах Музы томных,
С ней смело танец начинай...

А если ты отец семейства, —
Эй! Муза! чур, без чародейства,
Кокетничай, да меру знай!
Читатель! Веселее! С богом!
Не раскисай хоть на балу!
Не то опять высоким слогом
Я придушу тебя в углу!
Она — ты думал — неуклюжа,
И неречиста, и скучна?
Нет, погоди, мой друг! Она
Сведет с ума любого мужа,
Заставит дуться многих жен,
Пройдясь с тобой в мазурке польской,
Сверкнув тебе улыбкой скользкой...
(А ты, поди, — уже влюблен!)
«Я вас люблю — и вы поверьте!»
(Мой бог! Когда от скромных дев
Вы этот слышали запев?)
Смотри! Завéртит — хоть до смерти,
Сдавайся! С Музою моей
Ты ждал не этого, признаться?
И вдруг — так страшно запыхаться?..
Приляг же, отдохни скорей,
И больше не читай поэмы!
Негодница! Что скажет свет?
Подсовывать такие темы
Читателю почтенных лет?
Прочь с глаз! С такими я не знаюсь!
Ступай, откудова пришла! —
Тебя плясунья провела,
Читатель! Так и быть, признаюсь:
Повеселить тебя я рад,
Ища с плясуньями союза,
Но у меня — другая Муза,
А эту — взял я напрокат.

31 января 1911

4. НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Так у решотки сада длинной
Стоит и мерзнет мой герой...

Всё строже, громче вьюги вой
Над этой площадью пустынной,
Встает метель, идет метель,
Взрывает снежную постель,
И в нем тоску сменяет нега,
В его глазах стоит туман,
И столбики и струйки снега
(Вдруг) разрастаются в буран,
Свист меж нагих кустов садовых,
Железный гром с далеких крыш,
И сладость чувств — летишь, летишь
В объятьях холода свинцовых...
Вдруг — бешеная голова
Коня с мохнатой белой гривой,
И седоусый, горделивый
Пан, разметавший рукава,
Как два крыла над непогодой
(Он шпорит дикого коня,
Его глаза, как угли, алы)
. . . . свободой.
Из-под копыт, уж занесенных
Над обреченной головой,
Из-под удил коня, вспененных,
Из снежной тучи буревой
Встает виденье девы юной,
Всё — ..... всё — нежность, всё — призыв,
И голос — точно рокот струнный.

Простая девушка пред ним...

Как называть тебя? — Мария.
Откуда родом ты? — С Карпат.

— Мне жить надоело. — Я тебя не оставлю. Ты умрешь со мной. Ты одинок? — Да, одинок. — Я зарою тебя там, где никто не узнает, и поставлю крест, и весной над тобой расцветет клевер.

Мария, нежная Мария,
Мне жизнь постыла и пуста!
Зачем змеятся молодые
И нежные твои уста?
Какою .... думой...

— Будь веселей, мой гость угрюмый,
Тоска минует без следа.

— Где мы? — Мы далеко, в предместьи,
Здесь нет почти жилых домов.
Скажи, ты думал о невесте?
— Нет, у меня невесты нет. —
Скажи, ты о жене скучаешь?
— Нет, нет, Мария, не о ней.

Она с улыбкой открывает
Ему объятия свои,
И всё, что было, отступает
И исчезает (в забытьи).

И он умирает в ее объятиях. Все неясные порывы, невоплощенные мысли, воля к подвигу, <никогда>[1] не совершенному, растворяются на груди этой женщины.

Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того.....
Того, что должен был свершить

Май — июль 1921

---

[1] Зачеркнуто в рукописи. — *Ред.*

ИЗ ЗАПИСКИ О «ДВЕНАДЦАТИ»

...В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией; например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря, — легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней! — Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики.

Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая по-

литика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит всё остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому «Двенадцать» прочтут когда-нибудь в не наши времена. Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией; но — не будем сейчас брать на себя решительного суда.

1 апреля 1920

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

В основу настоящего сборника положены три книги «Стихотворений» Александра Блока в их последних изданиях, осуществленных по плану автора («книга первая» в пятом издании 1922 г., «книга вторая» в четвертом издании 1918 г., «книга третья» в третьем издании 1921 г.). Сохраняя закрепленную волей автора структуру этих трех книг, все их разделы и циклы, данный сборник не вполне совпадает с ними по составу.

Имея в виду сосредоточить здесь лучшие, наиболее совершенные в художественном отношении произведения Блока, мы опустили некоторое количество стихотворений (преимущественно юношеских), введенных поэтом в состав его трехтомника. Сокращение коснулось главным образом «первой книги» (109 стихотворений) и лишь в самой незначительной степени — «второй книги» (14 стихотворений); «книга третья» осталась неприкосновенной.

Вместе с тем, руководствуясь принятым критерием, мы пополнили данный сборник, сравнительно с трехтомником, некоторыми стихотворениями, относящимися к тому же периоду (1898—1916 гг.). В подавляющем большинстве эти стихи были опубликованы Блоком в повременной печати или в его отдельных сборниках, но не вошли в последние издания трех книг «Стихотворений». Из них стихи юношеских лет (1898—1903) введены в разделы «Ante Lucem», «Стихи о Прекрасной Даме» и «Распутья», где материал расположен в строго хронологической последовательности. Стихи более позднего времени распределены соответственно по разделам «Разные стихотворения» в «книге второй» и в «книге третьей». Таким образом, структурная целостность разделов и циклов, установленных Блоком для собрания его лирики, осталась ненарушенной.

Следующие разделы настоящего сборника составляют произведения, не входившие в состав трехтомника: поэма «Возмездие»; поэма «Двенадцать» и тесно примыкающее к ней стихотворение «Скифы»; стихи, написанные в последние годы жизни поэта (1918—1921) и, наконец, избранные стихотворные переводы, выполненные Блоком.

В разделе «Приложения» сосредоточены некоторые ценные материалы, имеющие непосредственное отношение к художественным произведениям Блока: написанные им предисловия и примечания к различным сборникам стихотворений; планы поэмы «Возмездие» и незавершенные наброски продолжения ее; извлечение из «Записки о „Двенадцати"».

Все произведения, опубликованные Блоком, печатаются в окончательных редакциях, по тексту последних публикаций, корректуру которых держал автор, — с проверкой и отдельными исправлениями по беловым и черновым рукописям (фонд Блока в Рукописном отделении Института русской литературы Академии наук СССР). Произведения, при жизни Блока не опубликованные, печатаются по рукописям.

Текст воспроизводится с учетом некоторых своеобразных особенностей орфографии и пунктуации Блока, на соблюдении которых он настаивал решительно. «Корректора и издатели, имеющие уважение к слову, — писал Блок, — должны знать, что существует *математика слова* (как математика всех других искусств), особенно — *в стихах*. Поэтому менять их по собственному вдохновению, каковы бы они, с их точки зрения, ни были, — по меньшей мере некультурно».

Так, например, Блок всегда писал «троттуар», применял в разных случаях различные начертания одного и того же слова (мятели и метели, желтый и жолтый, решетка и решотка) и требовал обязательного и самого строгого соблюдения такого рода различий, оставив на сей счет прямые указания в корректурах своих книг.

Желанием соблюсти волю автора объясняются также и некоторые расхождения пунктуации, сохраненной в текстах Блока, с действующими ныне правилами. Для этого есть, конечно, тем больше оснований, что пунктуация в стихотворных произведениях всегда имеет, кроме значения собственно грамматического, также и значение интонационное.

Из весьма обширного и богатого фонда текстологических материалов к стихотворным произведениям Блока в примечаниях приведено лишь очень немногое из первоначальных редакций и вариантов — в тех только случаях, когда эти редакции или варианты имеют особо существенное идейно-смысловое или стилистическое значение. Интересующиеся этим материалом могут обратиться ко второму тому «Полного собрания стихотворений» Блока в первом издании большой серии «Библиотеки поэта» (1946), где сосредоточены важнейшие из вариантов и разночтений, извлеченные нами из рукописных и печатных источников.

Стихотворения Блока датированы согласно указаниям автора в его рукописях, прижизненных изданиях и составленном им «Хронологическом указателе». Однако в некоторых случаях даты исправлены либо уточнены, сравнительно с указанными Блоком, на основании рукописных и иных источников.

Блок, как правило, неоднократно возвращался к своим произведениям: многие из юношеских стихов впоследствии были им переработаны в большей или меньшей мере; при подготовке очередных стихотворных сборников или «собраний стихов» он вносил в текст многочисленные исправления, сокращения и т. п. Во всех случаях,

когда переработка первоначального текста носила сколько-нибудь радикальный характер, время переработки указано в примечаниях.

Даты при иноязычных стихотворениях, переведенных Блоком, указывают время, когда стихотворение было переведено.

Примечания носят справочный характер. Библиографические справки ограничиваются указанием на первую публикацию данного произведения.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

1880, 16 (28 н. ст.) ноября. В «ректорском доме» Петербургского университета (Университетская наб., 9) родился Александр Александрович Блок. Отец — Александр Львович Блок (20 октября 1852 — 1 декабря 1909), профессор Варшавского университета, государствовед и философ; мать — Александра Андреевна Бекетова (6 марта 1860 — 25 февраля 1923), дочь профессора и ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова, известного ученого (ботаника) и общественного деятеля. Брак А. Л. Блока и А. А. Бекетовой состоялся 7 января 1879 г. Сразу же после рождения сына А. А. Бекетова разъехалась с мужем, 24 августа 1889 г. официально разошлась с ним и вскоре (17 сентября 1889 г.) вторично вышла замуж за Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух, офицера л.-гв. Гренадерского полка.

1883, осень — 1884, май. Маленький Блок живет за границей (Триест и Флоренция) с матерью, бабушкой и теткой.

1887—1888. Первые дошедшие до нас детские произведения Блока.

1890, лето. Поездка с матерью и отчимом в Саратовскую губернию, в имение родственников (Бекетовых).

1891, 27 августа. Поступил во II класс петербургской Введенской (впоследствии — имени Петра I) гимназии.

1894, 16 января. Первое посещение драматического театра («Плоды просвещения» Л. Н. Толстого в Александринском театре).

Январь. Вышел первый номер рукописного журнала «Вестник», выпускавшегося Блоком сообща с родными до января 1897 г. (всего вышло 37 номеров).

1895, лето. Впервые (после ранних детских лет) встречается с будущей женой — Любовью Дмитриевной Менделеевой (29 декабря 1881 — 27 сентября 1939), дочерью знаменитого русского ученого Д. И. Менделеева. Встречи происходят в Боблове — подмосковном имении Менделеевых, расположенном в 7 верстах от Шахматова — имения Бекетовых, где Блок ежегодно проводил летние месяцы.

1896, 1 июля. Первый любительский спектакль в Шахматове, орга-

низованный Блоком («Спор древнегреческих философов об изящном» К. Пруткова).

Июль. Поездка в Нижний-Новгород на Всероссийскую промышленную выставку.

1897, май—июль. Поездка с матерью и теткой в Бад-Наугейм (Германия). Встреча с К. М. Садовской, оставившая глубокий след в творчестве поэта.

31 октября. Дата первого стихотворения («Ночь на землю сошла»), внесенного Блоком в автографическое собрание его лирики.

Зима. Увлечение театром и декламацией, участие в любительском спектакле.

1898

30 мая. Кончает гимназию.

5 июня. Приезжает в Шахматово.

Июнь—июль. Начало увлечения Л. Д. Менделеевой.

Июль—август. Любительские спектакли в Шахматове, Боблове и Дедове (имение А. Г. Коваленской, двоюродной бабки Блока) с участием Блока (сцены из «Гамлета», «Горя от ума», «Бориса Годунова», «Орлеанской девы» и др.).

24 августа. Возвращается в Петербург.

31 августа. Поступает на юридический факультет Петербургского университета.

1899

Лето. Спектакли в Боблове с участием Блока (сцены из «Бориса Годунова», «Скупой рыцарь» и «Каменный гость», «Горящие письма» П. Гнедича, «Предложение» Чехова).

Август. Первое знакомство с новейшей декадентской литературой (повесть З. Гиппиус «Зеркала»).

Осень — зима. Участвует в «Петербургском драматическом кружке»; выступает, под фамилией Борский, в открытом спектакле («Горнозаводчик» Ж. Онэ).

1900

Весна. Дружески сближается с А. В. Гиппиусом.

16 мая. Уезжает в Шахматово.

Лето. Занимается историей философии; в частности, изучает сочинения Платона.

7 сентября. Возвращается в Петербург.

Осень. Первая, неудачная попытка напечатать стихи в журнале «Мир божий».

1901

Апрель. Знакомство с поэзией Вл. Соловьева.

Май. Знакомство с творчеством В. Брюсова (в альманахе «Северные цветы»).

Около 29 мая. Уезжает в Шахматово.

Август. Знакомство с философскими сочинениями Вл. Соловьева.

7 сентября. Возвращается в Петербург.

10 сентября. Посылает свои стихи в символистское издательство «Скорпион», В. Брюсову (посылка не дошла по назначению).

29 сентября. Переходит на славяно-русское отделение филологического факультета Петербургского университета.
21 ноября. Начинает переписку с Л. Д. Менделеевой.

1902

26 марта. Знакомство с Д. Мережковским и З. Гиппиус.
5 июня. Уезжает в Шахматово.
22 — 23 августа. Поездка в Москву.
1 сентября. Возвращается в Петербург.
Октябрь. Посещает собрания сотрудников журнала «Мир искусства». Посылает свои стихи З. Гиппиус для помещения в журнале «Новый Путь».
30 октября. Стихи Блока переданы В. Брюсову.
7 ноября. Решительное объяснение Блока с Л. Д. Менделеевой.
Декабрь. Стихи Блока приняты В. Брюсовым для альманаха «Северные цветы».

1903

2 января. Делает предложение Л. Д. Менделеевой и получает согласие ее родителей.
3 января. Начинает переписку с А. Белым.
6 марта. Знакомство с Е. П. Ивановым.
Март. Литературный дебют Блока: цикл «Из посвящений» (10 стихотворений) в журнале «Новый Путь», № 3. Вслед за тем, весною 1903 г., стихи Блока появляются в «Литературно-художественном сборнике» студентов Петербургского университета и в альманахе «Северные цветы» (цикл «Стихи о Прекрасной Даме» — 10 стихотворений). К тому времени Блоком написано уже свыше 600 стихотворений.
25 мая. Обручение с Л. Д. Менделеевой.
29 мая — 7 июля. Живет с матерью в Бад-Наугейме (Германия).
6 июля. Приезжает в Шахматово.
17 августа. Свадьба Блока и Л. Д. Менделеевой (в церкви с. Тараканово, возле Шахматова и Боблова).
18 августа. Возвращается с женой в Петербург.
Сентябрь. Первая напечатанная проза Блока — рецензии в журнале «Новый Путь», № 9.

1904

10—24 января. Поездка в Москву. Знакомство с московскими символистами (А. Белым, В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Эллисом и др.).
Весна. Знакомство и сближение с Г. И. Чулковым.
21 апреля. Уезжает в Шахматово.
Лето. Готовит к изданию сборник «Стихи о Прекрасной Даме».
25 августа. Возвращается в Петербург.
Октябрь. В издательстве «Гриф» вышел сборник «Стихи о Прекрасной Даме» тиражом в 1200 экз. (в книгу вошло 93 стихотворения из почти 800, написанных к тому времени).
— Закончено кандидатское сочинение «Болотов и Новиков».

1905

Январь. Знакомство и сближение с А. М. Ремизовым, В. А. Пястом и В. И. Ивановым.
27 апреля. Уезжает в Шахматово.
27 августа. Возвращается в Петербург.
17 (?) октября. Участвует в революционной демонстрации, неся во главе ее красное знамя.
18 ноября. Первоначальный набросок поэмы «Ночная Фиалка».
Ноябрь. Пишет «Очерк литературы о Грибоедове». Переводит стихи Байрона.

1906

3 января. Впервые встречается с А. М. Горьким.
23 января. Вчерне закончена драма «Балаганчик».
Конец марта. Закончена подготовка сборника лирики «Нечаянная Радость».
Начало апреля. Драма «Балаганчик» напечатана в альманахе «Факелы».
5 мая. Кончает университет с дипломом 1-й степени.
6 мая. Закончена поэма «Ночная Фиалка».
11 мая. Уезжает в Шахматово.
3 августа. Вчерне закончена драма «Король на площади».
Август. Написан «Диалог о любви, поэзии и государственной службе».
24 августа. Возвращается в Петербург.
10 октября. Закончена вторая редакция драмы «Король на площади».
Октябрь. Закончена статья «Поэзия заговоров и заклинаний».
11 ноября. Закончена драма «Незнакомка».
Ноябрь. Написана статья «Девушка розовой калитки и муравьиный царь».
Декабрь. Вышел сборник «Нечаянная Радость».
— Знакомство с Н. Н. Волоховой, оставившее глубокий след в творчестве поэта.
29 декабря. Наброски неосуществленной драмы «Дионис Гиперборейский».
30 декабря. Первое представление драмы «Балаганчик» в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

1907

29 декабря 1906 — 13 января 1907. Написана «Снежная маска».
Январь. Написаны статья «М. А. Бакунин» и примечания к лицейским стихам Пушкина.
8 апреля. Вышел сборник «Снежная маска».
Апрель. Задумана драма «Песня Судьбы».
16—20 апреля. Поездка в Москву. Берет на себя ведение критических обозрений текущей литературы в журнале «Золотое руно».
Май — июнь. Написана статья «О реалистах».
Июнь — июль. Написаны «Вольные мысли» и статья «О лирике».

9 июля. Уезжает в Шахматово.
Август — сентябрь. Написана статья «О драме».
29 августа. Возвращается в Петербург.
2 — 7 октября. Поездка в Киев.
12 октября. Написана «Сказка о той, которая не поймет ее».
31 октября. Закончен перевод миракля Рютбефа «Действо о Теофиле».
15 — 18 ноября. Поездка в Ревель.
7 декабря. Первое представление «Действа о Теофиле» в Старинном театре (Петербург).

1908

14 — 24 февраля. Поездка в Ревель.
Февраль. Вышел сборник «Лирические драмы».
Февраль—март. Написана статья «О театре».
18 марта. Выступает с публичной лекцией «О театре» в Театральном клубе.
28 апреля. Закончен перевод трагедии Ф. Грилльпарцера «Праматерь».
29 апреля. Закончена драма «Песня Судьбы» (в первой редакции).
3 мая. Блок прекращает переписку и личные отношения с А. Белым (до лета 1910 г.).
Май. Задумывает «Сказку о венгерской графине» и другие рассказы.
3 июня. Уезжает в Шахматово.
Июнь. «Придуман» III акт драмы «Песня Судьбы» в новой редакции.
2 июля. Возвращается в Петербург.
Июль. Вышел сборник лирики «Земля в снегу». — Написана статья «Об одной старинной пьесе».
Август. Написаны статьи «Солнце над Россией» (о Л. Н. Толстом) и «Письма о поэзии».
20 августа. Уезжает в Шахматово.
Август — сентябрь. С увлечением перечитывает сочинения Толстого и Тургенева, Белинского, Добролюбова и Салтыкова-Щедрина. Увлекается «Исповедью» М. Горького.
4 октября. Возвращается в Петербург.
Октябрь. Написаны статьи «Вечера „искусств"» и «Генрих Ибсен».
2 ноября. Выступает с лекцией об Ибсене в театре В. Ф. Коммиссаржевской (вторично — 21 ноября).
6 ноября. Написан доклад «Россия и интеллигенция».
13 ноября. Выступает с докладом «Россия и интеллигенция» в Религиозно-философском обществе. Прения по докладу состоялись 25 ноября.
Ноябрь Написаны статьи «Вопросы, вопросы и вопросы» и «Ирония».
— Вышел отдельным изданием перевод «Праматери» Ф. Грилльпарцера.
12 декабря. Вторично выступает с докладом «Россия и интеллигенция» в Литературном обществе.
30 декабря. Выступает в Религиозно-философском обществе с докладом «Стихия и культуры».

1909

Январь. Переводит стихи Гейне.

29 января. Первое представление трагедии Ф. Грилльпарцера «Праматерь» в переводе Блока в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

Февраль. Написана статья «Душа писателя».

19 марта. Выступает на вечере памяти Гоголя с речью «Дитя Гоголя».

25 — 30 марта. Поездка в Ревель.

14 апреля — 21 июня. Заграничное путешествие по Италии и Германии: Венеция, Равенна, Флоренция, Сеттиньяно, Перуджия, Ассизи, Фолиньо, Сполето, Орвьетто, Сиена, Пиза, Марина ди Пиза, Милан, Франкфурт-на-Майне, Бад-Наугейм, Рейн, Кёльн, Берлин.

29 июня. Уезжает в Шахматово.

30 сентября. Возвращается в Петербург.

Октябрь—ноябрь. Начата работа над книгой итальянских впечатлений «Молнии искусства».

30 ноября. Получив известие о смертельной болезни отца, выезжает в Варшаву.

1 — 18 декабря. Блок в Варшаве (похороны отца, знакомство с сестрой Ангелиной — дочерью А. Л. Блока от второго брака).

29 декабря — 9 января 1910 г. Поездка в Ревель.

1910

22 января. Написана статья «Противоречия».

7 марта. Выступает с речью о В. Ф. Коммиссаржевской на вечере ее памяти.

Март — апрель. Увлечение музыкально-драматическим творчеством Р. Вагнера.

3 апреля. Выступает с речью о М. А. Врубеле на его похоронах.

8 апреля. Выступает в Обществе ревнителей художественного слова с докладом «О современном состоянии русского символизма».

Апрель. Начинает увлекаться авиацией.

30 апреля. Уезжает в Шахматово.

7 июня. Первые наброски поэмы «Возмездие».

Октябрь. Готовит к изданию сборник лирики «Ночные часы».

31 октября — 4 ноября. Поездка в Москву.

5 ноября. Возвращается в Петербург.

Ноябрь. Готовит к изданию I том «Собрания стихотворений».

14 декабря. Выступает на вечере памяти Вл. Соловьева с речью «Рыцарь-монах».

24 — 31 декабря. Поездка в Ревель.

1911

2 января. Закончен первый вариант поэмы «Возмездие» (III глава окончательного текста).

19 января. Вторично выступает с речью «Рыцарь-монах» в Религиозно-философском обществе.

Январь — март. Работа над поэмой «Возмездие» (Пролог и Вступление во II главу).

Начало мая. Вышел I том «Собрания стихотворений».
17 мая. Уезжает в Шахматово.
Май — июнь. Знакомство с творчеством А. Стриндберга.
30 июня. Возвращается в Петербург.
5 июля — 7 ноября. Заграничное путешествие: Берлин, Ганновер, Кёльн, Льеж, Намюр, Париж, Брест, Аберврак, Кэмпер, Париж, Антверпен, Брюгге, Гент, Гейст, Флиссинген, Миддельбург, Дордрехт, Роттердам, Гаага, Амстердам, Берлин.
Сентябрь — октябрь. Работа над поэмой «Возмездие» (начало I главы и новая переработка III главы).
Октябрь. Вышел сборник лирики «Ночные часы».
5 декабря. Окончательно выясняется план поэмы «Возмездие» в четырех главах с прологом и эпилогом.
Декабрь. Вышел II том «Собрания стихотворений».

1912

20 января. Написана статья «Дневник женщины, которую никто не любил» (в первой редакции).
31 марта. Написан первый набросок балетного сценария из жизни провансальских трубадуров XIV—XV вв. (будущей драмы «Роза и Крест»).
Начало апреля. Вышел III том «Собрания стихотворений».
Апрель. Написана статья «От Ибсена к Стриндбергу».
Апрель — май. Новые планы «Розы и Креста», сначала как балета, потом как оперы.
9 мая. Написана статья «Памяти Августа Стриндберга».
Май — июнь. Работа над «Розой и Крестом».
6 июня. Вчерне дописан I акт «Розы и Креста».
4 июля. Уезжает в Шахматово.
13 июля. Возвращается в Петербург.
7 августа. Уезжает в Шахматово.
18 августа. Возвращается в Петербург.
31 октября. Закончена «Роза и Крест» (во второй редакции).
9 ноября. Новый проект радикальной переработки «Розы и Креста» (в драму).
14 ноября. Написана статья «Памяти К. В. Бравича».
8 декабря. Начинает заново писать «Розу и Крест».
14 декабря. Написана статья «Искусство и газета».
20 декабря. Написана статья «Непонимание или нежелание понять?»
Декабрь. Вышли сборники стихов для детей «Сказки» и «Круглый год».

1913

19 января. Окончена драма «Роза и Крест».
Начало февраля. Драма «Незнакомка» поставлена в Московском литературно-художественном кружке (студия С. В. Халютиной)
17 февраля. Задумывает драму о «человеке, власть имеющем».
2 мая. Написаны «Записки Бертрана».
7 июня. «В последний раз приложил руку» к драме «Роза и Крест».
12 июня — 3 августа. Заграничное путешествие: Париж, Бордо, Сен-Жан-де-Люц, Гетари — Сан-Себастьян — Фуентеррабия — Пиренеи, Биарриц, Париж.

8 августа. Уезжает в Шахматово.
Август. Драма «Роза и Крест» напечатана в альманахе «Сирин».
Конец августа. Возвращается в Петербург.
Октябрь. Написана статья «Пламень».
9 декабря. Задумывает драму «Нелепый человек».

1914

6 января. Начата поэма «Соловьиный сад».
Март. Знакомство с Л. А. Дельмас (28 марта). Написан цикл стихов «Кармен».
7—11 апреля. В Тенишевском зале (Петербург) ежедневно идут представления драм Блока «Незнакомка» и «Балаганчик».
8 июня. Уезжает в Шахматово.
20 июля. Возвращается в Петербург.
Сентябрь — октябрь. Готовит к изданию собрание стихотворений Аполлона Григорьева.
Декабрь. Работа над поэмой «Возмездие».

1915

14 января. Закончена статья «Судьба Аполлона Григорьева».
Март — май. Готовит новое издание «Стихотворений» (в трех книгах) и «Театра».
25 мая. Написана статья «Роза и Крест».
Май. Вышел сборник «Стихи о России».
21 июня. Написана Автобиография.
30 июня. Уезжает в Шахматово.
10—14 августа. Поездка в Петербург.
6—7 сентября. Поездка в Москву.
29 сентября. Возвращается в Петербург.
14 октября. Закончена поэма «Соловьиный сад».
23 октября. Записан план драмы «о фабричном возрождении России».
7 ноября. Вышел сборник «Стихотворения Аполлона Григорьева» под редакцией и со статьей Блока.
Ноябрь — декабрь. Переводит стихи А. Исаакяна, Плудониса и финских поэтов.
25 декабря. В газете «Русское слово» напечатана поэма «Соловьиный сад».

1916

29 марта — 6 апреля. Поездка в Москву; присутствует на репетициях драмы «Роза и Крест» в Художественном театре, проводит беседы с актерами.
Апрель. Вышли I том «Стихотворений» и «Театр».
Май — июнь. Работа над поэмой «Возмездие».
4 июня. Закончена I глава поэмы «Возмездие».
Июнь. Вышел II том «Стихотворений».

7 июля. Призывается в действующую армию и зачисляется табельщиком в 13 инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза Земств и Городов.
18 — 22 июля. Поездка в Шахматово.
26 июля. Выезжает в расположение дружины (ст. Лунинец Полесских жел. дорог, в районе Пинских болот).
Июль. Вышел III том «Стихотворений».
Конец сентября. Приезжает в Петроград в отпуск.
2 ноября. Возвращается в дружину.

1917

Январь. Пролог и I глава поэмы «Возмездие» напечатаны в журнале «Русская мысль», № 1.
19 марта. Возвращается в Петроград.
9 апреля. Уезжает в Крюково (под Москвой).
13 — 17 апреля. В Москве, присутствует на репетициях драмы «Роза и Крест» в Художественном театре.
18 апреля. Возвращается в Петроград.
25 апреля. Избирается членом Литературной комиссии при Александринском театре.
8 мая. Назначается одним из редакторов стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для расследования деятельности бывших царских министров и сановников.
16 июня. Присутствует на Первом Съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.
Август. Начата книга «Последние дни старого режима».
7 сентября. Избирается членом Литературно-театральной комиссии государственных театров.
Начало октября. Принимает участие в работах Комиссии по реорганизации государственных театров.
Начало ноября. Участвует в совещании представителей литературно-художественной интеллигенции, созванном в Смольном по инициативе ВЦИКа.
25 декабря. Составляет план «Собрания сочинений» в десяти томах.
30 декабря. Начата статья «Интеллигенция и Революция».

1918

7 января. Задумывает пьесу об Иисусе.
8 января. Начинает писать поэму «Двенадцать».
9 января. Окончена статья «Интеллигенция и Революция».
28 января. Закончена поэма «Двенадцать».
30 января. Написано стихотворение «Скифы».
Январь — февраль. Принимает участие в работах Комиссии по изданию классиков.
1 февраля.[1] Статья «Интеллигенция и Революция» напечатана в газете «Знамя труда».

---

[1] С февраля 1918 г. даты — по новому стилю.

18 февраля. Поэма «Двенадцать» напечатана в газете «Знамя труда».

20 февраля. Стихотворение «Скифы» напечатано в газете «Знамя труда».

22 февраля. Наброски стихотворения «Русский бред».

12 марта. Написана статья «Искусство и Революция».

Март. Приступает к работе в Репертуарной секции Петроградского Театрального отдела Наркомпроса.

3 апреля. Закончена статья «Последние дни старого режима».

19 апреля. Закончена статья «Дневник женщины, которую никто не любил».

21 апреля. Написана «Исповедь язычника».

1 мая. Написан фельетон «Сограждане».

2 мая. Написан фельетон «Русские денди».

13 мая. Первое публичное исполнение поэмы «Двенадцать» на вечере поэтов в Тенишевском зале (читала Л. Д. Блок).

17 мая. Закончен очерк «Катилина».

19 мая. Выступает с лекцией о Катилине в Школе журнализма.

5 июня. Вышло первое отдельное издание поэмы «Двенадцать» и стихотворения «Скифы».

19 июня. Подготовлен сборник «Избранные стихотворения».

6 июля. Отдельным изданием вышла поэма «Соловьиный сад».

12 августа. Вышло новое издание «Театра».

18 сентября. Вышел I том «Стихотворений» в новом издании.

22 сентября. Назначается членом коллегии издательства «Всемирная литература», учрежденного А. М. Горьким, и редактором отдела немецкой литературы.

Октябрь. Вышел сборник статей «Россия и интеллигенция».

7 ноября. Участвует в праздновании первой Октябрьской годовщины; присутствует на представлении «Мистерии-Буфф» В. Маяковского.

Декабрь. Начинает редакторскую работу над подготовкой собрания сочинений Гейне.

1919

8 января. Закончена переработка драмы «Песня Судьбы».

Январь. Подготовлен сборник гражданской лирики «Ямбы».

Февраль. Вышла брошюра «Катилина».

25 марта. На заседании коллегии издательства «Всемирная литература» выступает с докладом (о русских переводах из Гейне), в котором затрагивает тему крушения старого гуманизма и либерализма.

30 марта. Выступает с приветствием А. М. Горькому на чествовании его в издательстве «Всемирная литература».

9 апреля. Выступает с докладом «Крушение гуманизма» в коллегии издательства «Всемирная литература».

17 апреля. Вышел II том «Стихотворений» в новом издании.

24 апреля. Назначается председателем Управления Большого драматического театра.

Весна. Принимает участие в работах Союза деятелей художественной литературы.

— Разрабатывает планы «Исторических картин» (по общему замыслу А. М. Горького).
10 июня. Вышла отдельным изданием драма «Песня Судьбы» в новой редакции.
12 июля. Написано предисловие к поэме «Возмездие».
Август. Вышел сборник «Ямбы».
27 сентября. Написана статья «О романтизме».
12 октября. Написана статья «Тайный смысл трагедии „Отелло"».
29 октября. Написан мемуарный очерк «Памяти Леонида Андреева».
Ноябрь. Новые планы «Исторических картин».
16 ноября. Выступает с докладом «Крушение гуманизма» на открытии Вольной философской ассоциации.

1920

13 февраля. Выступает с речью на юбилее Большого драматического театра.
Февраль — март. Редактирует «Избранные сочинения» Лермонтова.
15 марта. Написана статья о Лермонтове.
Март — апрель. Написана пьеса «Рамзес» (для серии «Исторические картины»).
Апрель. Подготовлен сборник лирики «Седое утро».
7 — 19 мая. Поездка в Москву. Выступления с чтением стихов в Политехническом музее (9 и 16 мая) и во «Дворце искусств» (14 мая).
27 июня. Избирается председателем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов.
4 июля. Выступает с речью на первом открытом вечере в Союзе поэтов.
31 июля. Выступает с речью о «Короле Лире» в Большом драматическом театре.
Лето. Вышел сборник юношеской лирики «За гранью прошлых дней».
4 августа. Выступает с речью в Союзе поэтов.
15 августа. Выступает с речью «Владимир Соловьев и наши дни» в Вольной философской ассоциации.
Октябрь. Избирается в Правление Петроградского отделения Всероссийского Союза писателей.
23 октября. Вышел сборник лирики «Седое утро».

1921

Январь. Наброски продолжения II главы поэмы «Возмездие».
11 февраля. Выступает с речью о Пушкине («О назначении поэта») в Доме литераторов (вторично — 16 февраля).
Начало марта. Подготовлен сборник «Отроческие стихи».
15 марта. Написано последнее стихотворение («Как всегда, были смешаны чувства»).
19 марта. Возвращается к наброскам рассказа «Ни сны, ни явь» (наброски относятся к 1907—1909 гг.).
Середина апреля. Первые симптомы предсмертной болезни.
25 апреля. Вечер Блока в Большом драматическом театре.

Апрель. Написана статья «Без божества, без вдохновенья».

1—11 мая. Поездка в Москву. Выступления с чтением стихов в Политехническом музее (3, 5 и 9 мая), в Доме печати (7 мая), в Союзе писателей, «Studio Italiano».

17 мая. Обострение болезни.

Май. Наброски продолжения II и III глав поэмы «Возмездие».

7 июня. Вышла отдельным изданием пьеса «Рамзес».

Июнь. Готовит к печати книгу «Последние дни императорской власти».

28 июня. Вышло 4-е издание поэмы «Двенадцать».

Июль. Последние наброски ко II и III главам поэмы «Возмездие».

7 августа, в 10 ч. 30 м. утра Александр Александрович Блок скончался в своем кабинете (ул. Декабристов, 57, кв. 23).

10 августа. Похороны Блока на Смоленском кладбище (27—28 сентября 1944 г. прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища).

Примечания

Сокращения, принятые в примечаниях

«Дневник» I — «Дневник Ал. Блока. 1911—1913». Издательство писателей в Ленинграде, 1928.

«Дневник» II — «Дневник Ал. Блока. 1917—1921». Издательство писателей в Ленинграде, 1928.

«За гранью прошлых дней» — Александр Блок. За гранью прошлых дней. Изд-во З. Гржебина, П., 1920.

«Записные книжки» — «Записные книжки Ал. Блока». «Прибой», Л., 1930.

«Земля в снегу» — Александр Блок. Земля в снегу. Третий сборник стихов. «Золотое руно», М., 1908.

«Неизданные стихотворения» — А. Блок. Неизданные стихотворения (1897—1919). «Жизнь искусства», Л., 1926.

«Нечаянная Радость» — Александр Блок. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов. «Скорпион», М., 1907.

«Ночные часы» — Александр Блок. Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908—1910). «Мусагет», М., 1911.

«Письма» — «Письма Александра Блока». «Колос», Л., 1925.

«Письма к родным» — «Письма Александра Блока к родным». «Academia», Л., 1927.

«Письма к родным» II — «Письма Александра Блока к родным, II». «Academia», Л., 1932.

«Седое утро» — Александр Блок. Седое утро. Стихотворения. «Алконост», П., 1920.

«Собр. стих.» — Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга I — «Стихи о Прекрасной Даме», Книга II — «Нечаянная Радость», Книга III — «Снежная ночь». «Мусагет», М., 1911 — 1912.

«Собр. соч.» — Александр Блок. Собрание сочинений, тт. I—XII. Издательство писателей в Ленинграде и «Советский писатель», Л., 1932—1936.

«Стихи о Прекрасной Даме» — Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. «Гриф», М., 1905.

В библиографических справках при *журнальных* названиях указан *номер* издания, при *газетных* — дата издания, при *альманашных* — *год* издания альманаха (в скобках).

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ (1898—1904)

ANTE LUCEM (1898—1900)

«Пусть светит месяц — ночь темна» (стр. 3). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Ты много жил, я больше пел» (стр. 3). Впервые — «Вершины», 1915, № 17 (под заглавием: «Другу»). *Гун* Николай Васильевич — гимназический товарищ Блока, покончивший самоубийством 20 января 1902 г. в Петербурге.

«Муза в уборе весны постучалась к поэту» (стр. 4). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Окончательный текст — апрель 1918 г.

«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне» (стр. 4). Впервые — «Рабочий мир», 1918, № 14. Окончательный текст — май 1918 г. В первоначальной рукописи озаглавлено: «Мрак (аллегория)». *Трубицыно* — подмосковное имение С. Г. Карелиной, двоюродной бабки Блока.

«Полный месяц встал над лугом» (стр. 5). Впервые — «Тропинка», 1908, № 11.

Моей матери (стр. 5). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

«Она молода и прекрасна была» (стр. 6). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

«Я шел во тьме к заботам и веселью» (стр. 6). — Впервые — «Собр. стих.», кн. I. В рукописи озаглавлено: «Воспоминание о «Гамлете» 1 августа в Боблове» и посвящено Л. Д. Менделеевой. Описание этого шекспировского спектакля, в котором Л. Д. Менделеева исполняла роль Офелии, а Блок — роль Гамлета, см. у М. Бекетовой — «Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930, стр. 62—63, и у М. Рыбниковой — «Блок — Гамлет», М., 1923, стр. 9—14. *Боблово* — имение Менделеевых. Среди юношеских стихотворений Блока есть целый ряд вариаций на темы и мотивы «Гамлета».

«Я стремлюсь к роскошной воле» (стр. 6). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. В рукописи озаглавлено: «Поле жизни». Эпиграф, взятый из стихотворения В. А. Жуковского «Песня» («Счастлив тот, кому забавы. . .»), приведен не вполне точно.

«Как мучительно думать о счастьи былом» (стр. 7). Впервые — «Утро», 1915, 22 марта.

«В ночи, когда уснет тревога» (стр 7). Впервые — «За гранью прошлых дней». Первоначальный текст был переработан 14 марта 1918 г. и 2 июня 1919 г.

«Усталый от дневных блужданий» (стр. 8). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 22 февраля. Окончательный текст — декабрь 1914 г.

«Жизнь — как море, она всегда исполнена бури» (стр. 8). Впервые — «Красный милиционер», 1920, № 13.

«Есть в дикой роще, у оврага» (стр. 9). Впервые — «Северные записки», 1915, № 2. Окончательный текст — 24 декабря 1914 г.

«Мне снилась смерть любимого созданья» (стр. 9). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Офелия в цветах, в уборе» (стр. 10). Впервые — «Северные записки», 1915, № 2. Первоначальный текст был переработан дважды — 29 марта 1913 г. и 24 декабря 1914 г.

Летний вечер (стр. 10). Впервые — альманах «Творчество» II (1917). Окончательный текст — июль 1916 г.

«Луна проснулась. Город шумный» (стр 11). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. *К. М. С.* — Ксения Михайловна Садовская (1862 — 1925), «первая любовь» Блока, в ту пору светская дама, обладавшая музыкальными способностями (училась в Петербургской консерватории по классу пения), подолгу жившая за границей. Блок познакомился с К. М. Садовской летом 1897 г. в Бад-Наугейме (Германия), встречался с нею до 1899 г. Кроме ряда стихотворений, посвященных К. М. Садовской в 1897—1900 и 1903 гг., с воспоминаниями о ней связан стихотворный цикл «Через двенадцать лет», написанный в 1909—1910 гг., частично в Бад-Наугейме. Сохранилось десять писем Блока к К. М. Садовской от 1898—1900 гг. (не опубликованы). — Заключительное двустишие — цитата из стихотворения Я. П. Полонского «Прощай».

На вечере в честь Л. Толстого (стр. 11). Впервые — «Вершины», 1915, № 2. Окончательный текст — 1915 г. Блок был на этом вечере вместе с Л. Д. Менделеевой.

«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене» (стр. 12). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

Одиночество (стр. 12). Впервые — «Сирена», 1918, № 1.

«Окрай небес — звезда омега» (стр. 13). Впервые — «Вершины», 1915, № 20. Окончательный текст — 1913 г. *Омега* — последняя буква греческого алфавита; по астрономической классификации так обозначаются цветные звезды, к числу которых принадлежат Сириус и Вега.

«Милый друг! Ты юною душою» (стр. 14). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

Песня Офелии (стр. 14). Впервые — альманах «Корона» (1908). Окончательный текст — 1908. Вольная вариация на тему песни Офелии в трагедии Шекспира «Гамлет».

«Ночной туман застал меня в дороге» (стр. 14). Впервые — альманах «Творчество» I (1917). Окончательный текст — июль 1916 г.

«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет» (стр. 15). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Эпиграф — из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума».

Гамаюн, птица вещая (стр. 15). Впервые — «Киевские вести», 1908, 27 апреля. Как указал Блок (в примечаниях в «Собр. стих.»), стихотворение было «внушено» ему картиной В. М. Васнецова (1848—1926), изображающей *Гамаюна* — сказочную райскую птицу с человеческим лицом (Третьяковская галерея в Москве). *Трус* — землетрясение.

«Мы были вместе, помню я» (стр. 16). Впервые — «Московский альманах» (1922). Окончательный текст — апрель 1918 г.

«Я шел к блаженству. Путь блестел» (стр. 16). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Сама судьба мне завещала» (стр. 17). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Окончательный текст — 1910 г. В рукописи — посвящение: «Памяти Пушкина» (26 мая 1899 г. отмечалось 100-летие со дня рождения поэта).

После дождя (стр. 17). Впервые — альманах «Творчество» II (1917).

«Там, за далью бесконечной» (стр. 17). Впервые — «Сирена», 1918, № 2/3. Окончательный текст — 1918 г.

«Когда я был ребенком, — лес ночной» (стр. 18). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

Перед грозой (стр. 18). Впервые — альманах «Культура и свобода» (1919). Окончательный текст — 8 октября 1919 г.

«Дышит утро в окошко твое» (стр. 18). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Помнишь ли город тревожный» (стр. 19). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Город спит, окутан мглою» (стр. 19). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«О, как безумно за окном» (стр. 20). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Эпиграф — из трагедии Шекспира «Король Лир». В рукописи посвящено В. П. Далматову (1852—1912) — известному драматическому актеру, одной из «коронных» ролей которого была роль Лира. Блок в юности пережил сильное увлечение игрой и даже самой личностью Далматова, а в 1912 г. охарактеризовал его как «очень большого артиста, способного «ударить по сердцам с неведомою силой» («Собр. соч.», т. IX, стр. 187).

«Не легли еще тени вечерние» (стр. 20) Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Окончательный текст — 1910 г.

Servus — Reginae (стр. 21). Впервые — «Новое слово», 1909, № 9.

«О, наконец! Былой тревоге» (стр. 21). Впервые — «Неизданные стихотворения».

«За краткий сон, что нынче снится» (стр. 22). Впервые — «За гранью прошлых дней». Окончательный текст — 18 января 1919 г. В рукописи дата переработки сопровождается пометой: «Убит К. Либкнехт».

Осенняя элегия (стр. 22). Первая часть впервые — «Собр. стих.», кн. I; вторая часть — «Неизданные стихотворения».

«В те дни, когда душа трепещет» (стр. 23). Впервые — «Москва», 1919, № 3. Окончательный текст — 21 мая 1918 г. В рукописи озаглавлено: «К Музе».

«Ярким солнцем, синей далью» (стр. 23). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Первоначальный текст был наполовину сокращен в 1910 г.

«Лениво и тяжко плывут облака» (стр. 24). Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля.

«Шли мы стезею лазурною» (стр. 24). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Окончательный текст — 1918 г.

«Ночь теплая одела острова» (стр. 25). Впервые — «Москва», 1919, № 2. Окончательный текст — 12 мая 1918 г.

«Я шел во тьме дождливой ночи» (стр. 25). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. В рукописи озаглавлено: «Сон».

«Сегодня в ночь одной тропою» (стр. 25). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«В ночи́, исполненной грозою» (стр. 26). Впервые — «Московский альманах» (1922). Окончательный текст — 11 июля 1919 г.

«Поэт в изгнаньи и в сомненьи» (стр. 26). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Окончательный текст — апрель 1918 г.

«Хоть всё попрежнему *певец*» (стр. 27). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Первоначальный текст был сокращен в 1918 г.

«В фантазии рождаются порою» (стр. 27). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 19 апреля. Переработано 24 января 1915 г.

«К ногам презренного кумира» (стр. 27). Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 28 декабря. В 1900 г. была написана только первая строфа, вторая добавлена 24 декабря 1914 г.

«Бежим, бежим, дитя свободы» (стр. 28). Впервые — «Рабочий мир», 1919, № 6. Перерабатывалось в июне 1916 г., окончательный текст — 12 мая 1918 г.

«Прошедших дней немеркнущим сияньем» (стр. 28). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. См. выше, стр. 681 — примечание к стихотворению «Я шел во тьме к заботам и веселью». Выделенные курсивом стихи — цитата из монолога Гамлета («Гамлет», д. III, сцена 1-я).

«Не призывай и не сули» (стр. 29). Впервые — «Киевские вести», 1908, 18 июня.

«В часы вечернего тумана» (стр. 29). Впервые — «Современник», 1914, № 10. Окончательный текст — февраль 1914 г.

После грозы (стр. 30). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 28 июня. Окончательный текст — 1915 г.

«На небе зарево. Глухая ночь мертва» (стр. 30). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Блок указал, что в этом стихотворении отразилось одно из его впечатлений: деревья березовой рощи и облака, освещенные лучами заходящего солнца, напомнили ему картину средневекового города (см. «Дневник» II, стр. 127; ср. план продолжения II главы поэмы «Возмездие» — стр. 656 наст. тома).

«В ночь молчаливую чудесен» (стр. 30). Впервые — «День», 1914, 6 апреля. Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Полна усталого томленья» (стр. 31). Впервые — «День», 1914, 6 апреля. Окончательный текст — февраль 1914 г.

«То отголосок юных дней» (стр. 31) Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. Окончательный текст — очевидно, 1907 г.

«Последний пурпур догорал» (стр. 32). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

Аметист (стр. 32). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Твой образ чудится невольно» (стр. 32). Впервые — «Слово», 1908, 6 августа.

«Поклонник эллинов — я лиру забывал» (стр. 33). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Пора вернуться к прежней битве» (стр. 33). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. *Дева черноокая* — одна из участниц драматического кружка, который Блок посещал в 1900 г.

«Отрекись от любимых творений» (стр. 34). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Измучен бурей вдохновенья» (стр. 34). Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 6 августа. Окончательный текст — 14 февраля 1916 г. В апреле 1916 г. цензура запретила публикацию этого стихотворения.

«Ищу спасенья» (стр. 35). Впервые — «Русь», 1907, 30 июня. Окончательный текст — 1907 г. *Соловьева* Ольга Михайловна (ум. в 1903 г.) — художница и переводчица, жена М. С. Соловьева (брата поэта и философа Вл. Соловьева), мать поэта С. М. Соловьева, родственница Блока, высоко оценившая его юношеские стихи и способствовавшая его первому выступлению в печати.

«В полночь глухую рожденная» (стр. 35). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

Валкирия (стр. 36). Впервые — «Слово», 1908, 3 августа (с подзаголовком: «К 1-ому акту оперы Вагнера»). Блок с юности был сильно увлечен музыкально-драматическим творчеством Рихарда Вагнера (1813—1883); впоследствии образы «Кольца Нибелунгов» и других произведений Вагнера не раз находили отражение в поэзии Блока (см., например, пролог поэмы «Возмездие» и стихотворение «Идут часы, и дни, и годы»). *Гундинг, Зигмунд, Зигелинда* — персонажи музыкальной драмы Р. Вагнера «Валкирия». *Вельзе* — один из героев древнегерманского эпоса «Сказание о Нибелунгах», отец Зигмунда.

31 декабря 1900 года (стр. 37). Впервые — «Нива», 1909, № 1.

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901—1902)

Вступление (стр. 38). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В рукописи — вариант заглавия: «Ante Lucem» («Перед Светом»). Окончательный текст — очевидно, июль 1904 г.

«Я вышел. Медленно сходили» (стр. 39). Впервые — «Одесские новости», 1907, 25 декабря. В рукописи — помета: «Гулянье по Монетной» (*Монетная* — улица в Петербурге). Ср. в дневнике 1918 г.: «25 января — гулянье на Монетной к вечеру в совершенно *особом* состоянии» («Дневник» II, стр. 128).

«Ветер принес издалёка» (стр. 39). Впервые — «Русь», 1907, 2 июля.

«Тихо вечерние тени» (стр. 39). Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 4. К этому стихотворению относится запись в дневнике 1918 г.: «В конце января и начале февраля (еще — синие снега около полковой церкви — тоже к вечеру) явно является Она» («Дневник» II, стр. 128).

«Душа молчит. В холодном небе» (стр. 40). Впервые — «Слово», 1908, 28 сентября.

«Ты отходишь в сумрак алый» (стр. 41). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

«Ночью сумрачной и дикой» (стр. 41). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

«Навстречу вешнему расцвету» (стр. 42). Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Обработано в 1918 г.

«В день холодный, в день осенний» (стр. 42). Впервые — «Бодрое слово», 1909, № 1. В дневнике 1918 г. Блок записал: «К весне началось хождение около островов и в поле за Старой Деревней, где произошло то, что я определял как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева, книгу которых подарила мне мама на пасху этого года» («Дневник» II, стр. 135). В отдельном автографе, подаренном Блоком Л. Д. Менделеевой, к словам *«прошлый вой»* сделано примечание: «Выражение рискованное, но оправдывается собственным эпическим характером». Выражение *«песня наудачу»* заимствовано у Фета (см. «О, не зови! Страстей твоих так звонок»). *Старая Деревня* — пригород Петербурга.

«Всё отлетают сны земные» (стр. 43) Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Эпиграф принадлежит самому Блоку.

«В передзакатные часы» (стр. 43). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 17 мая. Обработано 20 февраля 1915 г.

«Всё бытие и сущее согласно» (стр. 44). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. В рукописи — помета: «Нитцшеанское».

«Кто-то шепчет и смеется» (стр. 44). Впервые — «Новое слово», 1909, № 5. Окончательный текст — 1908 г.

«Белой ночью месяц красный» (стр. 45). Впервые — «Нива», 1907, № 15.

«Небесное умом не измеримо» (стр. 45). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Этим стихотворением открывается серия стихотворений, написанных в Шахматове летом 1901 г. и объединенных в рукописи общим заголовком: «Мистическое лето».

«Они звучат, они ликуют» (стр. 45). Впервые — «Современник», 1914, № 7. Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Одинокий, к тебе прихожу» (стр. 46). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо» (стр. 46). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко» (стр. 47). Впервые — «Невский альманах» (1915). Перерабатывалось в феврале 1914 г.

«За туманом, за лесами» (стр. 47). Впервые — альманах «Корона» (1908). Окончательный текст — 1908 г.

«В бездействии младом, в передрассветной лени» (стр. 48). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (под заглавием: «Historia»).

«Сегодня шла Ты одиноко» (стр. 48). Впервые — «Студенческая жизнь», 1910, № 20. Окончательный текст — 1908 г.

«Она росла за дальними горами» (стр. 49). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В рукописи озаглавлено: «Непосвященным». *Соловьев* Сергей Михайлович (1885—1941) — поэт-символист, воинствующий «соловьевец» (племянник Вл. Соловьева и редактор посмертных изданий его стихотворений), троюродный брат Блока и до 1905 г. один из ближайших его друзей.

«Внемля зову жизни смутной» (стр. 49). Впервые — «Биржевые ведомости», 1909, 21 апреля. Окончательный текст — 1908 г.

«Прозрачные, неведомые тени» (стр. 50). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. Обработано 13 февраля 1914 г.

«Я жду призыва, ищу ответа» (стр. 50). Впервые — альманах «Северные цветы» (1903).

«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла» (стр. 51). Впервые — альманах «Гриф» (1913), где объединено со следующим стихотворением под общим заглавием: «Поле за Петербургом». Обработано в 1913 г.

«За городом в полях весною воздух дышит» (стр. 51). Впервые — альманах «Гриф» (1913). См. предыдущее примечание.

«Вечереющий день, догорая» (стр. 52). Впервые — «Приазовский край», 1913, 25 декабря. Окончательный текст — 1913 г.

«Не жди последнего ответа» (стр. 53). Впервые — «Современник», 1914, № 10. Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Не пой ты мне и сладостно, и нежно» (стр. 53). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных» (стр. 54). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Признак истинного чуда» (стр. 54). Впервые — «Собр. стих.», кн. I. Первоначальный текст сокращался дважды — в 1910 и 1915 гг. В рукописи — пометы: «Вечер на фабрике» и «Post lucem» («После света», — так Блок помечал стихи, написанные после встреч с Л. Д. Менделеевой).

«Сумерки, сумерки вешние» (стр. 54). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Ты горишь над высокой горою» (стр. 55). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 9 (в статье А. Белого «О теургии»).

«Видно, дни золотые пришли» (стр. 55). Впервые — «Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов С.-Петербургского университета» (1903).

«Кругом далекая равнина» (стр. 56). Впервые — «Нива», 1909, Приложение № 2. Окончательный текст — 24 июля 1908 г. В рукописи озаглавлено: «Знакомое».

«Я всё гадаю над тобою» (стр. 56). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Нет конца лесным тропинкам» (стр. 57). Впервые — «Новое слово», 1909, № 6. Обработано в 1908 г.

«Мчит меня мертвая сила» (стр. 57). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 3 мая. Окончательный текст — 20 февраля 1915 г. В рукописи озаглавлено: «На железной дороге».

Стихотворение было вызвано следующими обстоятельствами: 6 сентября 1901 г., уезжая из Шахматова в Петербург, мать Блока получила письмо от О. М. Соловьевой, которой Блок посылал свои стихи на суд и оценку. О. М. Соловьева писала: «Сашины стихи произвели необыкновенное, трудно-описуемое, удивительное, громадное впечатление на Борю Бугаева (Андрей Белый), мнением которого мы все очень дорожим и которого считаем самым понимающим из всех, кого мы знаем... Боря сейчас же написал по поводу Сашиных стихов стихи, которые посвятил Сергею Соловьеву. Вот они...» Далее О. М. Соловьева приводит стихотворение А. Белого «Пусть на рассвете туманно, Знаю — желанное близко!», вошедшее в его сборник «Золото в лазури» (1904). Под впечатлением полученного известия и стихов А. Белого Блок и написал в поезде, между Клином и Тверью, свое стихотворение (см. М. Бекетова. Ал. Блок и его мать. Л., 1925, стр. 76—78).

Посвящение (стр. 58). Впервые — «Неизданные стихотворения». Было написано на книге стихов Вл. Соловьева, которую Блок собирался подарить Л. Д. Менделеевой.

«Пройдет зима — увидишь ты» (стр. 58). Впервые — «Новое слово», 1911, № 2.

«Встану я в утро туманное» (стр. 59). Впервые — «Образование», 1908, № 5.

«Снова ближе вечерние тени» (стр. 59). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Хранила я среди младых созвучий» (стр. 60) Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Скрипнула дверь. Задрожала рука» (стр. 60). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Зарево белое, желтое, красное» (стр. 61). Впервые — «Русь», 1907, 20 марта.

«Я ли пишу, или ты из могилы» (стр. 61). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Жду я холодного дня» (стр. 61). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Будет день — и свершится великое» (стр. 62). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Я долго ждал — ты вышла поздно» (стр. 62). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. К этому стихотворению относится запись в дневнике 1918 г.: «Л. Д. <Менделеева> ходила на уроки к М. М. Читау <руководительница драматических курсов. — *В. О.*>, я же ждал ее выхода, следил за ней и иногда про-

вожал ее» («Дневник» II, стр. 130). См. также стихотворения «Высо́ко с темнотой сливается стена» и «Там — в улице стоял какой-то дом».

«Ночью вьюга снежная» (стр. 63). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

Ворожба (стр. 63). Впервые — «Утро России», 1916, 10 апреля. Окончательный текст — декабрь 1915 г.

«Недосказанной речи тревогу» (стр. 64). Впервые — «Собр. соч.», т. IV.

«Молчи, как встарь, скрывая свет» (стр. 64). Впервые — «Нива», 1909, Приложение № 6.

«Вечереющий сумрак, поверь» (стр. 65). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

При посылке роз (стр. 66). Впервые — «Эхо», 1918, 21 мая. Окончательный текст — декабрь 1915 г.

Ночь на Новый год (стр. 66). Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 1. Отзвук знаменитой баллады В. А Жуковского «Светлана».

«Бегут неверные дневные тени» (стр. 67). Впервые — альманах «Северные цветы» (1903). В отдельном автографе (датированном 12 января 1902 г.) — вариант первого двустишия заключительной строфы:

Бегут неверные дневные тени,
Колокола зовут своих рабов...

«Высо́ко с темнотой сливается стена» (стр. 67). Впервые — «Нива», 1908, № 10. См. выше, стр. 690 — примечание к стихотворению «Я долго ждал — ты вышла поздно».

«Там, в полусумраке собора» (стр. 68). Впервые — «Нива», 1907, Приложение № 3.

«Я укрыт до времени в приделе» (стр. 68). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи — позднейшая помета: «Мятели — здесь необходимо сохранить это написание, в противоположность «Снежной маске» (1910)» (в цикле «Снежная маска» применена транскрипция: ««метели»).

«Вдали мигнул огонь вечерний» (стр. 69). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1916, № 3. Окончательный текст — 10 января 1916 г.

«Сны раздумий небывалых» (стр. 69). Впервые — альманах «Гриф» (1904). Первоначальный текст был сокращен и

отделан, очевидно, в 1904 г. В рукописи — помета: «Свободно ли от декадентства?»

«На весенний праздник света» (стр. 70). Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 3.

«Или устал ты до времени» (стр. 71). Впервые — «Русь», 1907, 9 июля. Окончательный текст — 1918 г.

«Сны безотчетны, ярки краски» (стр. 71). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Мы живем в старинной келье» (стр. 72). Впервые — «Русь», 1907, 13 марта. Первоначальный текст был сокращен в 1915 г.

«Верю в Солнце Завета» (стр. 72). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«Ты — божий день. Мои мечты» (стр. 73). Впервые — «Речь», 1908, 15 июня. Первоначальный текст был сокращен, очевидно, в 1910 г.

«Целый день передо мною» (стр. 73). Впервые — «Одесские новости», 1907, 25 декабря. Первоначальный текст был сокращен в 1907 г.

«Успокоительны, и чудны» (стр. 73). Впервые — в книге М. А. Бекетовой — «Ал. Блок и его мать», Л., 1925. Стихотворение было написано на обложке книги Вл. Соловьева «Три разговора» (3-е изд., 1901 г.), подаренной Блоком матери.

«Жизнь медленная шла, как старая гадалка» (стр. 74). Впервые — «Северные записки», 1913, № 4. Окончательный текст — 1913 г.

«Травы спят красивые» (стр. 74). Впервые — «Луч», 1907, № 2.

«Мой вечер близок и безволен» (стр. 75). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». Первоначальный текст был сокращен, очевидно, в 1904 г.

«Я жалок в глубоком бессильи» (стр. 76). Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 4 сентября.

«Ловлю дрожащие, хладеющие руки» (стр. 76). Впервые — «Утро России», 1915, 25 декабря.

«На темном пороге тайком» (стр. 76). Впервые — «Речь», 1908, 13 июля.

«Я медленно сходил с ума» (стр. 77). Впервые — «Вершины», 1914, № 4. Обработано в феврале 1914 г.

«Весна в реке ломает льдины» (стр. 78). Впервые — «Русь», 1907, 6 апреля.

«Утомленный, я терял надежды» (стр. 78). Впервые — «Приазовский край», 1913, 14 апреля (под заглавием: «Светлый сон»).

«Странных и новых ищу на страницах» (стр. 78). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. В рукописи озаглавлено «Прови́денье». *Купина* (Неопалимая купина) — в библейской мифологии куст, который горит и чудесным образом не сгорает.

«Днем вершу я дела суеты» (стр. 79). Впервые — альманах «Северные цветы» (1903). В рукописи озаглавлено: «Из действительности».

«Люблю высокие соборы» (стр. 80). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Я тишиною очарован» (стр. 80). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1916, № 1. Окончательный текст — декабрь 1915 г.

«Слышу колокол. В поле весна» (стр 81). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». Первоначальный текст был сокращен, очевидно, в 1904 г.

«Там — в улице стоял какой-то дом» (стр. 81). Впервые — альманах «Гриф» (1904). См. выше, стр. 690 — примечание к стихотворению «Я долго ждал — ты вышла поздно».

«Мы встречались с тобой на закате» (стр. 82). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Тебя скрывали туманы» (стр. 82). Впервые — альманах «Северные цветы» (1903).

«Поздно. В окошко закрытое» (стр. 83). Впервые — «Неизданные стихотворения».

«Когда святого забвения» (стр. 84). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«Ты не ушла. Но, может быть» (стр. 84). Впервые — «Русская мысль», 1913. № 4. Окончательный текст — декабрь 1911 г. В рукописи дата переработки сопровождается пометой: «NB — *важно*».

«Брожу в стенах монастыря» (стр. 85). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«На ржавых петлях открываю ставни» (стр. 85). Впервые — «Собр. стих.», кн. I.

«Хоронил я тебя, и, тоскуя» (стр. 86). Впервые — «Красный милиционер», 1921, № 2/3. Окончательный текст — 18 ноября 1920 г.

«Ушли в туман мечтания» (стр. 86). Впервые — «Неизданные стихотворения».

«Пробивалась певучим потоком» (стр. 87). Впервые — «Речь», 1908, 10 февраля.

На смерть деда (стр. 87). Впервые — «Новое слово», 1910, № 6. На смерть А. Н. Бекетова (1825—1902), — см. о нем на стр. 768 наст. изд.

«Я, отрок, зажигаю свечи» (стр. 88). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«Говорили короткие речи» (стр. 88). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В черновике — помета: «Из Боблова. Не видел», относящаяся к Л. Д. Менделеевой (*Боблово* — имение Менделеевых).

«Сбежал с горы и замер в чаще» (стр. 89). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

«Как сон, уходит летний день» (стр. 90). Впервые — «Неизданные стихотворения».

«Я и молод, и свеж, и влюблен» (стр. 90). Впервые — «Лебедь», 1908, № 1. В первой строке — отзвук стихов Я. П. Полонского («Качка в бурю»): «Снится мне: я свеж и молод, Я влюблен, мечты кипят. . . . .», запомнившихся Блоку еще в раннем детстве, о чем он упомянул в своей Автобиографии.

«Ужасен холод вечеров» (стр. 91). Впервые — «Речь», 1908, 17 августа. Дата (указанная самим Блоком) вызывает сомнения, так как черновик помечен: «Ночь на 20 августа».

«Свет в окошке шатался» (стр. 91). Впервые — альманах «Гриф» (1904). Сообщая это стихотворение З. Гиппиус, Блок писал ей 14 сентября 1902 г.: «Пока что разрежаю мою сгущенную, молниеносную атмосферу жестокой арлекинадой, которой стихотворное выражение и посылаю вам» («Литературное наследство», № 27/28, стр. 352). Здесь предвосхищены некоторые мотивы лирической драмы Блока «Балаганчик» (1906); ср. ремарку в драме: «Средневековье. Задумчиво склонившись, она следит за его движениями. Он весь в строгих линиях, большой и задумчивый, в картонном шлеме — чертит перед ней на полу круг огромным деревянным мечом».

«Тебе, Тебе, с иного света» (стр. 92). Впервые — «Общедоступный литературно-художественный альманах» (1911). Окончательный текст — 1908 г.

«Без Меня б твои сны улетали» (стр. 92). Впервые — «Новое слово», 1912, № 8 (под заглавием: «Голос»). Черновик датирован 30 июля 1902 г. Окончательный текст — февраль 1912 г.

«В чужбину по гудящей стали» (стр. 93). Впервые — альманах «Клич» (1915). Третья строфа была написана в январе 1902 г.; черновик первой строфы датирован: «В поезде в Москву 22 августа». Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Золотистою долиной» (стр. 93). Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 5.

«Я вышел в ночь — узнать, понять» (стр. 94). Впервые — альманах «Северные цветы» (1903). В черновике озаглавлено: «Влажный холод». Отмечаем близкое сходство этого стихотворения (по теме, образам, словарю и композиции) со стихотворением Ф. Сологуба «Я ухо приложил к земле», датированным 3 декабря 1900 г. (см. Ф. Сологуб. Собрание сочинений, т. V, СПб., 1913, стр. 113 и 233).

«Давно хожу я под окнами» (стр. 95). Впервые — «Слово», 1908, 17 августа.

«В городе колокол бился» (стр. 95). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. Первоначальный текст был сокращен, очевидно, в 1907 г. В черновике озаглавлено: «(Снова) В поле за Петербургом» (см. выше, стр. 687 — примечание к стихотворению «В день холодный, в день осенний»).

«Я просыпался и всходил» (стр. 96). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

Экклесиаст (стр. 96). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. Стихотворное переложение части (ст. 3—6) XII главы ветхозаветной «Книги Экклесиаста», приписанной в древности царю Соломону. В указанной части «Экклесиаста» речь идет о смерти человека. *Экклесиаст* в переводе с греческого означает: проповедник.

«Она стройна и высока» (стр. 97). Впервые — альманах «Северные цветы» (1903).

«Был вечер поздний и багровый» (стр. 98). Впервые — «Речь», 1907, 25 декабря. В рукописи посвящено И. Д. Менделееву (1883—1936), физику и автору ряда философских работ. В 1904 г. это стихотворение было вычеркнуто цензором в корректуре июньской книжки журнала «Новый Путь».

Старик (стр. 98). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. Посвящено академику А. С. Фаминцыну (1835—1918) — ботанику и физиологу, близкому знакомому Бекетовых.

«При жолтом свете веселились» (стр. 99). Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1.

«Явился он на стройном бале» (стр. 99). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. *Коломбина, Арлекин и Пьеро* — традиционные персонажи итальянской «комедии масок». В обычных комедийных ситуациях Арлекин — злоязычный насмешник и пройдоха, Пьеро — его незадачливый товарищ, Коломбина — жена Пьеро и любовница Арлекина.

«Свобода смотрит в синеву» (стр. 100). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Ушел он, скрылся в ночи́» (стр. 100). Впервые — «Солнце России», 1916, № 7.

Religio

1. «Любил я нежные слова» (стр. 101). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

2. «Безмолвный призрак в терему» (стр. 101). Впервые — альманах «Северные цветы» (1903).

«Вхожу я в темные храмы» (стр. 102) Впервые — альманах «Северные цветы» (1903).

«Будет день, словно миг веселья» (стр.102). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Его встречали повсюду» (стр. 103). Впервые — «Огонек», 1915, № 51 (под заглавием: «Чудак»).

«Разгораются тайные знаки» (стр. 103). Впервые — «Северные записки», 1913, № 4.

«Мне страшно с Тобой встречаться» (стр. 104). Впервые — альманах «Гриф» (1904). В рукописи — эпиграф из З. Гиппиус: «На всех явлениях лежит печать» («Швея», 1901).

«Дома растут, как желанья» (стр. 105). Впервые — альманах «Гриф» (1904). В рукописи озаглавлено: «Декадентское».

РАСПУТЬЯ
(1902—1904)

«Я их хранил в приделе Иоанна» (стр. 106). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В рукописи — позднее приписанное заглавие «Прекрасная Дама». Написано было после решительного объяснения с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г., когда она

согласилась стать женой Блока. Свой дневник 1902 г Блок закончил следующими словами: «Сегодня 7 ноября 1902 года совершилось то, чего никогда еще не было, чего я ждал четыре года» («Литературное наследство», № 27/28, стр. 356). См. ниже, стр. 699 — примечание к стихотворению «Ей было пятнадцать лет. Но по стуку». *Осанна* (в переводе с греческого: спаси же!) — молитвенный возглас, славословие.

Сфинкс (стр. 106). Впервые — «Речь», 1908, 1 января. Окончательный текст — март — апрель 1918 г.

«Загляжусь ли я в ночь на метелицу» (стр. 107). Впервые — «Образование», 1908, № 3.

«Стою у власти, душой одинок» (стр. 107). Впервые — альманах «Проталина» (1907).

«Ушел я в белую страну» (стр. 108). Впервые — «Русь», 1907, 13 апреля. В рукописи и в первой публикации озаглавлено: «Лицемеры». Есть основания полагать, что Блок в этом стихотворении имел в виду «неохристиан» из круга Мережковского — Гиппиус.

«Еще бледные зори на небе» (стр. 109). Впервые — «Нива», 1907, Приложение № 6 (под заглавием: «Иванова ночь»).

Песня Офелии (стр. 109). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 11. Обработано в 1904 г.

«Я, изнуренный и премудрый» (стр. 110). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Царица смотрела заставки» (стр. 111). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. Отражение народно-поэтического предания о Глубинной (или Голубиной) книге, упавшей с неба на землю. Это одно из самых популярных произведений духовной литературы явилось средоточием церковной мудрости русского средневековья. Глубинной книгу называли от глубины премудрости, в ней заключенной, голубиной — по известному символу «святого духа». У Блока это предание переосмыслено в плане противопоставления «глубинной» мудрости и подлинно мудрой «голубиной кротости».

«Все кричали у круглых столов» (стр. 112). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». Об этом стихотворении Блок дважды упоминает в еще не опубликованных письмах к Л. Д. Менделеевой: «Написал хорошие стихи... Они — совсем другого типа — из Достоевского» (26 декабря 1902 г.); «Что Ты скажешь про это? Это — не декадентство? Это не бесформенно. Это просто и бывает в жизни, на тех ее окраинах, когда Ставрогины кусают генералов за ухо. Но это «скорпионисто» и надо будет отдать Брюсову. Здесь не понравится» (28 декабря 1902 г.). *Ставрогин* — один из героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы». *Скорпионисто* — намек на издательство символистов «Скорпион», во главе которого стоял

В. Я. Брюсов. *Здесь* — в редакции «религиозно-философского» журнала «Новый Путь», в кругу Мережковского — З. Гиппиус.

«Покраснели и гаснут ступени» (стр. 112). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Я искал голубую дорогу» (стр. 113). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«На обряд я спешил погребальный» (стр. 113). Впервые — «Слово», 1909, 26 мая.

«Она ждала и билась в смертной муке» (стр. 114). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Запевающий сон, зацветающий цвет» (стр 114). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». Черновик датирован 11 сентября 1902 г.

«Целый год не дрожало окно» (стр. 114). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6. В рукописи и в первых публикациях — эпиграф из В. Брюсова: «В день, когда ангелов к небу поднимутся трубы». *Андрей Белый* — литературный псевдоним Б. Н. Бугаева (1880—1934), поэта, прозаика, виднейшего теоретика символизма, с которым Блок вступил в переписку в январе 1903 г., лично познакомился в январе 1904 г. и с которым в течение всей жизни поддерживал крайне неровные отношения (наиболее близкие в 1904—1905 гг.)

«Я к людям не выйду навстречу» (стр. 115). Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«Днем за нашей стеной молчали» (стр. 115). Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1.

«Разгадал я, какие цветы» (стр. 116). Впервые — «Наша газета», 1908, 16 марта.

«Погружался я в море клевера» (стр. 117). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Зимний ветер играет терновником» (стр. 117). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 11.

«Снова иду я над этой пустынной равниной» (стр. 118). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. В рукописи озаглавлено: «Безумец».

«— Всё ли спокойно в народе?» (стр. 118). Впервые — «Нечаянная Радость». В рукописи посвящено И. Д. Менделееву (см. о нем выше, стр. 695). Во всех дореволюционных изданиях слово *император* (во 2-м стихе) было заменено на *полководец*. *Посохом гонит железным* — образ, заимствованный из Апокалипсиса (II, 27 и XIX, 15).

«Мне снились веселые думы» (стр. 119). Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 5.

«Отворяются двери — там мерцанья» (стр. 119). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Я вырезал посох из дуба» (стр. 120). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«У забытых могил пробивалась трава» (стр. 120). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Я был весь в пестрых лоскутьях» (стр. 121). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

«По городу бегал черный человек» (стр 121). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

«Просыпаюсь я — и в поле туманно» (стр. 122). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Я умер. Я пал от раны» (стр. 122). Впервые — «Слово», 1908, 28 декабря.

«Если только она подойдет» (стр. 123). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907).

«Когда я стал дряхлеть и стынуть» (стр. 123). Впервые — «Наша жизнь», 1906, 11 марта. В рукописи — три варианта заглавия: «Еще старик», «Старик» и «Поэт» (последнее сохранено и в первой публикации). В примечаниях в «Собр. стих.» Блок отметил, что «выражение *бессмертная пошлость* принадлежит Тютчеву». Стихотворение было вызвано впечатлениями буржуазного курортного быта в Бад-Наугейме (ср. письмо Блока к Л. Д. Менделеевой от 31 мая 1903 г. — «Звезда», 1936, № 8, стр. 259).

«Очарованный вечер мой долог» (стр. 124). Впервые — «Межа», 1908 27 октября. Первоначальный текст был сокращен, очевидно, в 1908 г.

«Сердито волновались нивы» (стр. 125). Впервые — «Слово», 1908, 27 июля. В рукописи озаглавлено: «Фантазия».

«Скрипка стонет под горой» (стр. 125). Впервые — «Нива», 1907, Приложение № 3.

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку» (стр. 126). Впервые — «Слово», 1909, 31 января. В стихотворении биографически достоверно изложены обстоятельства встречи Блока с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г. на балу в Дворянском собрании, их решительного объяснения и следующей встречи, 9 ноября, в Казанском соборе. См. выше, стр. 696 — примечание к стихотворению «Я их хранил в приделе Иоанна».

Двойник (стр. 126). Впервые — «Нечаянная Радость». Первоначальный текст был сильно сокращен и переработан 24 февраля 1906 г.

Вербная суббота (стр. 128). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. Черновой набросок датирован апрелем 1903 г.

«Сижу за ширмой. У меня» (стр. 128). Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1 (под заглавием: «Испуганный» и с подзаголовком: «Иммануил Кант»). Как указал Блок в примечаниях в «Собр. стих.», это стихотворение было внушено ему «Трансцендентальной эстетикой» Канта. Самый образ человека, прячущегося за ширмой, Блок заимствовал из «Драматической симфонии» А. Белого (М., 1902, стр. 24), где описан «молодой философ», который, прочитав в «Критике чистого разума» Канта о пространстве и времени как априорных формах познания, придумывает — «нельзя ли заставить себя ширмами, спрятавшись и от времени и от пространства». Тема Канта в переплетении с темой «страха» возникла в переписке Блока с А. Белым отчасти в связи с приближением столетия со дня смерти немецкого философа (см. Ал. Блок и А. Белый. Переписка, М., 1940, стр. 52, 67—68).

«Когда я уйду на покой от времен» (стр. 129). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Так. Я знал. И ты задул» (стр. 130). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В рукописи — эпиграф из А. Белого:

Образ Возлюбленной —
Образ Возлюбленной —
Вечности.

«Ты у камина, склонив седины» (стр. 130). Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Крыльцо Ее словно паперть» (стр. 131). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. Обработано, вероятно, в 1905 г.

Рассвет (стр. 132). Впервые — «Русь», 1907, Приложение № 31.

Фабрика (стр. 132). Впервые — альманах «Гриф» (1905). В 1904 г. было запрещено цензурой.

«Мы шли на Лидо в час рассвета (стр. 133). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. *Лидо* (итал.) — взморье.

«Мне гадалка с морщинистым ликом» (стр. 133). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В рукописи — зачеркнутое заглавие: «Символ».

«Плачет ребенок. Под лунным серпом» (стр. 134). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». *Иванов* Евгений Павлович

(1880—1942) — литератор, участник символистских изданий, один из самых близких и задушевных друзей Блока.

«Среди гостей ходил я в черном фраке» (стр 135). Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1.

Из газет (стр. 135). Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 4. *Человек с оловянной бляхой на теплой шапке* — городовой.

Статуя (стр. 136). Впервые — альманах «Гриф» (1905). В примечаниях в «Собр. стих.» Блок пояснил, что «стихотворение внушено статуями бар. Клодта на Аничковом мосту в Петербурге».

«По берегу плелся больной человек» (стр. 137). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Ветер хрипит на мосту меж столбами» (стр. 137). Впервые — «Час», 1907, 21 ноября.

«Светлый сон, ты не обманешь» (стр. 138). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Мой любимый, мой князь, мой жених» (стр. 139). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В рукописи — зачеркнутое заглавие: «Вечно». В 1904 г. это стихотворение было вычеркнуто цензором в корректуре июньской книжки журнала «Новый Путь».

Молитвы

1. «Сторожим у входа в терем» (стр. 140). Впервые «Стихи о Прекрасной Даме».

2. Утренняя (стр. 140). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

3. Вечерняя (стр. 141). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

4. Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок») (стр. 142). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907). Шестнадцатый стих относится к В. Брюсову и первоначально читался: «*Великий* маг моей земли». Стихотворение связано с негласной полемикой, которая шла в 1903—1904 гг. между Брюсовым и «младшими» символистами-мистиками (А. Белый, Блок, С. Соловьев и др.). Брюсов возражал против тенденции «младших» сделать поэзию служанкой мистической философии Вл. Соловьева. «Дайте мне быть только слагателем стихов, только художником в узком смысле слова, — все большее довершите вы, молодые», — писал Брюсов Блоку в ноябре 1904 г. («Печать и революция», 1928, № 4, стр. 43). Документом этой полемики служит стихотворение Брюсова «Младшим» («Они Ее видят! Они Ее слышат!»), обращенное к Блоку и Белому и снабженное эпиграфом из Блока: «Там жду я Прекрасной Дамы». «Ночная молит-

ва» Блока является как бы ответом на это стихотворение Брюсова. Ср. заметку П. Перцова «Брюсовское стихотворение «Младшим» (Из литературных воспоминаний)» — «30 дней», 1939, № 10/11, стр. 127.

5. Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен») (стр. 142). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». В рукописи — эпиграф: «. . .не можешь быть стражем кедров ливанских», взятый из масонского журнала Н. И. Новикова — «Утренний свет» (в 1904 г. Блок работал над кандидатским сочинением «Болотов и Новиков»).

«Дали слепы, дни безгневны» (стр. 143). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». Дата уточнена в рукописи: 22 апреля — 20 мая 1904 г. В авторском экземпляре «Собр. стих.», кн. I — помета: «Бился, бился, не мог исправить». В рукописи озаглавлено: «Врубелю», а в примечаниях в «Собр. стих.» Блок указал, что стихотворение «написано под впечатлением живописи Врубеля» (ближе всего — картины его «Царевна-лебедь»). Образы живописи М. А. Врубеля (1856—1910) отразились и в других произведениях Блока («Демон» 1910 г., третья глава поэмы «Возмездие»). В 1910 г. Блок написал статью «Памяти Врубеля» («Собр. соч.», т. IX).

«В час, когда пьянеют нарциссы» (стр. 145). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Вот он — ряд гробовых ступеней» (стр. 146). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». Этим стихотворением завершается первая книга собрания стихов Блока во всех изданиях.

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ВТОРАЯ (1904—1908)

Вступление (стр. 149). Впервые — «Нечаянная Радость». В рукописи озаглавлено: «Молитва».

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ (1904—1905)

Эпиграф — из трагедии Шекспира «Макбет». См. ниже, стр. 718 — примечание к стихотворению «Она пришла с мороза».

«На перекрестке» (стр. 150). Впервые — «Нечаянная Радость». В рукописи датировано: «Май — декабрь 1904» и озаглавлено: «Весеннее».

Болотные чертенятки (стр. 151). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. В отдельном автографе было озаглавлено: «Чертенята-двойники», с подзаголовком: «Мокрая сказка». *Ремизов* Алексей Михайлович (род. 1877 г.) — писатель-символист, прозаик и драматург, особенно охотно разрабатывавший темы и мотивы ска-

зочного фольклора, истолковывая их в реакционном духе; после Октября — белоэмигрант. Блок сблизился с Ремизовым в январе 1905 г. и поддерживал с ним дружеские отношения.

«Я живу в отдаленном скиту» (стр. 152). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6.

Твари весенние (стр. 153). Впервые — «Весы», 1906, № 5. *Гиппиус* Татьяна Николаевна — художница, в 1906 г. написавшая портрет Блока. По свидетельству А. Белого, Блок «очень любил и с удовольствием долго рассматривал» рисунки Т. Гиппиус в ее альбоме «Kindisch», заполненном изображениями различных фантастических «тварей» и чертенят (см. «Эпопея», 1922, № 3, стр. 214). *Купальница* — то же, что купава, луговой цветок.

Болотный попик (стр. 154). Впервые — «Весы», 1906, № 5.

«На весеннем пути в теремок» (стр. 155). Впервые — «Весы», 1906, № 5. *Таль* — здесь: оттепель. В примечаниях в «Собр. стих.» Блок пояснил: «Слово «таль» старое русское. Оно встречалось еще в XVIII веке — у А. Т. Болотова».

«Полюби эту вечность болот» (стр. 156). Впервые — «Слово», 1906, 26 июня.

«Белый конь чуть ступает усталой ногой» (стр. 156). Впервые — «Слово», 1906, 15 июня. В черновике — помета: «Белый конь умер». *Змеевик* — общее название ряда травянистых растений.

«Болото — глубокая впадина» (стр. 157). Впервые — «Нечаянная Радость».

Старушка и чертенята (стр. 157). Впервые — «Слово». 1906, 2 апреля. Посвящение носит шуточный характер: *Григорий Е.* — это еж, прирученный Блоком и живший у него в Шахматове летом 1905 г. *Троица* — монастырь Троице-Сергиевой лавры (ныне Загорск).

«Осень поздняя. Небо открытое» (стр. 158). Впервые — «Нечаянная Радость».

Эхо (стр. 159). Впервые — «Золотое руно», 1906, № 4. *Эхо* — в греческой мифологии нимфа, олицетворение эха.

Пляски осенние (стр. 160). Впервые — «Золотое руно», 1906, № 7. В рукописи и в первых публикациях посвящено А. Белому. *Осенницы* — словообразование Блока, своего рода нимфы — спутницы Осени.

НОЧНАЯ ФИАЛКА
(1906)

(Стр. 162)

Впервые — «Нечаянная Радость». «Эта поэма — почти точное описание виденного мною сна, — пояснил Блок в примечании в «Собр. стих.». В письме Блока к Е. П. Иванову от 3 декабря 1905 г.

читаем: «16 ноября мне приснилось нечто, чем я живу до сих пор. Такие изумительные сны бывают раз в год — два года» («Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову», М.—Л., 1936, стр. 45). Сохранилась стихотворная запись этого сна, датированная 18 ноября 1905 г. и представляющая собою своего рода план поэмы (см. «Записные книжки», стр. 50—54). Запись эту Блок обрабатывал в течение зимы 1905—1906 г. и позже; 7 мая 1906 г. он сообщил В. А. Пясту: «Дописал поэму, о которой думал полгода» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923, стр. 82). Черновик поэмы свидетельствует, однако, что Блок и впоследствии вносил в него исправления. В октябре 1906 года он писал В. Я. Брюсову: «Поэму «Ночная Фиалка» я никуда не отдавал, и ужасно хотел бы, чтобы она появилась до сборника. Она мне до сих пор нравится. Если бы она могла попасть в «Весы», я был бы очень счастлив» (неизданное письмо, архив В. Я. Брюсова).

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1904—1908)

«Жду я смерти близ денницы» (стр. 171). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (под заглавием: «Подражание»). В рукописи — эпиграф из В. Брюсова: «Приходи путем знакомым», отсылающий к стихотворению «Призыв», которое по цензурным условиям не вошло в сборник Брюсова «Urbi et Orbi» (М., 1903), но распространилось в литературных кругах (напечатано было позже — в «Золотом руне», 1906, № 1). Сообщая свое «Подражание» С. Соловьеву, Блок писал: «Скандировать на голос Валерия Брюсова: „Приходи путем знакомым"» («Письма», стр. 74). *Семенов* Леонид Дмитриевич (1884—1917) — товарищ Блока по университету, поэт-символист; в 1905 г. ушел «в народ», сблизился с сектантами, позже — с толстовцами, прекратив литературную деятельность. Блок сочувственно отозвался о творчестве Л. Семенова в рецензии на его «Собрание стихов» («Собр. соч.», т. X, стр. 261).

«Ты оденешь меня в серебро» (стр. 171). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6.

Взморье (стр. 172). Впервые — альманах «Гриф» (1904).

«Поет, краснея, медь. Над горном» (стр. 173). Впервые — «В мире искусств», 1908, № 1 (под заглавием «Святой»).

«Зажигались окна узких комнат» (стр. 173). Впервые — «Нечаянная Радость».

«Нежный! У ласковой речки» (стр. 174). Впервые — «Слово», 1906, 6 февраля (под заглавием «Летний сон», с подзаголовком: «Пастораль»). Окончательный текст — январь 1906 г. *Федор Смородский* — мелкий поэт 1900-х годов, писавший также под псевдонимом Ф. Ладо-Светогорский. Отрицательный отзыв Блока о сборнике стихов Смородского «Новые мотивы» (1903) см. в «Собр. соч.», т. X, стр. 218. Лично к Смородскому Блок относился с приязнью и еще в 1912 г. переписывался с ним (см. «Дневник» I, стр. 19).

«Тяжко нам было под вьюгами» (стр. 175). Впервые — «Наша жизнь», 1906, 16 апреля. Третья строфа — вариант строфы из стихотворения 1901 г. «Встану я в утро туманное».

Ночь (стр. 175). Впервые — «Слово», 1906, 12 июня.

«Вот — в изнурительной работе» (стр. 176). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907), под заглавием: «Искушение». *Тали* — здесь: талая оттаявшая земля.

Ее прибытие

Впервые — «Собр. стих.», кн. II. Окончательный текст — 1906—1907 гг. В рукописи озаглавлено: «Из поэмы «Прибытие Прекрасной Дамы» (первые 7 глав)». Первоначальное заглавие третьей главы: «Песня рабочих». В примечаниях в «Собр. стих.» Блок писал: «Я решаюсь поместить здесь эту слабую и неоконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, как посвященная разным „несбывшимся надеждам" (по моему тогдашнему замыслу). Все ее части были напечатаны в виде отдельных стихотворений в разных журналах. Развитие той же темы — в лирической драме „Король на площади"». Ср. предисловие Блока к сборнику «Нечаянная Радость» (стр. 641 наст. тома). Первоначальные публикации отдельных стихотворений:

1. Рабочие на рейде (стр. 177). — «Перевал», 1906, № 2.
2. Так было (стр. 178). — «Студенческая речь», 1907, 22 ноября.
3. Песня матросов (стр. 178). — «Трудовой путь», 1908, № 1.
4. Голос в тучах (стр. 179) — «Трудовой путь», 1907, № 3.
5. Корабли идут (стр. 180). — «Перевал», 1906, № 2.
6. Корабли пришли (стр. 181) — «Нива», 1907, № 2.
7. Рассвет (стр. 182) — «Образование», 1907, № 11.

Моей матери (стр. 183). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6.

«Все отошли. Шумите, сосны» (стр. 184). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6.

«Шли на приступ. Прямо в грудь» (стр. 185). Впервые — «Наша жизнь», 1905, 26 ноября (этот номер иллюстрированного приложения к газете был конфискован полицией). Отклик на «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г.

Влюбленность (стр. 185). Впервые — «Золотое руно», 1906, № 1. «Стихотворение внушено старым замком города Friedberg'a (Hessen), описанию которого посвящена моя статья „Девушка розовой калитки и муравьиный царь"» (примечание Блока в «Собр.

стих.», кн. II). Указанную статью см. в «Собр. соч.», т. IX; ср. письмо Блока к Л. Д. Менделеевой от 24 июня 1903 г. («Звезда», 1936, № 8, стр. 260).

«Она веселой невестой была» (стр. 186). Впервые — «Золотое руно», 1906, № 4.

«Не строй жилищ у речных излучин» (стр. 188). Впервые — «Нечаянная Радость». *Чулков* Георгий Иванович (1879—1939) — писатель-символист, поэт, прозаик, драматург и критик-литературовед. Блок познакомился и сблизился с ним весной 1904 г., поддерживал дружеские отношения до 1908 г.

«Потеха! Рокочет труба» (стр. 188). Впервые — «Нечаянная Радость». *Слова слаще звуков Моцарта* — цитата из либретто оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». Интересные замечания Блока в связи с этим либретто см. в его письме к П. П. Перцову от 31 января 1906 г. (П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922, стр. 45).

Балаганчик (стр. 189). Впервые — «Нечаянная Радость». В рукописи это стихотворение объединено с двумя следующими («Поэт» и «У моря») общим заголовком: «Сказки». В примечаниях в «Собр. стих.», кн. II Блок указал: «Развитие этой темы — в лирической драме того же имени; те же мотивы встречаются и в „Стихах о Прекрасной Даме"» (см., например, стихотворение 1902 г. «Свет в окошке шатался»).

Поэт (стр. 190). Впервые — «Нечаянная Радость».

У моря (стр. 191). Впервые — «Нечаянная Радость». В примечаниях в «Собр. стих.», кн. II Блок отметил сказавшееся здесь «влияние Метерлинка».

Моей матери (стр. 192). Впервые — «Нечаянная Радость».

«Старость мертвая бродит вокруг» (стр. 192). Впервые — «Слово», 1906, 20 марта.

«В туманах, над сверканьем рос» (стр. 193). Впервые — «Нечаянная Радость».

Осенняя воля (стр. 194). Впервые — альманах «Факелы», I (1906). *Рогачевское шоссе* — вблизи Шахматова. Тема этого стихотворения была разработана Блоком в статье 1906 г. «Безвременье» («Собр. соч.», т. IX).

«Не мани меня ты, воля» (стр. 195). Впервые — «Образование», 1908, № 3. Первоначальный набросок относится к июлю 1904 г.

«Оставь меня в моей дали» (стр. 195). Впервые — «Слово», 1906, 6 марта.

«Девушка пела в церковном хоре» (стр. 196). Впервые — «Наша жизнь», 1906, 18 февраля.

«В лапах косматых и страшных» (стр. 196). Впервые — «Золотое руно», 1906, № 4 (под заглавием: «Сон»).

«Там, в ночной завывающей стуже» (стр. 197). Впервые — «Золотое руно», 1906, № 11/12. В рукописи озаглавлено: «Магическое». Истолкование этого стихотворения — в статьях Блока «Безвременье» и «О современном состоянии русского символизма» («Собр. соч.», т. IX).

«Утихает светлый ветер» (стр. 198). Впервые — «Весы», 1906, № 5. В рукописи — дата: «Август (21) — сентябрь». В черновике — заглавие: «Примитивы».

«В голубой далекой спаленке» (стр. 198). Впервые — «Весы», 1906, № 5.

«Вот он — Христос — в цепях и розах» (стр. 199). Впервые — «Весы», 1906, № 5. Один из черновых набросков относится к лету 1904 г. «Стихотворение навеяно теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова» (примечание Блока в «Собр. стих.», кн. II).

«Так. Неизменно всё, как было» (стр. 200). Впервые — «Весы», 1906, № 5.

«Прискакала дикой степью» (стр. 201). Впервые — «Нечаянная Радость».

Сказка о петухе и старушке (стр. 201). Впервые — «Наша жизнь», 1906, 8 февраля.

«Милый брат! Завечерело» (стр. 202). Впервые — альманах «Корабли» (1907). В рукописи озаглавлено: «Боре» (т. е. Б. Н. Бугаеву — Андрею Белому), в первых публикациях — «Брату» (с пометой: «Ст. Ланская Финл. ж. д.»). В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «О несказанном» и эпиграф из Вл. Соловьева:

> В царство времени всё я не верю,
> Силу сердца еще берегу,
> Роковую не скрою потерю,
> Но сказать «навсегда» — не могу.

Смысл этого эпиграфа раскрывается, если учесть, что в 1908 г. Блок был в ссоре с А. Белым. Строки 15—16 имеют своим источником «Драматическую симфонию» А. Белого (М., 1902, стр. 141): «Это будут *новые* времена и *новые* пространства». *Сестра* — Л. Д. Менделеева-Блок.

«Ты придешь и обнимешь» (стр. 204). Впервые — «Нечаянная Радость». В рукописи — пометa: «Набросано весной 1905 г.».

«Мы подошли — и воды синие» (стр. 204). Впервые — «Слово», 1906, 20 марта. В рукописи — помета: «Наброс. летом 1905. Оконч. 25 янв. 1906».

Вербочки (стр. 205). Впервые — «Тропинка», 1906, № 6 (под заглавием «Вербная суббота»). В рукописи после второй строфы зачеркнуты еще две (с пометой: «Не синодально»):

И на сонной улице
За углом целуются
Невеста и жених.

Огонек, не гасни-ка,
Быть бы нам у праздника,
Не взглянуть на них!

Помета объясняется тем, что стихотворение предназначалось для детского букваря, издававшегося по заказу Святейшего Синода.

Иванова ночь (стр. 205). Впервые — «Нечаянная Радость». *«В волшебстве этом* — музыкальное сочетание слов из стихотворения Фета» (примечание Блока в «Собр. стих.», кн. II). Отзвук народно-поэтического предания о цветах папоротника, появляющихся только в Иванову ночь (с 23 на 24 июня), когда праздновался древний народный праздник Купала.

Сóльвейг (стр. 206). Впервые — «Слово», 1906, 18 апреля. В примечаниях в «Собр. стих.» Блок указал, что драматической поэмой норвежского писателя Генрика Ибсена (1828—1906) «Пер Гюнт» «навеяны и женственный образ Сóльвейг и другие образы этого стихотворения». *Сóльвейг* в буквальном переводе означает: Солнечный путь. См. также стихотворение «Сóльвейг! О, Сóльвейг! О, Солнечный Путь!», написанное в декабре 1906 г. *Городецкий* Сергей Митрофанович (род. в 1884 г.) — поэт и беллетрист, примыкавший к символистам; Блок поддерживал с ним близкие отношения в 1905—1908 гг.

«Ты был осыпан звездным цветом» (стр. 207). Впервые — «Нечаянная Радость». *Ганс Гюнтер* — немецкий поэт, одно время живший в Петербурге; принадлежал к кружку учеников Стефана Георге; первый переводчик стихов Блока на немецкий язык. В 1947 г. в Мюнхене вышел в свет большой сборник произведений Блока (лирика, «Двенадцать», лирические драмы) в переводе Г. Гюнтера и с его обширной статьей о Блоке, основанной в значительной части на личных воспоминаниях.

«Прошли года, но ты — всё та же» (стр. 208). Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 12. Окончательный текст — сентябрь 1906 г.

Ангел-хранитель (стр. 209). Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 6. По докладу цензора Н. Лебедева, который охарактеризовал это стихотворение как проникнутое «революционной тенденцией» и «воспевающее, в сущности, хотя и в несколько туманной форме, политическое убийство» (имелся в виду стих «За то, что хочу и не смею убить»), этот номер журнала был конфискован, а против редактора журнала Главным управлением по делам печати было предпринято судебное преследование за «возбуждение к тяжким и преступным деяниям» (см. О. Цехновицер. Символизм и царская цензура — «Ученые записки ЛГУ», № 76, 1941, стр. 293). Обращено к Л. Д. Блок. В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпиграф из Вл. Соловьева: «Мой жестокий, мой сладостный друг».

Деве-Революции (стр. 210). Впервые — «Неизданные стихотворения». *Малиновая гора* — возле Шахматова.

«Шлейф, забрызганный звезда́ми» (стр. 210). Впервые — альманах «Корабли» (1907), под заглавием «Деве Млечного Пути».

Русь (стр. 211). Впервые — «Золотое руно», 1907, № 6. В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Тютчева:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

В «Собр. стих.», кн. II Блок снабдил это стихотворение следующим примечанием: «„Мутный взор колдуна"», чарование злаков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом нож на изменившего милого, — всё это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний, — см. мою статью „О заговорах и заклинаниях"» (статью эту см. в «Собр. соч.», т. XI).

Сын и мать (стр. 212). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907). В авторском экземпляре второй книги «Собр. стих.» — помета Блока, датированная 4 марта 1915 г.: «Оказывается, в то время я не умел выдержать почти ни одного длинного стихотворения!»

«Нет имени тебе, мой дальний» (стр. 213). Впервые — «Золотое руно», 1907, № 2.

Тишина цветет (стр. 215). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907), под заглавием: «Надпись на книге стихов» (очевидно, имелся в виду второй сборник лирики Блока — «Нечаянная Радость», вышедший в свет в декабре 1906 г.).

«Так окрыленно, так напевно» (стр. 215). Впервые — «Белые ночи» (1907). Окончательный текст — 1915 г. Стихотворение это отдельными образами связано с «Легендой о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» Виктора Гюго, которая, по словам Блока, «помогла» ему «полюбить средние века в дни его молодости»

(см. предисловие Блока к русскому переводу «Легенды» — «Собр. соч.», т. XI, стр. 203).

«Ты можешь по траве зеленой» (стр. 216). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907), под заглавием: «Мещанке».

«Ищу огней — огней попутных» (стр. 217). Впервые — «В мире искусств», 1907, № 11/12 (под заглавием: «Колдунья»). *Золотой* — золотая монета, червонец.

«О жизни, догоревшей в хоре» (стр. 218). Впервые — «Золотое руно», 1907, № 2 (под заглавием: «Молитва»).

«В синем небе, в темной глуби» (стр. 219). Впервые — «Нива», 1908, Приложение № 5.

Балаган (стр. 220). Впервые — «Образование», 1907, № 3, Эпиграф взят из пьесы Александра Дюма «Кин, или Гений и беспутство» (1831). *Эдмонд Кин* (1787—1833) — английский актер, прославившийся в ролях шекспировского репертуара.

«Твоя гроза меня умчала» (стр. 221). Впервые — «Нива», 1907, Приложение № 3.

«В час глухой разлуки с морем» (стр. 221). Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 5.

«Сóльвейг! О, Сóльвейг! О, Солнечный Путь!» (стр. 222). Впервые — альманах «Проталина» (1907). См. выше, стр. 708 — примечание к стихотворению «Сóльвейг». *Тролли* — в скандинавской мифологии фантастические существа: великаны, карлики, ведьмы, волшебники и т. п.

«В серебре росы трава» (стр. 222). Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 12 (под заглавием: «Заклинание»). Окончательный текст — 1908 г. (один из черновиков датирован этим годом, с пометой: «Опять за это»).

Усталость (стр. 223). Впервые — альманах «Цветник ор» (1907).

«Придут незаметные белые ночи» (стр. 223). Впервые — альманах «Цветник ор» (1907).

«Зачатый в ночь, я в ночь рожден» (стр. 224). Впервые — «Золотое руно», 1907, № 6 (под заглавием: «Судьба»). В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Л. Андреева: «Не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем» («Жизнь Человека»).

«С каждой весною пути мои круче» (стр. 225). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907).

Девушке (стр. 226). Впервые — альманах «Шиповник» III (1908).

«Сырое лето. Я лежу» (стр. 226). Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930). Это стихотворение (очевидно, не вполне отделанное) тесно примыкает к циклу «Вольные мысли», над которым Блок работал в том же июне 1907 г. В черновике — первоначальный вариант 11-го стиха: «То место в книжке Бебеля...», из которого следует, что Блок имел в виду книгу немецкого социалиста Августа Бебеля (1840—1913) «Женщина и социализм» (русское издание — 1905 г.), в которой доказывалось, что женщина в условиях буржуазного строя обречена на домашнее рабство. *Я знаю женщину...* — имеется в виду несомненно Н. Н. Волохова (см. о ней ниже, стр. 716).

«Везде — над лесом и над пашней» (стр. 227). Впервые — альманах «Корона» (1908), в качестве Вступления к циклу «Подруга светлая» (стихотворения 1899—1907 гг.).

«Когда я создавал героя» (стр. 228). Впервые — «Текущая жизнь», 1909, № 1. В рукописи — помета: «По дороге в Киев».

«Всюду ясность божия» (стр. 228). Впервые — «Столичная почта», 1908, 2 марта. В рукописи — помета: «По ж. д. в Киев (октябрь, 1907) — Ревель (февраль 1908)».

«Она пришла с заката» (стр. 229). Впервые — «Образование», 1908, № 2 (под заглавием: «Пришлица»).

«Стучится тихо. Потом погромче» (стр. 229). Впервые — «Слово», 1909, 19 апреля. Окончательный текст — очевидно, 1915 г.

«Я миновал закат багряный» (стр. 230). Впервые — «Образование», 1908, № 6 (под заглавием: «Вечная встреча»). Черновой набросок относится к октябрю 1907 г., окончательный текст — февраль 1908 г. В черновике связано со стихотворением «Перехожу от казни к казни» (из цикла «Заклятие огнем и мраком»).

«В глубоких сумерках собора» (стр. 230). Впервые — «Лебедь», 1909, № 8. Окончательный текст — 1917 г. В рукописи — заглавие: «Ответ Ивану Рукавишникову», позже измененное на: «Ответ», с подзаголовком: «Незнакомка — смертному». Является ответом на стихотворение поэта-символиста И. С. Рукавишникова (1877—1930) «Вешаю свиток в притворе храма» (см. И. Рукавишников. Книга X. Стихотворения, М., 1915, стр. 102; там же, на стр. 145 — ответное послание: «Стихам Александра Блока»).

«Твое лицо мне так знакомо» (стр. 231). Впервые — «Образование», 1908, № 9/10 (под заглавием: «К неизвестной»).

ГОРОД
(1904—1908)

Последний день (стр. 233). Впервые — «Перевал», 1907, № 7. Окончательный текст — 1915 г. В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпиграф из «апокалиптического» стихотворения В. Брю-

сова «Конь Блед»: «Люди! Вы ль не узнаете божией десницы?» В примечаниях в «Собр. стих.», кн. II Блок отметил сказавшееся здесь «влияние „Коня Бледа" В. Брюсова».

Петр (стр. 234). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907), где объединено со следующим стихотворением («Поединок») общим заголовком: «Петербургская поэма». Оба эти стихотворения тесно связаны со статьей Е. П. Иванова «Всадник» (опубликованной в том же альманахе «Белые ночи»), в которой в апокалиптических образах раскрывается тема Петербурга как «страшного мира». В примечаниях в «Собр. стих.», кн. II Блок указал, что его стихотворение внушено памятником Петру I работы Фальконе («Медный всадник»).

Поединок (стр. 235). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907). С. Соловьев в своих воспоминаниях о Блоке, касаясь поездки его в Москву в январе 1904 г., писал: «Блок вернулся в Петербург завзятым москвичом. Петербург и Москва стали для него символами двух непримиримых начал. Все в Москве ему нравилось... Вскоре после возвращения в Петербург Блок написал длинное стихотворение, где изображалась борьба Петербурга с Москвой, антихриста Петра с патроном Московской Руси — св. Георгием Победоносцем, кончающаяся победой „светлого мужа" и явлением „Девы алых вечеров"» («Письма», стр. 24—25). *Вечерница* — вечерняя звезда, вечерняя заря.

Обман (стр. 236). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме». Очевидно, это стихотворение в первую очередь имел в виду Блок, когда писал С. Соловьеву 8 марта 1904 г.: «Пишу стихи длинные, часто совершенно неприличные, которые однако нравятся мне больше прежних и кажутся сильнее. Не ругай за неприличие, сквозь него во мне *всё то же,* что в прежнем «расплывчатом», но в формах крика, безумий и часто мучительных диссонансов» («Письма», стр. 73).

«Вечность бросила в город» (стр. 237). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме».

«Город в красные пределы» (стр. 238). «Стихи о Прекрасной Даме». Окончательный текст — 1915 г.

«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль» (стр. 238). Впервые — «Нечаянная Радость». Окончательный текст — январь 1906 г.

Гимн (стр. 239). Впервые — альманах «Гриф» (1905). Окончательный текст — 1915 г. Очевидно, о «Гимне» Блок сообщил матери 28 августа 1904 г.: «Я написал стихи, которые мне нравятся, но длинные, потому не пишу тебе» («Письма к родным», стр. 125).

«Поднимались из тьмы погребов» (стр. 240). Впервые — «Нечаянная Радость» (под заглавием: «Пришлецы»).

«В высь изверженные дымы» (стр. 241). Впервые — альманах «Гриф» (1905), под заглавием: «Вечер». *Сибилла* (сивилла) — пророчица.

«В кабаках, в переулках, в извивах» (стр. 242). Впервые — «Весы», 1906, № 5.

«Барка жизни встала» (стр. 243). Впервые — «Наша жизнь», 1905, 26 ноября (этот номер газеты был конфискован полицией).

«Улица, улица» (стр. 244). Впервые — «Час», 1907, 21 ноября.

Повесть (стр. 244). Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 4/5.

Песенка (стр. 246). Впервые — «Нечаянная Радость».

«Я вам поведал неземное» (стр. 246). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907).

Невидимка (стр. 247). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907). *Красный фонарик* — опознавательный знак дома терпимости. *На Звере Багряном Жена* — образ «великой блудницы» в Апокалипсисе (XVII, 3).

Митинг (стр. 248). Впервые — «Нечаянная Радость». «Влияние перевода Бальмонта „Баллады Рэдингской тюрьмы" Уайльда» (примечание Блока в «Собр. стих.», кн. II).

«Вися над городом всемирным» (стр. 250). Впервые — «Наша жизнь», 1905, 26 ноября (этот номер газеты был конфискован полицией). Это стихотворение (как и следующее — «Еще прекрасно серое небо») было написано в день опубликования царского манифеста о введении конституции, которую Блок по справедливости оценил как обман революционных чаяний и надежд народа. К последней строфе в авторском экземпляре II книги «Собр. стих.» сделана помета: «Плохо выражено». *Город всемирный* — Петербург. *Предок царственно-чугунный* — памятник Петру I («Медный всадник»).

«Еще прекрасно серое небо» (стр. 250). Впервые — «Нечаянная Радость». Блок писал Е. П. Иванову 16 октября 1905 г.: «На Зимнем дворце теперь можно наблюдать на крыше печального латника с опущенным мечом. Острый профиль его грустит на сером небе. Петербург упоительнее всех городов мира, я думаю, в эти октябрьские дни» («Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову», М.—Л., 1936, стр. 43).

«Ты проходишь без улыбки» (стр. 251). Впервые — «Нечаянная Радость». *К стихам 5—6.* В записной книжке Блока

1902 г. имеется такая запись: «Отдаленное сходство в чертах богородиц и проходящих женщин».

Перстень-страданье (стр. 252). Впервые — «Нечаянная Радость». Окончательный текст — 1915 г.

Сытые (стр. 253). Впервые — «Наша жизнь», 1905, 23 ноября. В примечаниях в «Собр. стих.», кн. II Блок указал, что это стихотворение является откликом на массовые забастовки в Петербурге в октябре 1905 г.; в частности, тогда бастовала столичная электростанция.

«Лазурью бледной месяц плыл» (стр. 254). Впервые — «Нечаянная Радость». Первоначальный набросок относится к январю 1905 г.

«Твое лицо бледней, чем было» (стр. 255). Впервые — альманах «Корабли» (1907), под заглавием: «Незнакомка» и с эпиграфом: «Глухие тайны мне поручены» (из стихотворения Блока «Незнакомка»).

Незнакомка (стр. 256). Впервые — «Нечаянная Радость». В примечаниях в «Собр. стих.», кн. II Блок указал, что в его лирической драме «Незнакомка» (1906) развита тема этого стихотворения (а также и некоторых других — «Там дамы щеголяют модами», «Твое лицо бледней, чем было», «Там, в ночной завывающей стуже» и «Шлейф, забрызганный звездами»). *Чуть золотится крендель булочной...* — В дореволюционное время вывески булочных украшались золоченым изображением кренделя. *Озерки* — пригородная дачная местность под Петербургом.

«Там дамы щеголяют модами» (стр. 257). Впервые — «Собр. стих.», кн. II (под заглавием: «Незнакомка (Вариант)»).

«Передвечернею порою» (стр. 258). Впервые — «Одесские новости», 1908, 7 февраля (под заглавием: «Видение»).

Холодный день (стр. 259). Впервые — «Образование», 1908, № 3. В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Гейне (в переводе М. Л. Михайлова):

Солнца, счастья шел искать...
И белье и упованья
Истаскал в своем скитанье.

В октябре (стр. 260). Впервые — «Перевал», 1907, № 7.

«К вечеру вышло тихое солнце» (стр. 261). Впервые — «Земля в снегу» (под заглавием: «После ночной попойки»). Окончательный текст — февраль 1907 г.

«Ночь. Город угомонился» (стр. 262). Впервые — «Земля в снегу» (под заглавием: «Ночной разговор» и с эпиграфом

из эпиграммы Платона: «'Αδτε'ρας εισαϑρεις, 'Αδτη'ρ ἐμός» — «Ты смотришь на звезды, Звезда моя!»). Окончательный текст — февраль 1907 г.

«Я в четырех стенах — убитый» (стр. 263). Впервые — «Русь», 1907, 26 мая.

Окна во двор (стр. 263). Впервые — «Золотое руно», 1907, № 6.

«Хожу, брожу понурый» (стр. 264). Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 10 (под заглавием: «Старые мысли»).

Пожар (стр. 265). Впервые — альманах «Жизнь» (1908). Окончательный текст — 1917 г.

«На серые камни ложилась дремота» (стр. 266). Впервые — альманах «Проталина» (1907).

«Ты смотришь в очи ясным зорям» (стр. 267). Впервые — альманах «Белые ночи» (1907). В сборнике «Земля в снегу» озаглавлено: «Напрасно». Окончательный текст — 1907 г.

На чердаке (стр. 268). Впервые — «Образование», 1907, № 7.

Клеопатра (стр. 269). Впервые — альманах «Шиповник» IV (1908). В 1907 г. Блок часто посещал открытый в Петербурге *паноптикум* (музей восковых фигур), где была выставлена фигура Клеопатры, снабженная особым механизмом, благодаря чему создавалось впечатление, будто Клеопатра дышит. По преданию, Клеопатра покончила с собой, приложив к груди ядовитую змею. Юлий Цезарь был влюблен в Клеопатру.

Не пришел на свиданье (стр. 270). Впервые — «Земля в снегу».

СНЕЖНАЯ МАСКА
(1907)
(Стр. 272)

Блок однажды заметил, что в январе 1907 г., когда была написана «Снежная маска», он «слепо отдался стихии» («Собр. соч.», т. VIII, стр. 239). Действительно, все тридцать стихотворений, составляющих этот цикл, названный в рукописи «лирической поэмой», были созданы в короткий срок — в течение двух недель, причем иногда Блок писал до шести стихотворений в день (как, например, 3 января 1907 г.). «Всё это стихи... писанные залпом на этих днях, — писал Блок В. Я. Брюсову 13 января 1907 г., — пока неожиданные и во всяком случае новые для меня самого» (неизданное письмо, архив В. Я. Брюсова). «Снежная маска» была написана

под впечатлением встречи и знакомства с актрисой драматического театра В. Ф. Коммиссаржевской — *Натальей Николаевной Волоховой,* которой и посвящена (как и следующий за ней цикл «Фаина» и вообще большинство стихов 1907 г.; образ Н. Н. Волоховой отразился также и в драматургии Блока — Фаина в «Песне Судьбы»). Впервые «Снежная маска» была опубликована отдельной книжкой (изд-во «Оры», СПб.), вышедшей в свет 8 апреля 1907 г. Книжка открывается следующим посвящением: «Посвящаю эти стихи *Тебе,* высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города». Интересное высказывание Блока о «Снежной маске» содержится в письме его к В. Я. Брюсову от 24 марта 1907 г.: «. . .я стараюсь всё больше отдавать в стихи то, что им преимущественно свойственно — песню и лирику, и выражать в драме и прозе то, что прежде поневоле выражалось только в стихах. Однако «Нечаянная Радость» еще далеко не целиком проводит этот принцип равномерного распределения материала, и, конечно, поэтому я не сумел адэкватно воплотить в слова свои переживания. Следующая моя книжка <то есть «Снежная маска». — *В. О.*>. . . будет, кажется, цельнее, и отступлений от лирики в лирике, как это было со мной, — в ней уже меньше» («Литературный современник», 1936, № 9, стр. 202). Вскоре после выхода в свет «Снежной маски» Блок писал о ней Н. Н. Русову: «Книжка до последней степени субъективная, доступная самому маленькому кружку. Я отвыкаю уже и от этой книжки, хотя она и последняя. «Нечаянная Радость» всё же лучше» («Вестник литературы», 1921, № 10 (34), стр. 16).

ФАИНА
(1906—1908)

«Вот явилась. Заслонила» (стр. 298). Впервые — альманах «Шиповник» II (1907), — с посвящением Н. Н. Волоховой.

«Я был смущенный и веселый» (стр. 299). Впервые — в альманахе «Шиповник» II (1907), — с посвящением Н. Н. Волоховой.

«Я в дольний мир вошла, как в ложу» (стр. 299). Впервые — альманах «Шиповник» II (1907). *Н. Н. В.* — Н. Н. Волохова. В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Аполлона Григорьева:

Над тобою мне тайная сила дана,
Это — сила звезды роковой.
Есть преданье, — сама ты преданий полна, —
Так послушай. . .

«Ушла. Но гиацинты ждали» (стр. 300). Впервые — альманах «Цветник ор» (1907). В рукописи озаглавлено: «Послание NN» (Н. Н. Волоховой). В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Вл. Соловьева:

И к мидианке на колени
Склоняю праздную главу.

«З а х о л м о м о т з в е н е л и у п р у г и е л а т ы» (стр. 301). Впервые — «Слово», 1908, 24 августа.

«Я н а с а д и л м о й с в е т л ы й р а й» (стр. 302). Впервые — альманах «Цветник ор» (1907), под заглавием: «В раю».

«В э т о т с е р ы й л е т н и й в е ч е р» (стр. 302). Впервые — альманах «Шиповник» III (1907). В сборнике «Земля в снегу» озаглавлено: «Цыганка».

О с е н н я я л ю б о в ь (стр. 303). Впервые — «Весы», 1907 № 12. В рукописи — дата: сентябрь—октябрь 1907 г.

«В т е н о ч и с в е т л ы е, п у с т ы е» (стр. 305). Впервые — «День», 1914, 25 декабря. Окончательный текст — 24 декабря 1913 г.

С н е ж н а я Д е в а (стр. 306). Впервые — «Весы», 1907, № 12. В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Тютчева: «И поединок роковой». *Сфинкс с выщербленным ликом* — один из двух древних фиванских сфинксов, установленных в Петербурге, на правом берегу Невы, возле Академии художеств. Ср. стихотворение «Пушкинскому Дому» (1921) и вступление во Вторую главу поэмы «Возмездие».

«И я п р о в е л б е з у м н ы й г о д» (стр. 307). Впервые — «Слово», 1908, 13 декабря (под заглавием: «Отрывок из поэмы»). *Она* — Н. Н. Волохова. *Третья стража* (латинск. Tertia vigilia). — В древнем Риме был учрежден корпус ночных стражников — вигилий; третья стража — последняя смена стражи перед рассветом; в переносном значении «за третьей стражей» — под утро.

З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м (стр. 309). Впервые — «Весы», 1908, № 3, под заглавием: «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей» и с посвящением (Н. Н. Волоховой): «И вновь посвящаю я эти стихи — *тебе*». Кроме того, каждое из одиннадцати стихотворений, составляющих цикл, имело свое заглавие, причем в последовательном чтении заглавия эти составляли законченную «заклинательную» фразу: «Принимаю, В огне, И во мраке, Под пыткой, В снегах, И в дальних залах, И у края бездны, Безумием заклинаю, В дикой пляске, И вновь покорный, Тебе предаюсь». Посылая «Заклятие» В. Я. Брюсову, Блок писал ему 14 ноября 1907 г.: «Вот — новый цикл стихов, или поэма, непосредственно примыкающая к „Снежной маске"» (неизданное письмо, архив В. Я. Брюсова).

И н о к (стр. 319). Впервые — альманах «Земля» I (1908).

П е с н я Ф а и н ы (стр. 320). Впервые — альманах «Шиповник» IV (1909), в тексте драмы «Песня Судьбы», для которой и была написана (см. III картину), и под заглавием: «Песня Судьбы». В черновике датировано 30 мая 1907 и 27 марта 1908 г. В примечаниях в «Собр. стих.», кн. II Блок указал: «На тему одной шансонетки. Фаина — действующее лицо в моей пьесе „Песня Судьбы"».

«В с ю ж и з н ь ж д а л а. У с т а л а ж д а т ь» (стр. 321). Впервые — альманах «Шиповник» IV (1908), под заглавием: «Ты и я». Черновик датирован 25—27 декабря 1907 г. и озаглавлен: «Она», с посвящением NN (Н. Н. Волоховой). В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Тютчева:

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

«К о г д а в ы с т о и т е н а м о е м п у т и» (стр. 322). Впервые — «Земля в снегу», под заглавием: «Письмо» и с эпиграфом из Фета:

В чужой восторг переселяться
Заране учится душа.

«О н а п р и ш л а с м о р о з а» (стр. 323). Впервые — «Земля в «снегу» (под заглавием «Знакомое»). *Пузыри земли.* — В трагедии Шекспира «Макбет» имеются такие стихи:

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Блок поставил это двустишие эпиграфом к циклу «Пузыри земли» (см. выше). В марте 1907 г. он писал поэту Эллису (Л. Л. Кобылинскому) о Шекспире: «Люблю его глубоко; и, может быть, глубже всего — во всей мировой литературе — „Макбета"» (неизданное письмо, собрание И. М. Брюсовой). *Паоло и Франческа* — несчастные любовники, жившие в Италии в XIII веке; об их трагической судьбе рассказано в «Божественной Комедии» Данте («Ад», песнь V).

«Я п о м н ю д л и т е л ь н ы е м у к и» (стр. 324). Впервые — «Северное сияние», 1908, № 2 (под заглавием: «Воспоминание»). В рукописи датировано 4 марта — 9 июня 1908 г., исправлялось еще дважды — в октябре 1910 и 1 января 1911 г. В «Собр. стих», кн. III — помета: «Москва».

«С в о и м и г о р ь к и м и с л е з а м и» (стр. 324). Впервые — альманах «Прибой» I (1909). Окончательный текст — осень 1910 г. В рукописи озаглавлено: «Неизбежное». *Развенчанная тень* — слова Пушкина (из стихотворения «Наполеон», 1821 г.). Это стихотворение — последнее из посвященных Н. Н. Волоховой.

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ
(1907)

Впервые — альманах «Факелы» III (1908).

О с м е р т и (стр. 326). *Жокеи* — здесь: наездники, участвующие в скачках на ипподроме. *Сотка* — водочная бутылка (в одну сотую ведра).

Над озером (стр. 329). *Шувалово* — пригородная дачная местность под Петербургом; здесь на берегу озера, на крутом склоне горы расположено кладбище.

В северном море (стр. 332). *Тальеры* — женские костюмы. *Фероньера* — женское украшение для волос. *Сестрорецкий курорт* — под Петербургом, на берегу Финского залива.

В дюнах (стр. 334). В рукописи и в первых публикациях, вместо стихов 24—26, идет другой текст:

Там открывалась новая страна —
Песчаная, свободная, чужая...
И было мне смешно смотреть на этих
Скучающих солдат в зеленой форме,
Лениво ограждающих рабов
От вольных, или вольных от рабов...
На русский бесприютный храм, глядящий
В чужую, незнакомую страну.

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ТРЕТЬЯ (1907—1916)

СТРАШНЫЙ МИР (1909—1916)

К Музе (стр. 339). Впервые — «Русская мысль», 1913, № 11. В рукописи — дата: «Осень — 29. XII. 1912». *Аи* — марка шампанского вина.

«Под шум и звон однообразный» (стр. 340). Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 12.

«В эти желтые дни меж домами» (стр. 341). Впервые — альманах «Стожары» (1912).

«Из хрустального тумана» (стр. 341). Впервые — «Весы», 1909, № 10/11. Посылая это стихотворение матери, Блок заметил, что оно ему «нравится» («Письма к родным», стр. 274).

Двойник (стр. 342). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 25 октября. Окончательный текст — 26 августа 1914 г.

Песнь Ада (стр. 343). Впервые — альманах «Любовь» (1910). В рукописи — подзаголовок: «Вампир». В «Собр. стих.» сопровождено следующим примечанием: «„Песнь Ада" есть попытка изобразить „инфернальность" (термин Достоевского), „вампиризм" нашего времени стилем Inferno, что видно с первых слов: „День догорел"» («Lo giorno se n'andava» — начинается вторая песнь «Ада»). *Где спутник мой? О, где Ты, Беатриче? — Иду один...* Современность

не обладает не только райской спутницей, божественной Мудростью, но и земною мудростью язычника Виргилия, который сопутствовал Данту в Аду и у райской двери передал его Беатриче (Inferno, I, 112—114)». «*Inferno*» — «Ад», первая книга «Божественной Комедии» Данте. Экземпляр «Ада», принадлежавший Блоку, был «испещрен различными отметками» (см. А. Блок. Собрание сочинений. М.—Л., 1929, стр. 304). Посылая «Песнь Ада» матери, Блок писал, что она ему «нравится ограничительно», но что в ней «есть нечто от старинных культур и от Данта и т. д. — т. е. от священного прошлого» («Письма к родным», стр. 281 и 283).

«Поздней осенью из гавани» (стр. 346). Впервые — «Новая жизнь», 1910, № 1. Посылая это стихотворение матери, Блок отметил, что оно ему «нравится» («Письма к родным», стр. 285).

На островах (стр. 347). Впервые — «Альманах для всех» II (1911), под заглавием: «Нет». *Елагин мост* — в Петербурге.

«С мирным счастьем покончены счеты» (стр. 348). Впервые — «Голос жизни», 1915, № 5. Окончательный текст — 25 декабря 1914 г. Это стихотворение, как и следующее, тесно связано с «Шагами командора» (см. примечание на стр. 725).

«Седые сумерки легли» (стр. 348). Впервые — «Голос жизни», 1915, № 5. Окончательный текст — 4 марта 1914 г.

«Дух пряный марта был в лунном круге» (стр. 349). Впервые — «Ночные часы». *Крестовский остров* — в Петербурге.

В ресторане (стр. 349). Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11.

Демон (стр. 350). Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11. Окончательный текст — июль 1910 г. «Стихотворение написано под впечатлением смерти Врубеля; связь демонов Лермонтова и Врубеля, намеки на которую есть в этих стихах, подлежит исследованию» (примечание Блока в «Собр. стих.», кн. III). Развитие этой мысли — в статье Блока «Памяти Врубеля», особенно — в первом ее варианте («Собр. соч.», т. IX). «С Врубелем я связан жизненно», — писал Блок матери 8 апреля 1910 г. («Письма к родным», II, стр. 70). Ср. другое стихотворение Блока о демоне — 1916 г. (стр. 375).

«Как тяжело ходить среди людей» (стр. 351). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 8/9. Окончательный текст — 27 февраля 1914 г.

«Я коротаю жизнь мою» (стр. 351). Впервые — «Огонек», 1912, № 26.

«Идут часы, и дни, и годы» (стр. 352). Впервые — альманах «Антология» (1911), под заглавием: «Исход». *Ecce Homo!*

(«Се — человек!») — по евангельской легенде, слова, с которыми Понтий Пилат указал на Иисуса Христа. В последней строфе нашел очевидное отражение эпизод музыкальной драмы Р. Вагнера «Тристан и Изольда»: умирающий Тристан срывает повязку с раны.

Унижение (стр. 353). Впервые — «Северные записки», 1913, № 2. В рукописи датировано: «Ноябрь — декабрь 1911 г.»; дата окончательной доработки — 6 декабря (см. «Дневник» I, стр. 50; там же, на стр. 35—36 — запись о встрече с «акробаткой», воспоминаниями о которой было вызвано это стихотворение).

Авиатор (стр. 354). Впервые — «Заветы», 1912, № 1. Черновой набросок относится к 1910 г. В рукописи посвящено памяти одного из первых русских летчиков — В. Ф. Смита, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 г. на Коломяжском аэродроме, во время «авиационной недели», собиравшей множество пресыщенной буржуазной публики (ср. предисловие к поэме «Возмездие» — стр. 525 наст. тома). Блок, сильно увлеченный первыми успехами авиации, утверждал, что шум пропеллера «ввел в мир новый звук» (см. Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923, стр. 51). Начиная с весны 1910 г. Блок часто посещал Коломяжский аэродром. «В полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и суженное человечеству, следовательно — высокое», — писал он матери 24 апреля 1910 г. («Письма к родным» II, стр. 75). *Летун* — в народном языке: огненный змей, летучий дух.

«Повеселясь на буйном пире» (стр. 355). Впервые — «Заветы», 1912, № 3. Первая строфа и вторая половина третьей были написаны в июне 1909 г.

Пляски смерти

1. «Как тяжко мертвецу среди людей» (стр. 356). Впервые — «Современник», 1912, № 11.

2. «Ночь, улица, фонарь, аптека» (стр. 357). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 3.

3. «Пустая улица. Один огонь в окне» (стр. 358). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 3.

4. «Старый, старый сон. Из мрака» (стр. 358). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 4 октября. Первоначальный набросок относится к октябрю 1913 г.

5. «Вновь богатый зол и рад» (стр. 359). Впервые — «Русская мысль», 1915, № 2 (без третьей и четвертой строф, опущенных по цензурным условиям). Первоначальный набросок относится к октябрю 1913 г.

«Миры летят. Года летят. Пустая» (стр. 360). Впервые — «Русская молва», 1913, 10 февраля.

«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный» (стр. 360). Впервые — «Северные записки», 1913, № 11. В рукописи датировано: «Сентябрь — 2 ноября» (1912 г.). Вариация на тему знаменитой баллады Эдгара По (1809—1849) — «Ворон», откуда и взят эпиграф (в переводе В. Брюсова). В 1906 г. Блок писал об Эдгаре По в связи с творчеством символистов (см. «Собр. соч.», т. XI, стр. 300—301). В корректуре III книги «Стихотворений» (издание 1921 г.) имеется следующая помета Блока к этому стихотворению: «Брюсов очень верно указывал на неуместность *ада.* Чуковский — против *сöр.* Стихи близки А. Белому». О своеобразной транскрипции слова «сэр», какой придерживался Блок («сöр» звучало для него «тургеневским звуком, с французским оттенком») см. у К. Чуковского — «Александр Блок как человек и поэт», П., 1924, стр. 5. Отзыв А. Белого об этом стихотворении см. в книге: А. Блок и А. Белый. Переписка, М., 1940, стр. 335.

«Есть игра: осторожно войти» (стр. 361). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 2.

«Как растет тревога к ночи!» (стр. 362). Впервые — альманах «Сирин» III (1914).

«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки» (стр. 363). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 12. Первоначальный набросок датирован 5 февраля 1908 г. *Ревность по дому* и *Что делаешь, делай скорее* — цитаты из «Евангелия от Иоанна»(II, 17 и XIII, 27).

Жизнь моего приятеля

1. «Весь день — как день: трудов исполнен малых» (стр. 364). Впервые — «Голос», 1915, 1 ноября. В рукописи (датированной 25 января — 11 февраля 1914 г.) — вариант второй строфы:

Волнуешься, — а в глубине спокоен:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, о, современный воин,
Безверие и грусть.

Ни охнуть, ни вздохнуть — выражение И. А. Крылова (басня «Волк и Журавль»).

2. «Поглядите, вот бессильный» (стр. 365). Впервые — «Солнце России», 1916, № 6 (под заглавием: «Конченный»). Окончательный текст — 12 февраля 1914 г.

3. «Всё свершилось по писаньям» (стр. 365). Впервые — альманах «Эпоха» I (1918). Окончательный текст — 12 февраля 1914 г.

4. «Когда невзначай в воскресенье» (стр. 366). Впервые — альманах «Эпоха» I (1918). Окончательный текст — 12 февраля 1914 г.

5. «Пристал ко мне нищий дурак» (стр. 366). Впервые — «Голос жизни», 1915, № 16. Окончательный текст — 3 января 1914 г.

6. «День проходил, как всегда» (стр. 367). Впервые — альманах «Стрелец» I (1917). Первоначальный набросок датирован 27 августа 1909 г., второй черновик — 20 марта 1914 г. В раннем наброске тесно связано со стихотворением «Чем больше хочешь отдохнуть» (стр. 386).

7. «Греши, пока тебя волнуют» (стр. 369) Впервые — «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 6/7. В рукописи — дата: «18. X—9—10. XII. 1915».

8. «Когда осилила тревога» (стр. 369). Впервые — «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 6/7. В рукописи — дата: «18.X—10. XII. 1915».

Черная кровь

1. «В пол-оборота ты встала ко мне» (стр. 370). Впервые — «Северные записки», 1914, № 3. В рукописи — дата: «XII. 1913—2. 1. 1914».

2. «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне» (стр. 371). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к осени 1909 г.

3. «Даже имя твое мне презренно» (стр. 371). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1.

4. «О нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой» (стр. 371). Впервые — «Новая студия», 1912, № 1. В рукописи — дата: «Осень 1911 — февраль 1912».

5. «Вновь у себя... Унижен, зол и рад» (стр. 372). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к октябрю 1913 г.

6. «Испугом схвачена, влекома» (стр. 372). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к марту 1910 г. В черновике, датированном 1 сентября 1912 г., пометы: «Потом — думал, стало противно!» и «Это — давнее воспоминание».

7. «Ночь — как века, и томный трепет» (стр. 373). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к сентябрю 1912 г.

8. «Я ее победил, наконец!» (стр. 373). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Окончательный текст — июль 1914 г.

9. «Над лучшим созданием божьим» (стр. 374). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 1. Окончательный текст — 21 февраля 1914 г.

Демон (стр. 375). Впервые — альманах «Творчество» I (1917). В рукописи — дата: «1916. 20. III (— 9.VI)» и помета в форме подзаголовка: «(Упражнение)». Ср. стихотворение «Демон» 1910 г. (стр. 350).

Голос из хора (стр. 376). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1916, № 1. Черновик датирован: «6 июня 1910 — Троица. У камня под Руновым» (*Руново* — деревня вблизи Шахматова). Здесь намечалось совершенно иное развитие темы:

Только дети да глупые знают
Мрак и холод грядущих дней.

Я хочу, чтоб душа веселилась
В самый мертвый, полуночный час,
Чтоб в страну, куда ты удалилась,
В легком танце душа понеслась.

Я крылатым рожден и веселым,
Это ныне лишь...
Лишь до времени камнем тяжелым
Вход завален, и дух мой в гробу.

По поводу этого стихотворения Блок однажды сказал: «Очень неприятные стихи. Я не знаю, зачем я их написал. Лучше бы было этим словам оставаться не сказанными. Но я должен был их сказать. Трудное надо преодолеть. А за ним будет ясный день» (Вс. Рождественский. Александр Блок. — «Звезда», 1945, № 3, стр. 113).

ВОЗМЕЗДИЕ
(1908—1913)

«О доблестях, о подвигах, о славе» (стр. 378). Впервые — «Новый журнал для всех», 1910, № 1. В черновике связано со стихотворениями «Когда замрут отчаянье и злоба» (стр. 417) и «Забывшие Тебя». Обращено к Л. Д. Блок.

Забывшие Тебя (стр. 379). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1915, № 12. Окончательный текст — 8 февраля 1914 г. См. предыдущее примечание.

«Она, как прежде, захотела» (стр. 380). Впервые — «Правда жизни», 1908, 1 декабря (под заглавием: «На закате»). К строке *Ни слов, ни счастья, ни обид* Блок в «Собр. стих.», кн. III сделал примечание: «„Забвеньем счастья и обид" (В. Брюсов)», отсылающее к стихотворению «К близкой» в сборнике Брюсова «Urbi et Orbi» (1903).

«Ночь как ночь, и улица пустынна» (стр. 380). Впервые — «Речь», 1909, 29 марта.

«Я сегодня не помню, что было вчера» (стр. 381). Впервые — «Речь», 1909, 22 февраля.

На смерть младенца (стр. 381). Впервые — «Русская мысль», 1910, № 2. В рукописи датировано 2 марта 1909 г. Указанная в тексте дата «Февраль 1909» обозначает время смерти сына Блока — Дмитрия, прожившего всего восемь дней (2—10 февраля 1909 г.). Посылая это стихотворение матери, Блок сказал, что оно ему «нравится» («Письма к родным», стр. 247).

«Когда я прозревал впервые» (стр. 382). Впервые — «Всемирная панорама», 1910, № 24.

«Дохнула жизнь в лицо могилой» (стр. 383). Впервые — «Студенческая жизнь», 1910, № 14/15.

«Когда, вступая в мир огромный» (стр. 383). Впервые — альманах «Антология» (1911).

«Весенний день прошел без дела» (стр. 384). Впервые — «Новое слово», 1910, № 4 (под заглавием: «Итог»).

«Какая дивная картина» (стр. 384). Впервые — «Русская мысль», 1911, № 4 (под заглавием: «На севере»). В рукописи озаглавлено: «Мой север».

«Ты в комнате один сидишь» (стр. 385). Впервые — альманах «Антология» (1911), под заглавием: «Искупитель». Первоначальное заглавие: «Последний час».

«Кольцо существованья тесно» (стр. 386). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 8/9. Окончательный текст — 19 марта 1914 г. Набросок первой строфы (1909 г.) — среди черновиков стихотворения «Всё это было, было, было» (стр. 419).

«Чем больше хочешь отдохнуть» (стр. 386). Впервые — сборник «Знание» XXXVIII (1912), под заглавием: «Усталость». Окончательный текст — весна 1911 г.

Шаги командора (стр. 386). Первоначальный набросок относится к осени 1910 г. В черновиках тесно связано со стихотворениями «С мирным счастьем покончены счеты» и «Седые сумерки легли» (см. стр. 348). Поэт-символист *В. А. Зоргенфрей* сообщил: «Запомнился мне теплый летний вечер, длинная аллея Петровского острова, бесшумно пронесшийся мотор. «Вот из такого, промелькнувшего когда-то, мотора вышли «Шаги командора», — сказал А. А., — и два варианта» <т. е. два указанных выше стихотворения. — *В. О.*>. И прибавил, помолчав: «Только слово *мотор* нехорошо — так ведь говорить неправильно» («Записки мечтателей», 1922, № 6, стр. 139).

«Мой бедный, мой далекий друг!» (стр. 388). Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. Первоначальный набросок датирован 23 января 1909 г.

«Как свершилось, как случилось?» (стр. 388). Впервые — альманах «Сирин» III (1914).

ЯМБЫ
(1907—1914)

Этот цикл был издан отдельной книжкой: «Ямбы. Современные стихи (1907—1914)». Изд-во «Алконост», П., 1919. Посылая рукопись «Ямбов» издателю «Нового журнала для всех» В. С. Миролюбову, Блок писал ему 5 декабря 1918 г.: «Если напечатаете их, буду очень рад, так как мне они кажутся одними из лучших моих стихов» (неизданное письмо). Отдельные стихи, составившие этот цикл, были выделены Блоком из рукописей поэмы «Возмездие», которая в первой редакции также была посвящена сестре поэта — Ангелине Александровне Блок (дочери А. Л. Блока от второго брака), скончавшейся 20 февраля 1918 г. Блок познакомился с сестрой на похоронах отца в Варшаве, в декабре 1909 г., в дальнейшем встречался с ней редко, но относился к ней с большой симпатией.

«О, я хочу безумно жить» (стр. 391). Впервые — «Русское слово», 1915, 22 марта. Первоначальный набросок датирован 6 мая 1909 г. В рукописи — помета: «К поэме»; в поэму «Возмездие», однако, не вошло.

«Я ухо приложил к земле» (стр. 391). Впервые — «Луч», 1907, № 1. В рукописи, озаглавленной: «Рабочему», — вариант к последнему четверостишию:

Взойдет и всколосится новь,
И по весне — для новой нови
Прольем ковши их жирной крови,
Чтоб зрела новая любовь.

К этому стихотворению безусловно относится отдельное четверостишие Блока, датированное также июнем 1907 г.:

И мы подымем их на вилы,
Мы в петлях раскачнем тела,
Чтоб лопнули на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла.

Дата этого стихотворения, как и следующего («Тропами тайными, ночными»), позволяет уяснить их конкретно-политический смысл: как раз в тот день, когда эти стихи были написаны, 3 июня 1907 г., царским манифестом было объявлено о роспуске Государственной Думы, после чего правительство перешло к открытой политике жесточайшего контрреволюционного террора.

«Тропами тайными, ночными» (стр. 392). Впервые — «Ямбы» (также — «Знамя», 1920, № 1). Окончательный текст — 1909—1910 гг. В рукописи — вариант последнего четверостишия:

Гроба, наполненные гнилью,
Рабочий сбросит с вольных плеч,
И гниль предстанет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь.

Придут замученные ими... — имеются в виду политические жертвы царизма. *Их корабли в пучине водной* — отзвук Цусимского сражения.

«В голодной и больной неволе» (стр. 393). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 3. Окончательный текст — 7 февраля 1914 г. *Господне лето* — «Лето господнее благоприятно», слова молитвы.

«Не спят, не помнят, не торгуют» (стр. 393). Впервые — «Ночные часы». Окончательный текст — весна 1911 г. В рукописи, озаглавленной: «Святая Пасха», вместо первой строфы печатного текста — две следующих:

В тряпье покорности и веры
Ты хочешь скрыть хозяйский стыд?
Поверь: бесстыдству нету меры;
Не счесть бесчисленных обид.

Стыдится ли хозяин ражий,
Когда рабы, со всех сторон,
И за убийства, и за кражи
Ему дарят пасхальный звон?

Церковные праздники вызывали у Блока с ранних лет резко антиклерикальные настроения. «Я только что отошел, — писал он матери 15 апреля 1908 г. — Эти два больших христианских праздника (Рождество и Пасха) всё больше унижают меня; как будто, и в самом деле происходит что-то такое, чему я глубоко враждебен» («Письма к родным», стр. 204).

«О, как смеялись вы над нами» (стр. 393). Впервые — «Русское слово», 1915, 22 марта. Окончательный текст — 6 февраля 1914 г. Сначала входило в III главу поэмы «Возмездие» (между стихами 224 и 225) в гораздо более пространной редакции:

Правдивы вы — и без прикрас,
Стихи печальные поэмы! —
Да, нас немного. Помним все мы,
Как зло обманывали нас.
Мы, современные поэты,
О вас, от вас мы плачем вновь,
Храня священную любовь,

Твердя старинные обеты!
Пусть будет прост и скуден храм,
Где небо кроют мглою бесы,
Где слышен хохот желтой прессы,
Жаргон газет и визг реклам,
Где под личиной провокаций
Скрывается больной цинизм,
Где торжествует нигилизм —
Бесполый спутник «стилизаций»,
Где «Новым временем» смердит,
Где хамство с каждым годом — пуще,
Где полновластны, вездесущи
Лишь офицер, жандарм...
Где память вечную Толстого
Стремится омрачить жена...
Прочь, прочь! — Душа жива — она
Полна предчувствием иного!
Поют подземные струи,
Мерцают трепетные светы...
Но — помни Тютчева заветы:
«Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои».

«Новое время» — реакционная, черносотенная газета. Заключительное двустишие — цитата из стихотворения Тютчева «Silentium!»

«Я — Га́млет. Холодеет кровь» (стр. 394). Впервые — «Северные записки», 1915, № 2. Первоначальный набросок относится к февралю 1909 г. Обращено к Л. Д. Блок (см. примечание к стихотворению «Я шел во тьме к заботам и веселью» на стр. 681 наст. тома).

«Так. Буря этих лет прошла» (стр. 394). Впервые — «Русское слово», 1915, 22 марта. В 1914 г. была дописа́на только первая строфа.

«Да. Так диктует вдохновенье» (стр. 395). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 8 ноября (под заглавием: «Современнику»). Сначала входило в III главу поэмы «Возмездие» (между стихами 292 и 293) в следующей редакции:

Читатель, ты жестоко судишь,
Ты с оправданьем незнаком,
И знаю, злобствовать ты будешь
Над мертвым грязным стариком.
Но так велит мне вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета,
И я люблю сей мир ужасный:
За ним виднее мир иной —
Обетованный и прекрасный,

Непредставимый и простой...[1]
А если ты не жнешь, не сеешь,
Коль ты «так просто — человек»,
То что́ ты знаешь? Что́ ты смеешь
Судить в безумный этот век?
Ты был ли жалок и унижен
Болезнью, голодом, тоской?
Ты видел ли детей в Париже
Иль нищих на мосту зимой?
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне!
И пусть он зреет, правый гнев,
Не там, где жизни тяжко бремя...
Чудак мой злое сеял семя,
Но не бесплоден был посев...
Он прав хоть тем, что жизни этой
Румяна жирные отверг,
И, как пугливый крот, от света
Зарылся в землю — и померк,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И проклиная этот свет,
Пускай — грядущего не видя,
Но сущему сказавши: «Нет!»

В стихотворении отчасти отразились впечатления, вынесенные Блоком из заграничной поездки летом и осенью 1911 г., когда он, говоря его же словами, «гораздо сильнее и острее, чем в России», почувствовал «всю чудовищную бессмыслицу, до которой дошла цивилизация»; в частности, он писал матери из Парижа 4 сентября 1911 г.: «В сожженных скверах — масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью» («Письма к родным», II, стр. 166 и 173).

«Когда мы встретились с тобой» (стр. 396). Впервые — «Ежемесячный журнал» 1914, № 4 (под заглавием: «Моей сестре»).

«Земное сердце стынет вновь» (стр. 396). Впервые — «Русское слово», 1915, 22 марта. Сначала входило в III главу поэмы «Возмездие» (как заключение всей главы).

---

[1] Первоначальный текст последних восьми строк:

Но ты прости мне эту малость:
Поэта вольная мечта
Всё льнет туда, где горе, жалость,
Где грязь, и мрак, и нищета,
И я люблю сей мир ужасный,
За ним сквозит мне мир иной,
Неописуемо прекрасный
И человечески-простой...

«В огне и холоде тревог» (стр. 397). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 26 апреля (под заглавием: «Моей сестре»). Окончательный текст — 8 марта 1915 г. Первоначальный набросок — среди черновиков III главы поэмы «Возмездие»; здесь — вариант пятой строфы:

Где жизнь и смерть, как праздный фант,
Разыграны в тоске гостиной, —
Там — пусть вонзится, Ангелина,
Возмездья черный бриллиант!

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ
(1909)

Этот цикл в основном был написан летом 1909 г. в Италии, но обрабатывался позже — вплоть до 1914 г. От издания к изданию Блок расширял цикл: в «Аполлоне» 1910 г. он состоял из шести стихотворений, в сборнике «Ночные часы» — из девяти, в «Собр. стих.», кн. III — из двенадцати, в третьей книге «Стихотворений» (1916) — из девятнадцати, и в последнем издании третьей книги (1921) — из двадцати четырех. «Итальянские стихи меня как бы вторично прославили», — писал Блок в октябре 1909 г. («Письма к родным», стр. 277). Ценный комментарий к «Итальянским стихам» содержится в письмах Блока к матери из Италии, в его записных книжках 1909 г. и в неоконченной книге итальянских впечатлений «Молнии искусства» («Собр. соч.», т. IX).

Равенна (стр. 398). Впервые — «Аполлон», 1910, № 4. Первоначальный набросок датирован 10 мая 1909 г. В «Собр. стих.», кн. III Блок сопроводил «Равенну» следующим примечанием: «Плиты пола в подземельи под алтарем храма св. Аполлинария и в ротонде Теодориха Великого ушли в землю и постоянно покрыты водой; оттого низко стоящие мраморные саркофаги подергиваются нежной плесенью розовато-лилового и светлозеленого цвета. В Равенне и ее окрестностях покоятся прахи Теодориха, Данта и той, которая названа Галлой в четвертой строфе и Плакидой в пятой. Я позволил себе так грецизировать имя Галлы Плацидии, лицо которой у некоторых художников похоже на лицо гречанки. Впрочем, да простит мне археолог мои личные мысли о знаменитой царице V века, сестре, супруге и матери римских императоров (Гонория, Констанция и Валентина III), вдове остготского вождя (Атаульфа). Многошумная судьба бросила эту страстную и властолюбивую женщину от позорной колесницы варвара на трон Западной Римской Империи, сердцем которой была пышная в те дни Равенна. Образ Галлы, с лицом то девически-нежным, то твердым и жестоким, почти как лицо легионера, неоднократно вставал перед художниками, в том числе и русскими. Средневековое предание говорит, что она похоронена в сидячем положении; но ее высокий саркофаг, как и соседние с ним (сына и мужа) — пусты. Лежащий на юго-восток от Равенны Glasse был во времена Августа главной

римской гаванью — portus Glassis; но Адриатика давно уже отступила от этих берегов; и шумная некогда гавань состоит теперь из нескольких домиков и огромной, полупустой базилики с прахом св. мученика Аполлинария. Sanguis martyris — semen fidei tuae, Ravenna» («Кровь мученика — семя веры твоей, Равенна». — *Ред.*) «В Равенне мы были два дня, — писал Блок матери 13 мая 1909 г. — Это глухая провинция... Городишко спит крепко, и всюду — церкви и образы первых веков христианства. Равенна — сохранила лучше всех городов раннее искусство, переход от Рима к Византии. И я очень рад, что нас туда послал Брюсов; мы видели могилу Данта, древние саркофаги, поразительные мозаики, дворец Теодориха. В поле за Равенной — среди роз и глициний — могила Теодориха. В другую сторону — древнейшая церковь, в которой при нас отрывали из-под земли мозаичный пол IV—VI века. Сыро, пахнет как в туннелях ж. д., и всюду гробницы. Одну я отыскал под алтарем, в темном каменном подземельи, где вода стоит на полу. Свет из маленького окошка падает на нее; на ней нежно-лиловые каменные доски и нежно-зеленая плесень. И страшная тишина кругом. Удивительные латинские надписи» («Письма к родным», стр. 260—261). По возвращении из Италии Блок писал В. Я. Брюсову, посылая ему «Равенну»: «Любимыми местами стали Равенна, этрусские могилы, Умбрия (особенно Сполето и Перуджия)... Хотя я и собирался в Равенну, но, может быть, не поехали бы туда, если бы Вы не соблазнили. Чувствую, что прилагаемые стихи внушены не только Равенной, но и Вашей поэзией. Потому прошу у Вас позволения посвятить их Вам, если они Вам понравятся. Я их люблю, несмотря на то, что море ушло от Glassis'a, кажется, до Теодориха, а «Галла» и «Плакида» — одно лицо; но я не мог не посвятить двух строф царице, поныне властвующей над Равенной незримо... Едва ли Равенна изменилась с тех пор, как Вы были там. Повидимому, она давно и бесповоротно умерла и даже не пытается гальванизироваться автомобилями и трамваями, как Флоренция. Это очень украшает ее — откровенное отсутствие людей и деловой муравьиной атмосферы... Совершенно понятно, почему Дант нашел пристанище в Равенне. Это город для отдыха и тихой смерти» («Литературный современник», 1936, № 9, стр. 202—203). *Равенна* — древняя столица Западной Римской империи, в 493 г. была завоевана королем остготов *Теодорихом Великим* (456—526); впоследствии она пришла в упадок и превратилась в захолустный итальянский городок. *Базилики* — здесь: христианские храмы. *«Новая жизнь»* — поэма Данте.

«Почиет в мире Теодорих» (стр. 399). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 27 февраля 1914 г.

Девушка из Spoleto (стр. 400). Впервые — «Аполлон», 1910, № 4 (под заглавием: «Maria da Spoleto»). В черновике — помета: «А когда мы уезжали — она сказала: Mille grazie» («Тысяча благодарностей»). *Сполето* — городок в Средней Италии. В «Собр. стих.», кн. III — примечание к стиху *Лишь, как художник, смотрю*

за ограду: «Художники Возрождения любили изображать себя самих на своих картинах, в качестве свидетелей или участников. Одни — сладострастно подсматривают из-за занавески, как старцы за купающейся Сусанной; другие — только присутствуют в качестве равнодушных участников: так, на фресках Пинтуриккио в библиотеке Энея Сильвия в Сиенском соборе — художники Рафаэль, Андреа дель Сарто, Джованни ди Удинэ и сам автор стоят в церкви со свечами; присутствие третьих, повидимому, необходимо и имеет уже характер какого-то таинственного действия; так, на фреске в Новой капелле Орвьетского собора, изображающей свержение с небес антихриста, автор фрески Лука Синьорелли изобразил себя самого и фра Джиованни Анжелико — свидетелями великого события: оба художника стоят спокойно, в темных одеждах, со сложенными руками, напоминая позами ангелов (на других фресках той же капеллы), которые так же спокойно взирают с небес на толпу грешников, обреченных на вечные муки геенны; а перед ними волнуется целое море обнаженных тел и напряженных мускулов. В этом стихотворении, так же как в «Благовещении», я хотел представить художника третьего типа: созерцателя спокойного и свидетеля необходимого».

Венеция

1. «С ней уходил я в море» (стр. 400). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 16 января 1914 г. Блок писал матери из Венеции 7 мая 1909 г.: «Я здесь очень много воспринял, живу в Венеции уже совершенно как в своем городе, и почти все обычаи, галлереи, церкви, море, каналы для меня — свои, как будто я здесь очень давно... Вода вся зеленая. Это всё известно из книг, но очень ново, однако — новизной не поражающей, но успокоительной и освежающей» («Письма к родным», стр. 258—259).

2. «Холодный ветер от лагуны» (стр. 401). Впервые — «Аполлон», 1910, № 4. Черновой набросок относится к июлю 1909 г., окончательный текст — сентябрь 1909 г. *Лагуна* — залив, на берегах которого расположена Венеция. *Львиный столб* — памятник в Венеции. *Гиганты* — две человеческие фигуры, установленные на башенных часах в Венеции. *Марк* — собор св. Марка в Венеции, отличающийся богатством архитектурного оформления; в примечании в «Собр. стих.», кн. III Блок отметил: «Я назвал «иконостасом» единственный в мире фасад собора св. Марка». *Лагуна лунная* — по разъяснению самого Блока (в неизданном письме к С. К. Маковскому), он имел в виду освещенное луной небо. На воспоминание о библейской легенде о царевне *Саломее* Блока, возможно, натолкнула картина Карло Дольчи «Саломея с головой Иоанна Крестителя», которую он видел в Италии (см. «Записные книжки» стр. 114).

3. «Слабеет жизни гул упорный» (стр. 401). Впервые — «Аполлон», 1910, № 4. Окончательный текст — сентябрь 1909 г. В рукописи — заглавие: «Дума» и помета: «Слабеет моря

гул прощальный», отсылающая к стихотворению Д. Мережковского «Addio Napoli» (см. его сборник «Символы», СПб., 1892, стр. 195). В черновике связано воедино со стихотворением «Всё это было, было, было» (см. на стр. 738 примечание к нему). К строке *Священной шалью оградить* в «Собр. стих.», кн. III есть примечание: «Черные шали с бахромой — до сих пор неизменная принадлежность костюма венецианок; их накидывают и носят особенно».

Перуджия (стр. 402). Впервые — «Собр. стих.», кн. III. Окончательный текст — 5 мая 1911 г. В рукописи и в первой публикации — эпиграф: «„Caritas, justitia, fides" (слова девушки)», означающий в переводе с итальянского: «Любовь, справедливость, вера». В черновике связано со стихотворением «Благовещение». *Перуджия* — городок в Италии, в области Умбрия. *Перуджино* (1446—1523) — выдающийся итальянский художник эпохи Возрождения.

Флоренция

1. «Умри, Флоренция, Иуда» (стр. 403). Впервые — «Ночные часы». *Там, где святой монах сожжен.* — Во Флоренции, на площади Синьории, был повешен и сожжен как «еретик» проповедник и общественный реформатор монах Джироламо Савонарола (1452—1498). *Леонардо* — Леонардо да Винчи. *Беато* — Фра Джованни да Фьезоле (1387—1455) — выдающийся итальянский художник раннего Возрождения, причисленный католической церковью к «лику блаженных» под именем Беато фра Анжелико. *Медичи* — знатный феодальный род, правивший во Флоренции. *Лилии* — эмблема феодальной Флоренции. Ср. впечатления Блока о Флоренции в письме к матери от 25—26 мая 1909 г.: «Флоренцию я проклинаю... за то, что она сама себя предала европейской гнили, стала трескучим городом и изуродовала почти все свои дома и улицы. Остаются только несколько дворцов, церквей и музеев, да некоторые далекие окрестности, да Бóболи, — остальной прах я отрясаю от своих ног и желаю ему подвергнуться участи Мессины» («Письма к родным», стр. 263; *Боболи* — парк во Флоренции, *участь Мессины* — разрушительное землетрясение). Посылая свои «Итальянские стихи» редактору «Аполлона» С. К. Маковскому, Блок писал ему 3 ноября 1909 г.: «В частности, я заранее вступаюсь за первую «Флоренцию», которую, вероятно, никто не одобрит. Но это — не кощунство, а «выстраданное» переживание, так что мне оставалось только вычеркнуть несколько совсем остервенелых строф» (неизданное письмо). Выброшенные строфы — такие (их место — между четвертой и пятой строфой окончательного текста):

В Palazzo Veccio впуская
Своих чиновников стада,
Ты, словно девка площадная,
Вся обнажилась без стыда!

Ты ставишь, как она, в хоромы
Свою зловонную постель,
Пред пышным, многоцветным Duomo
Взнося публичный дом — отель!

(*Palazzo Veccio* — один из выдающихся архитектурных памятников Флоренции; *Duomo* — главный флорентийский собор). С. Маковский, эстет и сноб, отказался напечатать данное стихотворение Блока в «Аполлоне».

2. «Флоренция, ты ирис нежный» (стр. 404). Впервые — «Собр. стих.», кн. III. Окончательный текст — 5 мая 1911 г. *Кашины* — пригородный парк во Флоренции, изобилующий ирисами.

3. «Страстью длинной, безмятежной» (стр. 404). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 17 марта 1914 г.

4. «Жгут раскаленные камни» (стр. 405). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 27 февраля 1914 г. Ср очерк «Маски на улице» из книги «Молнии искусств» («Собр. соч.», т. IX).

5. «Окна ложные нá небе черном» (стр. 405). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 17 марта 1914 г. Написано на мотив итальянской народной песни, подслушанной Блоком во Флоренции, на площади Синьории (см. «Записные книжки», стр. 110).

6. «Под зноем флорентийской лени» (стр. 405). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 11 февраля 1914 г. *Так береги остаток чувства...* — Ср. у Лермонтова («Дума»): «Мы жадно бережем в груди остаток чувства».

7. «Голубоватым дымом» (стр. 405). Впервые — «Ночные часы». В черновике озаглавлено: «Демон». *Тоскана* — область Италии. *Христовы слезы* («Lacrima Christi») — марка итальянского вина.

«Вот девушка, едва развившись» (стр. 406). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5 (под заглавием. «Сеттиньяно»). Окончательный текст — 16 января 1914 г. *Сеттиньяно* — местечко в окрестностях Флоренции. *Септимий Севéр* — римский император (193—211).

Madonna da Settignano (стр. 407). В «Собр. стих.», кн. III — примечание: «Стихотворение это внушил мне бюст синеокой мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный под местечком, в полугоре» (ср. «Записные книжки», стр. 108).

Фьéзоле (стр.407). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 27 февраля 1914 г. *Фьéзоле* — местечко возле Флоренции. *Беато* — см. выше, примечание к стихотворению «Умри, Флоренция, Иуда». *Кампанилы* — колокольни.

Сиена (стр. 408). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Окончательный текст — 12 февраля 1914 г. *Сиена* — город в средней

Италии. В очерке «Вечер в Сиене» («Молнии искусств») Блок писал: «Острые башни везде, куда ни глянешь — тонкие, легкие, как вся итальянская готика, тонкие до дерзости и такие высокие, будто метят в самое сердце бога. Сиена всех смелей играет строгой готикой — старый младенец! И в длиннооких ее мадоннах есть дерзкое лукавство... Буря ли играет за плечами, или опускается тихий вечер, — они глядят длинными очами, не обещая, не разуверяя, только щурясь на гвельфовские затеи своих хлопотливых живых мужей. Эти живые когда-то действительно были по уши в хлопотах, вечно завидуя гибеллинам, вечно воюя с соседкой Флоренцией. На зависть флорентийским гибеллинам вознесли сиенцы свой «Общественный дворец», не меньший, чем флорентийский Palazzo Veccio, и очень похожий на него».

Сиенский собор (стр. 408). Впервые — «Собр. стих.», кн. III. Окончательный текст — 5 мая 1911 г. В «Собр. стих.» сопровождено примечанием: «Мраморный пол собора покрыт многими изображениями (т. н. «graffiti»); среди прочих — возрасты человека и девять сивилл, у одной из которых — Кумской — волосы распущены по плечам, лицо напоминает трагическую маску, и вся фигура — стремление; это та, которая пророчит: «Et mortis fatum finit. Trium dierum somno suscepto tunc a mortuis regressus in lucem veniet primum ressurectionis initium ostendens» («Судьба смерти тоже имеет предел. Охваченный трехдневным сном, — потом, восстав из мертвых, он явится на свет, являя первый пример воскресения». — *Ред.*). *Сивиллы* — в древней Греции странствующие пророчицы, предсказывавшие людям их судьбу; в древнем Риме почитались т. н. «сивиллины книги», в которых впоследствии ранние христиане находили пророчества о появлении «спасителя».

«Искусство — ноша на плечах» (стр. 409). Впервые — «Приазовский край», 1915, 1 января. Черновик датирован 31 мая 1909 г., окончательный текст — 1—4 марта 1914 г. В итальянском городке *Фолиньо* Блок случайно увидел в кинематографе французский фильм, который уже видел за год до того в Петербурге.

«Глаза, опущенные скромно» (стр. 409). Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 10 января. Окончательный текст — 12 февраля 1914 г. В рукописи и во всех публикациях, кроме последней, озаглавлено: «Мадонна». Полный текст четвертой строфы (Блоком не печатавшийся):

Однако братьям надоело
(И не хватало больше сил)
Хранить нетронутое тело.
Один из них его растлил...

Благовещение (стр. 410). Впервые — «Аполлон», 1910, № 4 (с подзаголовком: «Фреска»). В «Собр. стих.», кн. III сопровождено примечанием: «Гриф — символ Перуджии с древнейших времен, о чем свидетельствуют изображения грифов в соседящей с

городом этрусской могиле Волумниев. Под знаком грифа был и внушивший мне эти стихи Джианникола Манни, автор нескольких фресок в Collegio del Cambio (Перуджия). Под его «Благовещением» и другими новозаветными фресками подписано: «Jte procul moneo, sacer est locus ite profani» <«Убеждаю: идите прочь, непосвященные, это место свято». — *Ред.*> Как бы оградившись этим заклинанием с оттенком личного (moneo) от непосвященного и склонного заподозрить кощунство зрителя, художник позволяет себе с интимностью (вечной спутницей демонизма) изображать бытовые сцены: моют новорожденного Иоанна Крестителя; Елизавета прибегает с кумовскими ужимками сообщить Марии важную новость; тут же — история Саломеи; и наконец — темноликий вестник в красной одежде дерзким любовным приветствием заставляет красавицу оторваться от книги. — Демоны художников диктуют «Леду и лебедя» тому, кто замыслил «Annunziazione» <«Благовещение». — *Ред.*> и «Гавриилиаду» — автору стихотворения „Средь множества картин"» (то есть Леонардо да Винчи и Пушкину; ср. «Записные книжки», стр. 114—115). С примечанием этим интересно сопоставить рассказ Н. А. Павлович о том, как Блок спросил ее однажды: «А что. «Благовещение», по-вашему, высокое стихотворение или нет? — Высокое... — ответила я. — А на самом деле нет. Оно раньше, в первом варианте, было хорошим, *бытовым* таким... — с жалостью в голосе сказал он» («Феникс», кн. I, М., 1921, стр. 157). Сохранившиеся черновые наброски «Благовещения» не содержат ничего существенно отличающегося от печатного текста, но в них, действительно, различима «бытовая» интонация («Я пропала, если мать войдет...» — отвечает Мария архангелу); кроме того, в черновике «Благовещение» начиналось строфами, выделенными впоследствии в качестве отдельного стихотворения «Перуджия» — отчасти также «бытового» характера.

Успение (стр. 412). Впервые — «Аполлон», 1910, № 4 (с подзаголовком: «Фреска»). «Стихотворение внушено фреской Фра Филиппо Липпи в алтаре Сполетского собора (Умбрия)» (примечание Блока в «Собр. стих.», кн. III). *Три царя* — по евангельской легенде, когда родился Христос, его пришли приветствовать три царя из восточных земель, ведомые вновь появившейся звездой.

Эпитафия Фра Филиппо Липпи (стр. 413). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 5. Черновик датирован 14 января 1914 г. *Фра Филиппо Липпи* (около 1406—1469) — выдающийся итальянский живописец эпохи раннего Возрождения. *Лаврентий Медичи Великолепный* (1448—1492) — флорентийский правитель, покровитель художников и ученых. *Полициан* (1454—1494) — итальянский писатель-гуманист.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1908—1916)

За гробом (стр. 414). Впервые — «Сатирикон», 1908, № 17. *Утоли мои печали* — название одной из распространенных икон «Божьей матери».

Друзьям (стр. 415). Впервые — «Русская мысль», 1909, № 1.

Поэты (стр. 416). Впервые — «Кривое зеркало», 1909, № 5 Первоначальный набросок, датированный 26 июня 1903 г. (Блок был тогда в Германии, в Бад-Наугейме), представляет большой интерес: в нем заострена тема обреченности поэта, отъединившегося от общества, от народа. Приводим этот набросок полностью (в угловых скобках — зачеркнутое Блоком):

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Здесь жили поэты. И каждый взирал
На другого с тревожной улыбкой.
<Все были как дети, мудрее людей.
Они бы любили друг друга,
Да не было сердца и не было дней,
Свободных от злого недуга.>
И все уставали от вечных надежд
На чей-то взывающий голос.
Боролись, кричали, громили невежд...
А в поле был ветер, цвел колос.
Так жили поэты. Казалось порой,
Что зори всходили другие,
Что утро, иль день, или вечер — чужой,
И любимые ночи чужие.
Так было, когда провожали они
Одного из готовых и <твердых>
На подвиги жизни, на яркие дни —
На выход из замкнутой касты.
Но реже и реже пустынный квартал
Оглашался прощальной тревогой.
Давно уж никто уходить не дерзал...
И знали о рабстве — но всё сознавать
Считали угрюмым величьем.
И серые маски пришлось закрывать
Небывалым и страшным обличьем.
На красных губах появились черты
Какой-то улыбки безбрачной.
Открылись болезни; согнулись персты
И стали, как ногти, прозрачны.
И ночью мужчина к мужчине вошел
И с женами жены смесились.
А утром по улице шопот прошел
И долго Кому-то молились...
<И утром пришел неожиданный гость
. . . . ржавых
И вынес из храма железную трость,
Как пастырь для . . . . . правых.>
Так жили поэты — и прокляли день,
Когда размечтались о чуде.
А рядом был шорох больших деревень

И жили спокойные люди.
Они погружались в глубокие сны
И многие знали...

«Когда замрут отчаянье и злоба» (стр. 417). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 11. Окончательный текст — 8 февраля 1914 г. В черновике тесно связано со стихотворениями «Забывшие Тебя» и «О доблестях, о подвигах, о славе». Обращено к Л. Д. Блок.

«Ты так светла, как снег невинный» (стр. 417). Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 3.

Королевна (стр. 418). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 4 января. К 1908 г. относятся наброски первых трех строф. В окончательной редакции обращено к Л. А. Дельмас (см. ниже примечания к циклу «Кармен»).

«Не могу тебя не звать» (стр. 418). Впервые — «Утро России», 1915, 25 декабря. Окончательный текст — 25 декабря 1914 г. (с пометой: «Дописано!»), с поправками 1918 г. (с пометой: «Еще: 1918!»).

«Ты из шопота слов родилась» (стр. 419). Впервые — «Речь», 1909, 1 января. Набросок первого четверостишия относится к маю 1903 г.

«Всё это было, было, было» (стр. 419). Впервые — «Русская мысль», 1911, № 11 (под заглавием: «Раздумье»). Первые наброски датированы 23 июня 1909 г. (Бад-Наугейм), окончательный текст — весна 1911 г. В черновике объединено со стихотворением «Слабеет жизни гул упорный» (из цикла «Венеция»). Приводим текст одного из черновиков (июль 1909 г.):

Порою всматриваюсь жадно
В глубокий мрак — грядущий век.
Чтó буду? Прах немой и хладный,
Иль вновь — мятежный человек?

Увижу ль полночью пасхальной
Студеный ледоход Невы,
Увижу ль утром Кремль хрустальный,
Холмы прозрачные Москвы?

И на возлюбленной поляне
Пригрезятся ль мне вновь и вновь
В осеннем дождевом тумане
Твои видения, любовь?

Или проснусь в другой отчизне,
Не в этой пасмурной стране,
И памятью об этой жизни
Вздохну когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа.
Купец...

Другая мать рукою юной
Уже мечтает, может быть,
Меня от ветра и лагуны
Священной шалью оградить.

Быть может, мой отец грядущий...

Иль обновлю в грядущей жизни
Любовь, и память, и мечту
И буду знать о той отчизне,
Как нынче знаю Калиту?

Так беспокойно и напрасно —
То здесь, то там — сквозь мрак и сон —
Блеснет мне светоч молньи красной
Иль донесется тихий звон.

Так налетевший ветер глухо
Приносит отдаленный шум
О том, чего не слышит ухо,
Чего не понимает ум.

И сиротливо, сиротливо
Ты странствуешь из века в век,
Неусмиренный, горделивый
И бесприютный человек!

Возлюбленная поляна — Шахматово. *Калита* — московский великий князь Иван Данилович, по прозванью Калита (1328—1341).

Сусальный ангел (стр. 420). Впервые — «Заветы», 1912, № 2. В рукописи первые четыре строфы датированы: «Осень 1909 — осень 1910»; при этом — помета: «Продолжение следует! И превращает уже не в фальсификацию детского». Пятая и шестая строфы, приписанные позже, датированы: «Осень 1909—1911». Смысл пометы Блока в том, что сперва стихотворение предназначалось для детского чтения. Тему стихотворения Блок, очевидно, заимствовал из рассказа Л. Андреева «Ангелочек», о котором писал в статье 1906 г. «Безвременье» («Собр. соч.», т. IX): у Андреева также идет речь о сусальном ангелочке, растаявшем в отдушине печи. Отдаленным источником этого сюжета могла служить также и сказка Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

«Как из сумрачной гавани» (стр. 421). Впервые — «Записные книжки». Очевидно, связано со стихотворением «Поздней осенью из гавани» (стр. 346).

Сон (стр. 421). Впервые — альманах «Аполлон» (1911). Окончательный текст — 5 мая 1911 г.

Комета (стр. 422). Впервые — альманах «Гамаюн» (1911). Окончательный текст — 1917 г. В рукописи датировано сентябрем—октябрем 1910 г. В рукописи и в первой публикации 17—18 стихи в другой редакции:

Летят на демонской машине
Моран, Ефимов и Шавёз!

В 1910 г. много говорили и писали о появлении кометы, якобы угрожающей существованию Земли (см. у Блока — «Письма к родным» II, стр. 50; «Записные книжки», стр. 140). *Бензол* — то же, что бензин. *Матчиш* — мотив популярного в 1900-е годы танца. *Симплон* — горный перевал в Швейцарских Альпах. *Моран, Ефимов и Шавёз* — известные в свое время летчики. Об увлечении Блока авиацией — см. выше, стр. 721, примечание к стихотворению «Авиатор».

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной» (стр. 423). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 4. Заключительная строфа была вчерне набросана летом 1911 г. в Абервраке (французский порт на Бретонском побережье Атлантического океана). Стихотворение связано с воспоминанием о следующем эпизоде: в начале августа 1911 г. в Аберврак неожиданно вошла французская военная эскадра; политическое положение в Европе в то время было крайне напряженным, и Блок истолковал это событие как предзнаменование близящейся мировой войны (см. «Письма к родным» II, стр. 160—161). Сам Блок высоко ценил это стихотворение (см. В. Гиппиус. Встречи с Блоком. — «Ленинград», 1941, № 3, стр. 20).

«Благословляю всё, что было» (стр. 424). Впервые — «Собр. стих.», кн. III. В черновике, относящемся к июню 1911 г., после первой строфы печатного текста идет такое продолжение:

И падал я позорно-низко,
Но знала счастье эта грудь,
И черный рыцарь близко, близко
Пересекал мой светлый путь.

Но в долгой скуке, в страстной буре
Не вся растрачена душа.
Смотри — она опять к лазури
Стремит, волнуясь и дыша!

И ты, кого терзал я новым —
Любя, ревнуя и кляня, —
За всё, чего не скажешь словом,
Прости, люби, веди меня.

А ты...
Всесильный призрак...
Когда-нибудь на новом поле
Еще поборемся с тобой!

В январе 1912 г. этот набросок был завершен и помещен, в качестве «Заключения», в III книгу «Собр. стих.», которая называлась «Снежная ночь».

Послания

1. Юрию Верховскому (стр. 424). Впервые — «Русская мысль», 1911, № 4. Окончательный текст — 5 мая 1911 г. *Верховский* Юрий Никандрович (род. в 1878 г.) — поэт, близкий к символистам. *«Идиллии и элегии»* (СПб., 1910) — сборник стилизованных стихотворений Ю. Верховского, в значительной части имитирующих жанры и формы античной лирики.

2. Валерию Брюсову (стр. 425). Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873—1924). — поэт, прозаик, драматург, критик и историк литературы, центральная фигура символистского литературного движения; после Октября решительно порвал со старым миром и, вступив в Коммунистическую партию, вошел в число активных деятелей советской культуры. Блок в молодости испытал сильное влияние поэзии Брюсова. Лично познакомились они в январе 1904 г. Получив от В. Я. Брюсова сборник его стихов *«Зеркало теней»* (М., 1912), Блок записал в дневнике 12 марта 1912 г.: «Книга новых стихов от Брюсова (отозвалось прежней радостью и болью)». В ответ на послание Блока В. Я. Брюсов писал ему 4 мая 1912 г.: «... приношу Вам дружескую благодарность за Ваши стихи, написанные Вами на экземпляре «Снежной ночи». Мне они очень дороги, и если я не сказал Вам этого до сих пор, то лишь потому, что хотел Вам ответить стихами же. Но пока мне не удалось написать в ответ Вам ничего, что было бы равносильно Вашим строфам, и я принужден сказать свое „благодарю" — „смиренной прозой" («Печать и революция», 1928, № 5, стр. 78; цитирую по рукописи. — *Ред*.).

3. Владимиру Бестужеву (стр. 425). Впервые — «Гиперборей», 1912, № 2. *Владимир Бестужев* — литературный псевдоним Владимира Васильевича Гиппиуса (1876—1941), поэта и критика, участника раннего символистского движения (писал также под псевдонимом: Вл. Нелединский). Стихотворение является ответом на послание Вл. Бестужева «Александру Блоку» (вызванное, в свою очередь, стихотворением Блока «Всё на земле умрет — и мать и младость»); Вл. Бестужев ответил Блоку циклом из четырех стихотворений. Вся эта поэтическая переписка была опубликована в ежемесячнике «Гиперборей», 1912, № 2.

4. Вячеславу Иванову (стр. 426). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 2. *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт и филолог, теоретик символизма, с 1924 г. эмигрант. Первоначальный набросок (всего несколько строк) датирован 5 июля 1909 г. и был задуман как ответ на посвященное Блоку стихотворение Вяч. Иванова «Бог в лупанарии» (см. Вяч. Иванов. Cor ardens, I, М., 1911, стр. 141—142). Однако законченное через три года послание Блока было вызвано уже не сближением, а расхождением с Вяч. Ивановым, которое определилось в 1911 г. Так, например, в октябре 1911 г. Блок записал в дневнике: «Вячеслав Иванов. Если хочешь сохранить его, — окончательно подальше от него» («Дневник» I, стр. 20; ср. там же, стр. 71—72), а в январе 1912 г. признавался А. Белому: «Атмосфера Вяч. Иванова сейчас для меня не-

мыслима» (А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 285; ср. там же, стр. 291—293). Вяч. Иванов тогда же, в апреле 1912 г., ответил Блоку двумя посланиями: «Ты царским поездом назвал» и «Пусть вновь —не друг, о, мой любимый!» (См. Вяч. Иванов. Нежная тайна. СПб., 1912, стр. 11—13). *Восстанья страшная душа* и *Из стран чужих, из стран далеких...* — Блок познакомился с Вяч. Ивановым в революционный 1905 год (в январе), когда тот вернулся в Россию после длительного пребывания за границей.

5. Анне Ахматовой (стр. 427). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1. *Ахматова* Анна Андреевна (род. в 1888 г.) — поэтесса, принадлежавшая к группе акмеистов, автор послания «Александру Блоку» (1913).

«И вновь — порывы юных лет» (стр. 428). Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4.

Художник (стр. 429). Впервые — альманах «Сирин» III (1914). В рукописи — вариант заглавия: «Творчество». *Сирины* — сказочные птицы, символизирующие радость и счастье.

«О, нет! не расколдуешь сердца ты» (стр. 430). Впервые — альманах «Сирин» III (1914) *Девятый день* и *день сороковой* — дни, установленные православной церковью для поминовения умерших.

«Я помню нежность ваших плеч» (стр. 431). Впервые — «Свободный журнал», 1918, № 2. В рукописи посвящено Л. А. Д[ельмас] (см. ниже — примечания к циклу «Кармен»).

Женщина (стр. 431). Впервые — «День», 1915, 22 марта. Первоначальный набросок (одна первая строфа) датирована 31 января 1909 г. В 1911—1912 гг. Блок переживал сильнейшее увлечение творчеством и самой личностью шведского писателя Августа Стриндберга (1849—1912), — см. статьи Блока «От Ибсена к Стриндбергу» и «Памяти Августа Стриндберга» («Собр. соч.», т. IX), также — многочисленные высказывания о Стриндберге в дневнике и в письмах.

Перед судом (стр. 433). Впервые — «Русская мысль», 1916, № 1. В июне 1916 г. Блок отметил: «Цикл „Кармен" должен заканчиваться стихотворением „Что же ты потупилась"» («Записные книжки», стр. 182). Проект этот, однако, остался нереализованным.

Антверпен (стр. 434). Впервые — «День», 1914, 21 октября. В записной книжке Блока 1914 г. есть такая запись от 6 октября: «Последний срок для представления в „День" отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или в прозе. Я же чувствую только Россию одну. Вчера послал „Антверпен" («Записные книжки», стр. 162). В Антверпене Блок был в сентябре 1911 г. «Антверпен удивителен, — писал он оттуда матери, — огромная, как Нева, Шельда, тучи кораблей, доки, подъемные краны, лесистые дали, запах моря, масса церквей, старые дома, фонтаны, башни. Музей так

хорош, что даже у Рубенса не всё противно» («Письма к родным» II, стр. 175). *Эско* — французское название реки Шельды, на берегах которой расположен Антверпен. *Стимер* — корабль. *Квентин Массис* — Массейс (1466—1530), крупнейший живописец нидерландского Возрождения. В 1914 г. Антверпен, как и вся Бельгия, стал ареной кровопролитных сражений.

«Распушилась, раскачнулась» (стр. 435). Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 12 апреля. В первоначальном наброске, который относится к октябрю 1907 г., тесно связано со стихотворением «Задебренные лесом кручи» (стр. 493).

«Похоронят, зароют глубоко» (стр. 435). Впервые — «Солнце России», 1916, № 4. Первоначальный набросок датирован 9 августа 1903 г.

«Милая девушка, что́ ты колдуешь» (стр. 436). Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 24 января. Черновик датирован 13 ноября 1915 г.

«На улице — дождик и слякоть» (стр. 436). Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля. В рукописи — дата: «19.X — 10. XII. 1915».

«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух» (стр. 437). Впервые — «Седое утро». Черновики датированы 30 сентября и 31 октября 1915 г. В рукописи озаглавлено: «Другу», и под этим заглавием было набрано в сентябре 1920 г. для журнала «Записки мечтателей», где, однако, не появилось. Заглавие «Другу» было дано, очевидно, матерью Блока (см. «Письма к родным» II, стр. 290 и 474).

АРФЫ И СКРИПКИ
(1908—1916)

«Свирель запела на мосту» (стр. 439). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12 (под заглавием: «Май», с подзаголовком: «Романс»).

«Душа! Когда устанешь верить?» (стр. 439). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12. Обращено к некоей Маргарите Аносовой.

«И я любил. И я изведал» (стр. 440). Впервые — «Образование», 1907, № 7 (под загливием: «Анархист»). Окончательный текст — январь 1912 г. В черновике тесно связано со стихотворением «Душа! Когда устанешь верить?»

«Май жестокий с белыми ночами!» (стр. 441). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12 (под заглавием: «Родине»). В черновике имеются наброски продолжения, развивающие тему родины:

И над этим плугом — все мечтанья,
И под этим плугом — вся земля,
И душа — как в первый миг свиданья,
И душа — как парус корабля.
И в руке — тяжелые дрожанья,
Над весенним паром тишина,
И Твои, Твои очарованья,
Медленно сходящая Весна.

И далекий лепет, бормотанье,
Конницы тяжелой знамена,
И трубы военной завыванье. . .

Как суровый парус над морями,
Уводящий в даль, где дремлешь ты,
Нищая, с. . .

Как суровый парус. . .
В даль, где ты томишься в давнем сне,
Нищая, пронизанная светом. . .

Посвящение датировано в рукописи 22 декабря 1911 г. *Пяст* Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт-символист; Блок познакомился с ним в январе 1905 г. и поддерживал дружеские отношения до Октября, когда пути их круто разошлись.

Три послания

В сборнике «Ночные часы» цикл посвящен *В. А. Щ.*, т. е. Валентине Андреевне Щеголевой (Богуславской) — драматической актрисе.

1. «Всё помнит о весле вздыхающем» (стр. 441). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 11/12 (под заглавием: «Белая ночь»). В рукописи — дата: май—июнь 1908 г.

2. «Черный ворон в сумраке снежном» (стр. 442). Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11 (под заглавием: «Вдвоем»). В черновике, датированном 24 января 1910 г., тесно связано со стихотворением «Всё что память сберечь мне старается» (стр. 457).

3. «Знаю я твое льстивое имя» (стр. 442). Впервые — «Ночные часы». В черновике, датированном 18 сентября 1910 г., связано со стихотворением «Посещение» (стр. 502).

Встречной (стр. 443). Впервые — «Речь», 25 декабря. Исправлялось в 1909 г., окончательный текст — 1912 г. В рукописи озаглавлено: «Даме с парохода». Первоначальная редакция 4-го стиха: «Твой муж, наверное, кадет!» (то есть член кадетской партии). *Уайльд* Оскар (1856—1900) — английский поэт и драматург, кумир буржуазных эстетов начала XX века.

Мэри (стр. 444). Впервые — альманах «Италия» (1909). На следующий день после того как были написаны эти стихи, 18 июля 1908 г., Блок сообщил матери: «Написал несколько хороших стихотворений», а 31 июля писал ей же: «Напрасно тебе не нравится «Мэри». Прочти еще» («Письма к родным», стр. 219 и 222).

«Усните блаженно, заморские гости, усните» (стр. 445). Впервые — «Лебедь», 1908, № 3.

«Я пригвожден к трактирной стойке» (стр. 446). Впервые — «Новое образование», 1910, № 1/2. К черновику этого стихотворения в записной книжке Блока непосредственно примыкает следующая запись — план дальнейших строф, проясняющий и расширяющий идейное содержание незавершенного замысла: «И вот поднимается тихий занавес наших сомнений, противоречий, падений и безумств: слышите ли вы задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной равнины? Это — Россия летит неведомо куда — в сине-голубую пропасть времен — на разубранной своей и разукрашенной тройке. Видите ли вы ее звездные очи — с мольбою, обращенною к нам: — Полюби меня, полюби красоту мою! — Но нас от нее отделяет эта бесконечная даль времен, эта синяя морозная мгла, эта снежная звездная сеть. — Кто же проберется навстречу летящей тройке тропами тайными и мудрыми, кротким словом остановит взмыленных коней, смелой рукою опрокинет демонского ямщика и...» (на этом запись обрывается; развитие этой темы — в статьях Блока 1908 г.: «Вопросы, вопросы и вопросы», «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура» и «Дитя Гоголя» — см. «Собр. соч.», тт. VIII и IX).

«Не затем величал я себя паладином» (стр. 446). Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 8.

«Часовая стрелка близится к полнóчи» (стр. 447). Впервые — «Отечество», 1915, № 1. Окончательный текст — декабрь 1913 г. В черновиках (относящихся к июлю 1907 — ноябрю 1908 г.) объединено со следующим стихотворением («Старинные розы»), и оба они восходят к неосуществленному замыслу «фантастического рассказа» (в прозе) из задуманной Блоком книги «Сказки о венгерской графине» (см. Вл. Орлов. Неосуществленный замысел Блока. — «Звезда», 1936, № 8, стр. 280—284).

«Старинные розы» (стр. 447). Впервые — «День», 1914, 25 декабря. Окончательный текст — 2 января 1914 г.

«Уже над морем вечереет» (стр. 448). Впервые — «Слово», 1909, 1 февраля (под заглавием: «Моей смерти»). В черновике (озаглавленном: «Бывшим друзьям») связано со стихотворением «Своими горькими слезами» (стр. 324). *Обетование неложно* — слова молитвы («Ты дал неложное обетование...»).

«Всё б тебе желать веселья» (стр. 448). Впервые — «Наша газета», 1909, 8 марта.

«Я не звал тебя — сама ты» (стр. 449) Впервые — «Аполлон», 1911, № 3 (под заглавием: «Пришлица»).

«Грустя и плача и смеясь» (стр. 450). Впервые — «Наша газета», 1909, 18 января.

«Опустись, занавеска линялая» (стр. 450). Впервые — «Биржевые ведомости», 1910, 1 августа.

«Мой милый, будь смелым» (стр. 451). Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 4 (под заглавием: «Песня»).

«Не венчал мою голову траурный лавр» (стр. 452). Впервые — «Солнце», 1910, № 1. Окончательный текст — 22 января 1909 г.

«Покойник спать ложится» (стр. 452). Впервые — «Остров», 1909, № 2.

«Уж вечер светлой полосою» (стр. 453). Впервые — «Бодрое слово», 1909, № 7 (под заглавием: «Встреча»).

«Здесь в сумерки в конце зимы» (стр. 453). Впервые — «Всемирная панорама», 1910, № 17. В рукописи озаглавлено: «На островах».

Через двенадцать лет

Стихи этого цикла в большинстве были набросаны вчерне в июне 1909 г. Бад-Наугейме (Германия) — «через двенадцать лет» после первой встречи Блока с К. М. Садовской (в Бад-Наугейме же, в 1897 г. — см. примечание на стр. 682 наст. тома), но обрабатывались позже, вплоть до 1914 г.

1. «Всё та же озерна́я гладь» (стр. 454). Впервые — «Всеобщий ежемесячник», 1911, № 10. Окончательный текст — май 1911 г. *«Градирни,* салины — высокие стены из деревянных клеток, набитых хворостом, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду. Ряд салин стоит в полях с подветренной стороны немецкого курорта Bad-Nauheim, благоуханный воздух которого насыщается солью» (примечание Блока в «Собр. стих.», кн. III).

2. «В темном парке под ольхой» (стр. 454). Впервые — «Всеобщий ежемесячник», 1911, № 10. Окончательный текст — май 1911 г.

3. «Когда мучительно восстали» (стр. 455). Впервые — «Вершины», 1915, № 7. Окончательный текст — 27 февраля 1914 г. *Девичий лес* (Frauenwald) — парк в Бад-Наугейме.

4. «Синеокая, бог тебя создал такой» (стр. 455). Впервые — «Вершины», 1915, № 7. Окончательный текст — 19 марта 1914 г.

5. «Бывают тихие минуты» (стр. 456). Впервые — «Новое слово», 1912, № 12. Окончательный текст — 3 января 1912 г.

6. «В тихий вечер мы встречались» (стр. 556). Впервые — «Аполлон», 1911, № 3 (под заглавием: «Юность»). *Елагин остров* — парк в Ленинграде. По поводу этого стихотворения Блок писал своему другу юношеских лет А. В. Гиппиусу: «Если бы я мог, я бы посвятил тебе стихи о юности; но они посвящены одной давней и милой тени, от которой не осталось и связки писем» (неизданное письмо от 13 июня 1911 г.).

7. «Уже померкла ясность взора» (стр. 457). Впервые — «Ночные часы».

8. «Всё, что память сберечь мне старается» (стр. 457). Впервые — «Биржевые ведомости», 1910, 19 декабря. В черновике связано со стихотворением «Черный ворон в сумраке снежном» (стр. 744).

Утро в Москве (стр. 458). Впервые — «Голос жизни», 1914, № 3. Окончательный текст — февраль 1914 г. В черновике — пометы: «На скамейке в Алекс[андровском] саду. Москва» и «Воробьи проснулись недавно и умываются в песке».

«Как прощались, страстно клялись» (стр. 458). Впервые — «Биржевые ведомости», 1910. 16 мая (под заглавием: «Простая песня»). Черновик датирован 30 августа 1909 г.

«Всё на земле умрет — и мать, и младость» (стр. 459). Впервые — альманах «Аполлон» (1912).

На смерть Коммиссаржевской (стр. 459). Впервые — «Ежегодник императорских театров», 1910, кн. II. *Коммиссаржевская* Вера Федоровна (1864—1910) — знаменитая драматическая актриса, пользовавшаяся громким успехом в демократических кругах. Блок познакомился с В. Ф. Коммиссаржевской в 1906 г., когда в ее театре был поставлен «Балаганчик». Стихотворение было прочитано Блоком на вечере памяти Коммиссаржевской 7 марта 1910 г. (см. речь его о Коммиссаржевской — «Собр. соч.», т. IX); ср. предисловие к поэме «Возмездие» (стр. 523 настоящего тома). *Камень бел-горючий и плакун-трава* — образы русского былинного, песенного и сказочного фольклора.

Голоса скрипок (стр. 460). Впервые — «Аполлон», 1911, № 3. Отдельные образы этого стихотворения развернуты в речи Блока «Памяти В. Ф. Коммиссаржевской» («Собр. соч.», т. IX). Первые два стиха приводят на память слова И. С. Тургенева: «Луна уже встала на небосклоне, красная и широкая, как медный щит» («Новь», ч. I, гл. 10).

На Пасхе (стр. 461). Впервые — альманах «Цевница» I (1915), под заглавием: «Гармоника». К 1910 г. относятся третья и

четвертая строфы; первая и вторая были написаны в мае 1914 г. В черновике (1910 г.) — помета: «Что я слышу в окно на Пасхе под гармонику; дворники будто поют».

«Когда-то гордый и надменный» (стр. 461). Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 6 марта (под заглавием: «Тоска»). Окончательный текст — 24 декабря 1913 г.

«Где отдается в длинных залах» (стр. 462). Впервые — «Свободным художествам», 1910, № 1 (под заглавием: «Хоровод»).

«Сегодня ты на тройке звонкой» (стр. 463). Впервые — «Русская мысль», 1910, № 11 (под заглавием: «Большая дорога»). Черновой набросок относится к марту—июлю 1909 г.

«В неуверенном, зыбком полете» (стр. 463). Впервые — «Собр. стих.», кн. III (под заглавием: «Аэроплан»). См. выше, на стр. 721, примечание к стихотворению «Авиатор».

«Без слова мысль, волненье без названья» (стр. 464). Впервые — «Заветы», 1912, № 8.

«Ветр налетит, завоет снег» (стр. 464). Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. Первоначальный черновой набросок относится к поздней осени 1910 г. В рукописи — помета: «Восп[оминание] об Удельном лесе у полотна Ф[инляндской] ж. д.», а в записной книжке 1910 г. имеется такая запись от 19 декабря: «Тот же лес, почти ночь — и девочка поет в лесу. За снегом еле видны семафоры. Поезда ходят уже по высокой насыпи. Ланская неузнаваема» (с рукописи). Воспоминание Блока касалось стихотворения «Милый брат! Завечерело» (стр. 202), написанного за шесть лет до того, 13 января 1906 г., в котором также отразился пейзаж возле станции Ланской (под Петербургом).

«Шар раскаленный, золотой» (стр. 465). Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. *Садовской* Борис Александрович (1881—1945) — поэт, беллетрист, критик и историк литературы, примыкавший к символистам.

«Сквозь серый дым от краю до краю» (стр. 465). Впервые — «Приазовский край», 1915, 1 января. Окончательный текст — 1913 г.

«Есть минуты, когда не тревожит» (стр. 466). Впервые — «Русская молва», 1912, 9 декабря.

«Болотистым, пустынным лугом» (стр. 466). Впервые — «Русская мысль», 1914, № 1. Дата в рукописи: сентябрь — октябрь 1912 г. Об этом стихотворении Блок писал Л. Я. Гуревич 8 и 11 декабря 1913 г., что оно ему «кажется лучшим из всех, которые сейчас у меня есть»: «Я в нем люблю все строки, кроме третьей от конца, с которой еще не умею ничего сделать» («Новый мир»,

1932, № 5, стр. 206). Следов переработки указанной строки — в рукописи нет.

Испанке (стр. 467). Впервые — «Северные записки», 1914, № 3. Первоначальный набросок относится к лету 1912 г.

«В небе — день, всех ночей суеверней» (стр. 468). Впервые — «Северные записки», 1914, № 3 (под заглавием: «Белая ночь»). Первоначальный набросок относится к лету 1912 г.

«В сыром ночном тумане» (стр. 468). Впервые — «Русская молва», 1913, 3 марта (под заглавием: «Наваждение»). Черновой набросок относится к июлю — августу 1909 г.

Седое утро (стр. 469). Впервые — альманах «Сирин» III (1914), где между стихами 12 и 13 — еще четыре:

«Любила, барин, я тебя...
Цыганки мы — народ рабочий...»
И, вполовину разлюбя,
Смотрю в тускнеющие очи.

В рукописи — вариант заглавия: «Разлука». Эпиграф — из стихотворения И. С. Тургенева «В дороге», ставшего популярным романсом. В основу стихотворения, может быть, легло воспоминание об эпизоде, описанном Блоком в июле 1911 г. в письмах к матери и В. А. Пясту и в записной книжке (см. «Письма к родным» II, стр. 144; Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923, стр. 95; «Записные книжки», стр. 154).

«Есть времена, есть дни, когда» (стр. 470). Впервые — «Русская мысль», 1915, № 1. В черновике — помета: «Как „заржавели" стихи. Долго не писал. Это — не оригинально. Дописано (если дописано) 22 XI 1913».

«Я вижу блеск, забытый мной» (стр. 470). Впервые — альманах «Сирин» III (1914), под заглавием: «На бале». В черновике служило продолжением следующего стихотворения («Ты говоришь, что я дремлю»). Было вызвано, очевидно, воспоминанием о К. М. Садовской.

«Ты говоришь, что я дремлю» (стр. 471). Впервые — «Отечество», 1914, № 7.

«Ваш взгляд — его мне подстеречь» (стр. 472). Впервые — «Отечество», 1915, № 12.

«Натянулись гитарные струны» (стр. 472). Впервые — «Отечество», 1915, № 14 (под заглавием: «Цыганка»). В рукописи посвящено *К. К. П.*, то есть упомянутой в тексте *Ксюше* — цыганской певице Ксении Прохоровой (см. о ней в «Письмах к родным» II, стр. 220 и 224).

«Ты — буйный зов рогов призывных» (стр. 473). Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 21 декабря (под заглавием: «Неотступное»). Первоначальный набросок относится к июню 1908 г. В черновике 1913 г. озаглавлено: «Кому-то».

«Как день, светла, но непонятна» (стр. 473). Впервые — «Новый журнал для всех», 1915, № 1 (под заглавием: «Она»). Первоначальный набросок датирован 24 декабря 1907 г., осенью 1909 г. Блок возвращался к нему, но дописал стихотворение только в 1914 г.

«Петербургские сумерки снежные» (стр. 474). Впервые — «Вершины», 1914, № 1. Окончательный текст — 14 мая 1914 г. В рукописи посвящено Л. А. Д[ельмас] (см. о ней ниже, примечания к циклу «Кармен»).

«Смычок запел. И облак душный» (стр. 474). Впервые — альманах «Артист — солдату» (1915), под заглавием: «Скрипка». Первоначальный набросок датирован 27 декабря 1908 г.

«Ты жил один! Друзей ты не искал» (стр. 475). Впервые — «Голос жизни», 1915, № 16 (под заглавием: «Один»).

«Превратила всё в шутку сначала» (стр. 475). Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 24 июля (под заглавием «Она»).

«Та жизнь прошла» (стр. 476). Впервые — «Вершины», 1914, № 1. Первоначальный набросок датирован 15 августа 1910 г.

«Была ты всех ярче, верней и прелестней» (стр. 476). Впервые — «Вершины», 1914, № 1. Первоначальный набросок относится к лету 1910 г.

«Разлетясь по всему небосклону» (стр. 477). Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 28 декабря. Первоначальный набросок — 11 декабря 1908 г., окончательный текст — 25 декабря. В черновике 1914 г. — помета: «Нет, это фальшиво и надо бросить. Само положение ложно». В рукописи озаглавлено: «Художник».

«Он занесен — сей жезл железный» (стр. 477). Впервые — «Огонек», 1914, № 52.

«Пусть я и жил, не любя» (стр. 477). Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 1 января. В пятой строке — отзвук стиха Иннокентия Анненского: «Мои — вы, о дальние руки», который очень нравился Блоку (см. «Дневник» I, стр. 109). Обращено (как и два следующих стихотворения) к Л. Д. Блок.

«Протекли за годами года» (стр. 478). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1917, № 1. Окончательный текст — 9 июня 1916 г.

«З а г о р а м и, л е с а м и» (стр. 479). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1917, № 1. Окончательный текст — 9 июня 1916 г. Л. Д. Блок в 1915 г. находилась в Галиции — в качестве сестры милосердия в военном госпитале.

КАРМЕН

(1914)

Стихотворения этого цикла были написаны под впечатлением встречи и знакомства с Любовью Александровной *Андреевой-Дельмас,* оперной актрисой, исполнительницей партии Кармен *(Карменситы)* в одноименной опере Жоржа Бизе. Впоследствии Блок писал, что в марте 1914 г., когда создавался цикл «Кармен», он «отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 г.», когда в течение двух недель была «залпом» написана «Снежная маска» (см. «Собр. соч.», т. VIII, стр. 239). По словам биографа Блока, М. А. Бекетовой, он, впервые увидев Л. А. Дельмас осенью 1913 г. в роли Кармен (в спектакле петербургского Театра Музыкальной драмы), «был сразу охвачен стихийным обаянием ее исполнения и соответствием всего ее облика с типом обольстительной и неукротимой испанской цыганки. Этот тип был всегда ему близок» («Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930, стр. 192). В записной книжке Блока 1914 г. есть такая запись от 12 марта: «Опять мокрый снег. Да, я напишу цикл стихов и буду просить принять от меня посвящение» (с рукописи).

«К а к о к е а н м е н я е т ц в е т» (стр. 480). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. Первоначальный набросок относится к лету 1908 г.; в октябре 1913 г. (то есть до знакомства с Л. А. Дельмас) стихотворение было набросано вчерне почти полностью, а в марте 1914 г. только отделано.

«Н а н е б е — п р а з е л е н ь, и м е с я ц а о с к о л о к» (стр. 480). Впервые — «Дневники писателей», 1914, № 2. Окончательный текст — 5 апреля 1914 г.

«Е с т ь д е м о н у т р а. Д ы м н о - с в е т е л о н» (стр. 481). Впервые — «Дневники писателей», 1914, № 2. Окончательный текст 5 апреля 1914 г.

«Б у ш у е т с н е ж н а я в е с н а» (стр. 481). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. Окончательный текст — 1 апреля 1914 г. Курсивом выделена цитата из либретто оперы «Кармен». *Цунига* и *Хозе* — действующие лица этой оперы.

«С р е д и п о к л о н н и к о в К а р м е н» (стр. 481). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. В рукописи — помета: «Надпись на книге». *Лиллас-Пастья* — действующее лицо в опере «Кармен».

«С е р д и т ы й в з о р б е с ц в е т н ы х г л а з» (стр. 482). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. В одно из представлений «Кармен» Л. А. Дельмас не участвовала в спектакле, а находилась среди зрителей. В записной книжке Блока имеется

такая запись (от 2 марта 1914 г.) о встрече с Л. А. Дельмас в зрительном зале: «Я иду ближайшим проходом. Встречаю суровый взгляд недовольных, усталых, заплывших глаз. Прохожу на свое место (далеко). Не сидится. Я перехожу назад, в темноте, близко от нее, сажусь. Начинаются танцы, сегидилья. Я смотрю налево. Чуткость скоро дает себя знать. Она оглядывается все чаще. Я страшно волнуюсь... Антракт кончается, я сажусь. Ее нет. За занавесом уже голубая ночь (в горах). Она проскальзывает тихо и садится на свое место. Все чаще смотрит в мою сторону. Я вне себя, почти ничего не слушаю...» (с рукописи). *Эскамильо* — действующее лицо в опере «Кармен». Курсивом выделена цитата из либретто оперы.

«Вербы — это весенняя таль» (стр. 483). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. В рукописи озаглавлено: «Вербное воскресенье». В стихотворении речь идет о сувенирах (пучке верб, ячменном колосе и засушенных розах), связанных с воспоминаниями о встречах с Л. А. Дельмас.

«Ты — как отзвук забытого гимна» (стр. 483). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5.

«О да, любовь вольна, как птица» (стр. 484). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. Курсивом выделена цитата из либретто оперы «Кармен».

«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь» (стр. 485). Впервые — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. К этому стихотворению относится заметка Блока в записной книжке от 31 марта 1914 г.: «Важные стихи».

СОЛОВЬИНЫЙ САД
(1915)

(Стр. 487)

Впервые — «Русское слово», 1915, 25 декабря. В рукописи — дата: «(6 января 1914) — 14 октября 1915».

В первом черновике поэмы, относящемся к январю 1914 г., после наброска первых трех главок идет следующий план дальнейшего: «Он услышит чужой язык, испугается, уйдет от нее, несмотря на ее страсти и слезы, и задумается о том, что счастию тоже надо учиться».

Во втором черновике, относящемся к августу 1914 и октябрю 1915 г., в главке VII после третьей строфы — набросок, вводящий в поэму нового персонажа — «старика», которого герой встречает на берегу моря:

Отчего твои волосы седы,
Отчего твои руки в крови?
Ты изведал горькие беды?
— Я изведал объятья любви!

. . . .

Старик равнодушно взглянул

И сказал: «Был здесь прежде рабочий,
Только он, говорят, утонул».

Последние три стиха повторяются также в наброске заключительных строф поэмы:

А с тропинки знакомой и тесной,
Где обрывом кончалась скала,
Подходил человек неизвестный,
Погоняя чужого осла.

На вопрос...
Обернувшись, угрюмо взглянул
И сказал: «Был другой здесь когда-то,
Да уж он, говорят, утонул».

В пейзаже поэмы отразились воспоминания Блока о местечке Гетари в южной Франции (на Бискайском побережье Атлантического океана), где он жил летом 1913 г. Биограф Блока сообщает: «В Гетари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы. Блоки часто проходили мимо нее и видели на скалистом берегу рабочего с киркой и ослом» (М. Бекетова. Александр Блок, изд. 2-е, Л., 1930, стр. 200—201). См. также письма Блока к матери из Гетари, в которых, между прочим, он сообщает: «Я провожу много времени с крабами» («Письма к родным» II, стр. 235—245).

РОДИНА
(1907—1916)

«Ты отошла, и я в пустыне» (стр. 492). Впервые — альманах «Корона» (1908). В рукописи посвящено Л. Д. Блок. В сборнике «Земля в снегу» — эпиграф из Блока же:

Ты в поля отошла без возврата
Да святится Имя Твое!
«Нечаянная Радость»

Галилея — область на севере Палестины, по евангельской легенде — родина Иисуса Христа.

«В густой траве пропадешь с головой» (стр. 492). Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 12 (под заглавием: «На родине»). В сборнике «Земля в снегу» в качестве эпиграфа — латинская пословица: «Parva domus — magna quies» («Малый дом — большой покой»).

«Задебренные лесом кручи» (стр. 493). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 10. Первоначальный набросок относится к октябрю 1907 г. В рукописи — вариант заключительного двустишия:

Несут запуганной России
Весть о чудовищном Христе.

На поле Куликовом (стр. 494). Впервые — альманах «Шиповник» X (1909). Пятое стихотворение датировано в рукописи 27 октября — 23 декабря 1908 г. Очевидно, о нем Блок сообщал матери 23 декабря 1908 г.: «Есть хорошие новые стихи» («Письма к родным», стр. 242). Битва на Куликовом поле, в районе рек Дона и Непрядвы, происшедшая 8 сентября 1380 г. между войском золотоордынского хана Мамая и ратью Дмитрия Донского, закончилась решительной победой русских и сыграла важную роль в освобождении Руси от татарского ига. В «Собр. стих.», кн. III Блок снабдил цикл «На поле Куликовом» следующим примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Как одно из героических событий в жизни русского народа, Куликовская битва занимала видное место в кругу мыслей Блока о судьбах России, о взаимоотношениях народа и интеллигенции, о грядущей революции. В частности, в статье Блока «Народ и интеллигенция» (1908) образы его стихотворного цикла получили такое истолкование: русский стан Дмитрия Донского — это «полуторастамиллионный» народ, неисчислимые силы которого пока еще дремлют в бездействии, а «вражий стан поганой орды» — это «несколько сот тысяч» интеллигентов, не умеющих найти путей к народу. Ср. второе и третье стихотворения цикла со следующим местом статьи: «Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой же гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди. Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина; однако заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле: он услышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына. Над русским станом полыхала далекая и зловещая зарница» («Собр. соч.», т. VIII, стр. 17). Ср. также монолог Германа в V картине драмы «Песня Судьбы» (1908): «Помню страшный день Куликовской битвы. Князь встал с дружиной на холме, земля дрожала от скрипа татарских телег, орлиный клекот грозил невзгодой. Потом поползла зловещая ночь, Непрядва убралась туманом, как невеста фатой. Князь и воевода встали под холмом и слушали землю: лебеди и гуси мятежно плескались, рыдала вдовица, мать билась о стремя сына. Только над русским станом стояла тишина и полыхала далекая зарница... И двинулся с холма сияющий княжеский стяг... Вот зачем я не сплю ночей: я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: „Пробил твой час! Пора!"» На примере цикла «На поле Куликовом» полное подтверждение находят слова Блока: «Я писал сначала стихи, потом пьесу, потом статью — на одну тему» (Н. Павлович. Из воспоминаний об А. Блоке. — «Феникс», кн. I, М., 1922, стр. 156; ср. «Дневник» I, стр. 145).

Россия (стр. 498). Впервые — «Новое слово», 1910, № 1. Приводим этот первопечатный текст:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,

И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Пусть оскуделая природа
О близкой гибели твердит, —
Какая пьяная свобода
В чертах погибельных сквозит!

Жалеть и плакать не умею,
Я крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.

Ну, что ж? Одной заботой боле,
Одною болью и слезой, —
Зато — как вольно в чистом поле
Под угасающей зарей!

Твои болотистые топи
Обманчивы, как ты сама:
Там угля каменного копи,
Там драгоценных камней тьма!

Сулишь ты горы золотые,
Ты дразнишь дивным мраком недр.
Россия, нищая Россия,
Обетованный край твой щедр!

Вон там, где загляделась хата
С обрыва желтого в ручей,
Там дочь твоя в огне заката
Стоит, накрывшись до бровей.

Она пред встречным опускает
Глаза лукавые свои,
Едва дрожа, плечо качает
На коромысле две бадьи.

Ручей бежит, бурля и пенясь.
Взглянула — взором обожгла,
Мы поравнялись, — подбоченясь,
Как лебедь, плавно прочь пошла...

Но невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

В последнем издании третьей книги «Стихотворений» Блок собирался дать этот полный текст стихотворения, но в дальнейшем отказался от своего намерения. В черновом наброске, датированном 2 октября 1908 г., после третьей строфы окончательного текста идет еще одна:

Пускай скудеющие нивы
Устелят красным кирпичом,
И остов фабрики спесивый
Твоим да будет палачом.

Далее идут наброски седьмой — восьмой строф полного (рукописного и первопечатного) текста и еще одна строфа, переходящая в изложенный прозой «план» дальнейшего сюжетного развития:

«Нейдешь ты замуж, не стареешь,
В прекрасном рубище стоишь,
О страшном прошлом не жалеешь,
Легко в грядущее глядишь.
Зимуешь . . . в хате чадной...

А летом рвет загорелыми ногами злаки. О том, как жених ее сосватал, как долго не давалась она жениху. Как сыпала звезды в осенние ночи, как ветром гуляла по хлябям болот. Но как полюбивший ее приколдовал ее, смирил, прижил с ней сына — и таинственный сын растет. А «Россия» смиренно ждет, что скажет сын, и всю свою свободу вложила в него. Ждет у колыбели. А сын растет, просыпается».

«Вот он — ветер» (стр. 499). Впервые — «Наша газета», 1909, 8 февраля.

Осенний день (стр. 499). Впервые — «Сборник Литературного Фонда» (1910). Первоначальный черновой набросок датирован 21 сентября 1908 г.

«Дым от костра струею сизой» (стр. 500). Впервые — альманах «На рассвете» I (1910), под заглавием: «Романс». В рукописи датировано: «Август—сентябрь <1909>. Шахматово». Эпиграф — из цыганского романса; в 1920 г. Блок переписал этот романс в дневник (II, стр. 177).

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?» (стр. 500). Впервые — «Ночные часы» (под заглавием: «Родине»). Окончательный текст — 19 июля 1910 г.

На железной дороге (стр. 501). Впервые — «Новая жизнь», 1911, № 3. В рукописи датировано июнем—июлем 1910 г. В «Собр. стих.», кн. III сопровождено примечанием: «Бессознательное подражание эпизоду из «Воскресения» Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова в бархатном кресле ярко освещенного купэ первого класса». *М. П. Иванова* — сестра Е. П. Иванова, близкого друга Блока, по профессии врач. *Молчали желтые и синие; в зеленых плакали и пели...* — В дореволюционное время вагоны I класса окрашивали в синий цвет, II класса — в желтый и III класса — в зеленый. — Популярность стихотворения сказалась в том, что в декабре 1915 — феврале 1916 г. в Петербурге демонстрировался кинофильм «Не подходите к ней с вопросами (...Вам все равно, а ей довольно)», в постановке Я. А. Протазанова и с участием известного киноактера И. И. Мозжухина, сделанный по темам различных стихотворений Блока. Поэт к постановке этого фильма никакого отношения не имел и протестовал против беспардонного обращения с его произведениями: см. его письма в «Биржевых ведомостях» (вечерний выпуск 1915, № 152 от 11 декабря) и в «Театральной газете» (1915, № 51 от 20 декабря). Ср. В. Вишневский. Александр Блок и кино. — «Искусство кино», 1936, № 9, стр. 49—50.

Посещение (стр. 502). Впервые — альманах «Антология» (1911). Первый черновой набросок, озаглавленный: «Ночная песня», относится к августу 1909 г., второй датирован 17 сентября 1909 г. и 12 января 1910 г., третий — относится к сентябрю—октябрю 1910 г. и прерывается прозаическим текстом, в котором говорится о К. М. Садовской (см. «Записные книжки», стр. 143—144). Эта запись позволяет догадываться, что «Посещение» было вызвано воспоминаниями о К. М. Садовской (см. о ней стр. 682 наст. тома).

«Там неба осветленный край» (стр. 503). Впервые — сборник «Знание» XXXVIII (1912), под заглавием: «Осень». Окончательный текст — 5 мая 1911 г. В сборнике стихов Блока для детей — «Круглый год» (1913) озаглавлено: «Осенняя радость».

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку» (стр. 504). Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. Обращено к Л. Д. Блок. В одном из юношеских стихотворений Блока — «Когда-то долгие печали» (написанном летом 1901 г. и исправленном в марте 1912 и в феврале 1916 г.) имеется такая строфа:

Теперь — за ту младую муку
Я жизнь отдам...
О, если б вновь живую руку
Прижать к губам!

Сны (стр. 504). Впервые — альманах «Огоньки» (1912), под заглавием: «В детской». Было написано не позже 8 октября 1912 г., что устанавливается на основании записи Блока в дневнике.

Новая Америка (стр. 505). Впервые — «Русское слово», 1913, 25 декабря (под заглавием: «Россия»). В этом стихотворении

отразилась сильно увлекавшая Блока идея «великого возрождения» России «под знаком мужественности и воли», признаки которого он видел, между прочим, в подъеме и развитии национальной промышленности, в частности горнозаводской. «Будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств», — писал он несколько позже («Записные книжки», стр. 169). Когда «Новая Америка» была процитирована в передовице журнала «Горнозаводское дело» (1914, № 1, стр. 8329) в качестве произведения, выражающего «светлую животворящую идею огромного значения промышленности», Блок, по свидетельству близко знавшего его человека, «глубоко обрадовался, воочию увидев тут силу воздействия слова, поэзии на действительность» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, П., 1923, стр. 50). С кругом мыслей Блока о «Новой Америке» связан и долго увлекавший его замысел драмы о «фабричном возрождении России» (см. Вл. Орлов. Неосуществленный замысел Александра Блока — драма «Нелепый человек». — «Ученые записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, стр. 234—241). *Новая Америка* в понимании Блока — это поэтический образ будущего мира, «нового света», «Великой Демократии». Он настоятельно подчеркивал, что говорит о *«новой, а не старой Америке»* (см. предисловие к поэме «Возмездие» — стр. 526), то есть не о Соединенных Штатах Северной Америки, но о будущей России, которой предстоит сыграть великую, всемирно-историческую роль в жизни человечества. *Ектенья* — один из разделов православного богослужения. *Орарь* — принадлежность дьяконского облачения (длинная лента, перекинутая через плечо). *Крепь* — здесь в смысле: крепость, неприступное место. *Бунчук* — конский хвост на древке, знак власти украинских гетманов (также и турецких пашей).

«Ветер стих, и слава заревая» (стр. 507). Впервые — «Ежемесячный журнал», 1914, № 10.

Последнее напутствие (стр. 508). Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 26 октября. Черновик датирован 9 — 28 декабря 1913 г. В рукописи — первоначальное заглавие: «Утешение».

«Грешить бесстыдно, непробудно» (стр. 510). Впервые — «Русское слово», 1914, 21 сентября (под заглавием: «Россия»). В рукописи датировано: «30.XII.1913 — 26.V.1914».

«Петроградское небо мутилось дождем» (стр. 510). Впервые — «Русское слово», 1914, 21 сентября (под заглавием: «На войну»). В черновике — наброски продолжения (после восьмой строфы):

И теперь нашей силе не видно конца,
Как предела нет нашим краям.
И твердят о победе стальные сердца,
Приученные к долгим скорбям.

Но за нами — равнины, леса и моря,
И Москва, и Урал, и Сибирь,

Не оттуда грозу нам пророчит заря,
    Заглядевшись на русскую ширь...

Разве тяжким германская тяжесть страшна?
    Тем, чья жизнь тяжела и страшна,
Восходящего солнца страшней тишина —
    Легкий хмель золотого вина.

Разве это последняя в мире война?
    Разве...
Разве эта германская тяжесть страшна
    Тем, кто скорби тяжеле знавал?

«Я не предал белое знамя» (стр. 511). Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 25 декабря. Первая строфа (в несколько иной редакции) была написана еще в декабре 1902 г.

«Рожденные в года глухие» (стр. 512). Впервые — «Аполлон», 1914, № 10. Приводим по черновику (датированному 4 декабря 1913 г.) первоначальный текст стихотворения, в котором полнее раскрывается его тема:

Родившийся в глухие годы
Не помнит детства своего.
Но мы — мы дети дней свободы.
Мы не забыли ничего.

Быть может, старость слишком рано
Стучится в наши двери. Пусть.
Нас старят виденные раны,
Надежд несовершенных грусть.

Мы все — невольно или вольно —
Свидетели великих лет,
Мы знали голос колокольный,
Вы, вновь родившиеся, — нет.

Дни войны и *дни свободы* — русско-японская война и революционные события 1904—1905 гг. *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэтесса, беллетрист и критик, видная представительница символистской литературы, жена Д. С. Мережковского. Блок познакомился с Гиппиус в 1902 г. и поддерживал с нею неровные отношения вплоть до Октябрьской революции, которую Гиппиус встретила с ненавистью. После появления поэмы «Двенадцать» и статьи «Интеллигенция и Революция» она возглавила кампанию бойкота и травли, которыми преследовала Блока контрреволюционная буржуазная интеллигенция. Вскоре Мережковский и З. Гиппиус бежали за границу, где примкнули к активным врагам Советского государства. См. обращенное к З. Гиппиус стихотворение 1918 г. «Женщина, безумная гордячка» (стр. 593) и примечание к нему.

«Дикий ветер» (стр. 513). Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля (под заглавием: «Ветер»). Первоначальный набросок датирован 1 марта 1916 г.

Коршун (стр. 513). Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля. Выделено из черновиков I главы поэмы «Возмездие» (ср. стихи 596—612).

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР
(1918)

Впервые — «Русская мысль», 1915, № 2, с посвящением: «Посвящается моей жене».

«Поет, поет» (стр. 516). Окончательный текст — 27 декабря 1913 г.

«Милый друг, и в этом тихом доме» (стр. 517). Окончательный текст — 26 августа 1914 г. В черновике — помета: «Это написано больше чем за год до войны» (очевидно, имеется в виду первоначальный набросок, до нас не дошедший). *Азраил* — ангел смерти в восточной мифологии.

«Из ничего — фонтаном синим» (стр. 517). Окончательный текст — 26 мая 1914 г. В рукописи — заглавие: «Фейерверк».

«Вспомнил я старую сказку» (стр. 518). Окончательный текст — 26 авуста 1914 г. Сюжет стихотворения восходит к басне Анакреона «Непослушный мальчик»; ближайший источник — сказка Андерсена «Нехороший мальчик» (1835), переложением которой является первая часть стихотворения.

«Было то в темных Карпатах» (стр. 519). Окончательный текст — 26 августа 1914 г. Во всех изданиях, кроме последнего, между 8 и 9 стихами было еще четыре:

Что ж? «Не общественно»? — Знаю.
Что? «Декадентство»? — Пожалуй.
Что? «Непонятно»? — Пускай;
Все-таки вечер прошел.

ВОЗМЕЗДИЕ

Над поэмой «Возмездие» Блок работал в общей сложности (со значительными перерывами) в течение одиннадцати лет — с 1910 по 1921 г. Первоначальный замысел поэмы возник у Блока в начале 1910 г. под впечатлением смерти отца. Повидимому, сразу же по возвращении из Варшавы, с похорон отца, Блок задумал запечатлеть образ этого «интересного, цельного и даже сильного человека» (как назвал он А. Л. Блока в письме к матери от 9 декабря 1909 г.). Первые наброски начала будущей III главы поэмы (приезд героя в Варшаву и смерть А. Л. Блока) датированы 7 июня 1910 г. Наброски эти обрабатывались в течение августа—сентября, когда уже был намечен план поэмы, озаглавленной: «1 декабря 1909 года» (дата смерти А. Л. Блока); впоследствии заглавие было заменено другим: «Отец».

К январю 1911 г. относится вторая редакция будущей III главы, озаглавленная: «Возмездие (Варшавская поэма)» и посвященная сестре поэта — Ангелине Блок (см. эту редакцию в «Собр. соч.», т. V, стр. 171—181). Две главки из этой редакции, не вошедшие в окончательный текст, см. в разделе «Приложения» (стр. 656).

Но вслед за тем план поэмы разросся, тема индивидуальной судьбы отца заменилась более широкой темой — судьбы целого рода, нескольких сменяющих друг друга поколений (см. предисловие к поэме и планы ее, приведенные выше, на стр. 646—651). В начале марта 1911 г. были написаны Пролог и Вступление во II главу, весной и летом — отдельные наброски для I главы. Особенно интенсивно Блок работал над поэмой осенью 1911 г., когда было написано начало I главы и заново переработана глава III. В ноябре 1911 г. Блок записал: «Читал поэму, новую переделку. Совершенно слабо, не годится, неужели ничего не выйдет? Надо *план* и *сюжет*». Следующая запись — от 3 декабря: «Мама дала совет — окончить поэму тем, что «сына» поднимают на штыки на баррикаде. План — 4 части — выясняется: I ч. — «Демон»... II — Детство, III — Смерть отца, IV — Война и революция — гибель сына» («Дневник» I, стр. 46 и 48, ср. планы и заметки Блока от февраля 1913 г. — выше, стр. 647). Через два дня, 5 декабря 1911 г., Блок писал матери: «Твои соображения о баррикаде меня до сих пор поддерживают в хорошем настроении относительно поэмы. Кажется, план готов и вот-вот начну писать» («Письма к родным» II, стр. 187).

Однако в дальнейшем работа над поэмой замедлилась. В 1912 — 1915 гг. Блок только эпизодически возвращался к ней, между прочим, изъял из черновиков поэмы ряд отрывков и переработал их в отдельные стихотворения, опубликованные в газетной и журнальной прессе, а впоследствии вошедшие в цикл «Ямбы».

Следующий этап активной творческой работы над «Возмездием» относится к 1916 г.: 4 июня 1916 г. была полностью закончена I глава.

Наконец, после длительного перерыва, Блок вернулся к поэме в январе и мае—июле 1921 г., пытаясь продолжить II главу и закончить III (эти предсмертные наброски — последнее, что Блок написал в стихах, — в окончательный текст поэмы не входят и помещены в разделе «Приложения», стр. 651 и 658).

При жизни Блока написанная часть поэмы была опубликована полностью, но вразбивку: Пролог и I глава — в «Русской мысли», 1917, № 1; Вступление во II главу — в альманахе «Скрижаль» (1918), III глава с общим предисловием к поэме, написанным в июле 1919 г., — в «Записках мечтателей», 1921, № 2/3. Кроме того, несколько отдельных фрагментов было напечатано раньше — в газетах и альманахах 1914—1915 гг.: 1) «Когда ты загнан и забит» (конец III главы) — в альманахе «Сирин» III (1914); 2) «Народ и поэт» (Пролог — «Жизнь без начала и конца») — в «Русском слове», 1914, 7 апреля; 3) «Два века» (начало I главы — «Век девятнадцатый, железный») — в «Русском слове», 1914, 25 декабря; 4) «Над Варшавой» (из III главы — «Страна под бременем обид») — в «Биржевых ведомостях», 1915, 25 декабря.

В работе над поэмой Блок широко пользовался, кроме семей-

ных преданий своих родных (Бекетовых), документальными историческими материалами об эпохе 1870—1880-х годов. Многое из прочитанного и изученного он законспектировал в особой тетради, которую начал составлять осенью 1911 г. (тетрадь эта целиком спубликована в «Собр. соч.», т. V, стр. 146—157). Из этих «Матерьялов для поэмы» видно, что в круг специального чтения Блока входили исторические работы, как, например: книга С. Татищева об Александре II, «История революционного движения в России» А. Туна, «Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского» М. Лемке, статья П. Щеголева «После 1 марта» («Былое», 1907, № 3), «Общественное движение в России» С. Сватикова и многие другие; также — сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина («Современная идиллия»), обширная мемуарная литература: «Из воспоминаний прошлого» Л. Пантелеева, «Мои воспоминания» В. Мещерского, «Годы скорби» Савинковой, «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского, «Воспоминания» О. С. Любатович («Былое», 1906, № 5—6; отсюда, между прочим, Блок заимствовал, вплоть до деталей, сцену пирушки народовольцев, — см. I главу поэмы); далее — материалы о Турции и русско-турецкой войне 1877—1878 гг., как, например: статья В. Смирнова «Официальная Турция в лицах» («Вестник Европы», 1878, № 1), шеститомный «Сборник военных рассказов 1877—1878 гг.» и мн. др.

Выписки и заметки Блока касаются самых разнообразных событий общественной и литературной жизни 1860—1880-х гг. и различных лиц того времени. Сюда входят детали дворцового быта, Александр II, покушение 1 марта 1881 г., похороны Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыков-Щедрин, Вл. Соловьев, А. Ф. Кони, салон А. П. Философовой, народовольцы, процесс В. Засулич, покушение Каракозова и Осип Комиссаров, студенческие волнения, польское восстание 1863 г., Ишутинский кружок, демонстрация 1876 г. у Казанского собора, тайные типографии, сановники (Победоносцев, Д. Толстой и др.), возвращение гвардии в Петербург из турецкого похода и т. д. и т. п.

Названными выше изданиями круг чтения Блока, конечно, не исчерпывается. Известно, например, что в 1912 г. он «скупил и перечитал очень много книг по истории революционного движения в России», в частности — журналы «Историческая библиотека», «Былое» и «Минувшие годы» (см. «Письма Ал. Блока», Л., 1925, стр. 197 и 210; В. Княжнин. А. А. Блок. П., 1922, стр. 111).

Приводим по рукописи и первопечатным текстам некоторые из наиболее существенных и интересных вариантов к отдельным местам поэмы.

В Прологе, озаглавленном в черновике и в первой публикации: «Народ и поэт», после *стиха 19* («То быстро в воду погрузит») первоначально было:

И лезвее предстанет черным
И млату голос вторит в лад...
(Ведь труд, сопровожденный песней,
Всего нужней, всего чудесней).
Труд кончен. Брошен тяжкий млат.
Он явлен миру — Нотунг верный,

Любимцу вверенный клинок,
И Миме — карлик лицемерный —
В смятеньи падает у ног.

Вариант к *27-28 стихам:*

В стране рабов рожденный раб,
Из тяжкого восставший праха.

В черновике I главы после *стиха 80* («Открылись взору твоему?») — еще двенадцать строк, которыми заканчивался отрывок, напечатанный в 1914 г. в газете «Русское слово» под заглавием: «Два века»:

Как день твой величав и пышен,
Как светел твой чертог, жених!
Нет, то не рог Роланда слышен,
То звук громовый труб иных!
Так, очевидно, не случайно
В сомненьях закалял ты дух,
Участник дней необычайных!
Открой твой взор, отверзи слух —
И причастись от жизни смысла,
И жизни смысл благослови,
Чтоб в тайные проникнуть числа
И храм воздвигнуть — на крови.

Глава I, стихи 596—615. К этому месту поэмы относятся два отдельных наброска. Первый датирован весной 1915 г.:

На белой льдине — моржий клык,
Дельфиний плеск на синем море,
В замшенной раке древний лик
С (неумолимостью) во взоре.
Сибирских рек полночный ход,
Подземных руд глухое пенье,
Святая хмурость вечеров,
Ночей святой свинцовый холод.
. . . . коршун кружит.
Россия губит своих детей.
Как необъятен кругозор.

Второй набросок датирован 23 февраля 1916 г.:

Так на полях твоих, Россия,
Доселе лучшие сыны
. . . . гибнут
Твои любимые, родные
. . . . . . любимцы роковые. . .
Еще своей рукой ты губишь
Того, кого ты нежно любишь.

В первопечатном тексте I главы после *стиха 879* («Герой мой был совсем неправ») идет еще одно четверостишие:

А впрочем, как ни мерь, ни вешай,
Немного можешь ты постичь:
Всех к жизни брачной гонит леший,
Нужна кому-то эта дичь...

В черновике Вступления во II главу (озаглавленном: «Петербург») после *стиха 52* («С семейством едет со двора») — еще восемь:

Старушка радуется — плачет...
На Невском — масляничный вид.
Но камень нá сердце лежит,
И всё — досады, неудачи...
Тут — даме наступил на хвост...
Свернешь в Гостиный двор — всё вейки,
Мастеровые, коцавейки...
Скорей бы хоть Великий Пост!

После *стиха 76* («Зачем над бездной ты возник?») в черновике идут следующие:

Напрасно ангел окрыленный
Над крепостью возносит крест...
Беги от этих зыбких мест,
От площади завороженной
И опрозрачненной зарей!
Здесь незнакомая столица,
Здесь может странный сон присниться,
Пред ним померкнет разум твой...
В те годы мертвые, глухие —
Еще казалось, кое-как,
Что Петербург — глава России...
Но уж Судьба давала знак:

После *стиха 91* («Стоит на головном фрегате») в черновике идут следующие:

Как в страшном сне, но наяву:
Мундир зеленый, рост саженный,
Ужасен выкаченный взгляд;
Одной зарей окровавленны
И Царь, и город, и фрегат...
Царь! Ты опять встаешь из гроба
Рубить нам новое окно?
И страшно: белой ночью — оба —
Мертвец и город — заодно...

(ср. в «Медном всаднике» Пушкина: «Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно»).

Первоначальный текст *стихов 93—95:*

Чтó принесут они России —
Ее великие сыны?
Так снилось в те года глухие

После *стиха 97* («Да и народу не бывало») в черновике идут следующие:

На улицах — в сей дивный миг. . .
Спешил, поднявши воротник,
Домой любовник запоздалый,
Везла чухонка молоко, —
Не до того обоим было. . .
А всё, что правило, служило, —
То почивало глубоко. . .

Черновик заканчивался строфой, связующей Вступление с общим сюжетом поэмы:

А мой герой — был юн и глуп
В те незапамятные годы.
(Ему до самых «дней свободы»
Мамаша в рот вливала суп).

Глава III, стихи 269—288. Очевидно, к этому месту поэмы относится отдельный набросок, датируемый началом августа 1911 г.:

Ну, что ж? Он прав, чудак печальный. . .
. . . .
Случайно людям он однажды
Врата души приотворил. . .
«Он зол и глуп», — подумал каждый,
«Он скучен», — каждый повторил.
И казнь свершилась. В мненьи света
(Он страшен нам . . . . свет)
Он стал — как пришлая комета
Средь узаконенных планет.

(ср. у Пушкина: «Как беззаконная комета в кругу расчисленном светил»).

Во второй редакции III главы *вместо стихов 333—336* были следующие:

Не тем ли пасмурна Варшава,
Что в сей столице поляков
Царит нахальная орава
Военных русских пошляков?
Что строит русские соборы
Какой-нибудь державный вор
Там, где пленял бы граждан взоры
Лишь католический собор?
Что всё, что губернатор скажет,
Есть серый, непроглядный мрак,
И кукиш из кармана кажет
Ему озлобленный поляк?

Заключительные стихи III главы во 2-й редакции были такие:

Свою холодную любовь —
Всё примешь сердцем благодарным,
И всё благословишь в тот миг,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем «Quantum satis» Бранда воли,
А мир — свободен и велик.

Эпиграф к поэме («Юность — это возмездие») — слова Сольнеса из драмы Генрика Ибсена «Строитель Сольнес». Смысл, который Блок вкладывал в эту формулу, раскрыт им в предисловии к поэме.

Предисловие

Стриндберг Август (1849—1912) — шведский писатель, творчество которого Блок высоко ценил. *Милюков* П. Н. (1859—1943) — лидер кадетской партии, идеолог империалистической буржуазии. Статья *«Близость большой войны»* (автор — А. П. Мертваго) была напечатана в газете «Утро России». *Ющинский* Андрей — мальчик, убитый киевскими черносотенцами в провокационных целях инсценировки «ритуального убийства», якобы совершенного евреями; возникшее в связи с этим нашумевшее «дело Бейлиса» явилось одним из наиболее гнусных эпизодов реакционнейшей политики царизма накануне его крушения (дело закончилось оправданием Бейлиса). Блок подписал составленное В. Г. Короленко воззвание, разоблачавшее провокацию черносотенцев и требовавшее оправдания Бейлиса, а когда тот был оправдан, написал заметку «о том, что рад оправдательному приговору» (см. «Записные книжки», стр. 195; заметка Блока не разыскана). *Эпизод «Пантера — Агадир».* — В июле 1911 г. в гавань Агадир (Марокко) вошел германский военный корабль «Пантера», что вызвало резкое обострение франко-германских и англо-германских отношений; одно время общеевропейская война казалась неизбежной. *Столыпин П. А.* (1862—1911) — премьер-министр в годы реакции, жестоко подавлявший революционное движение. *«Rougon-Macquar'*ы» — двадцатитомная серия романов Эмиля Золя, излагающая историю одной семьи. *Марина* — Марина Мнишек, жена первого и второго Лжедимитриев. *Костюшка* Тадеуш (1746—1817) — вождь польского национально-освободительного движения. *Мицкевич* Адам (1798—1855) — великий польский поэт, некоторое время живший в России (в ссылке). *Апухтинские годы* — по имени А. Н. Апухтина (1840—1893), популярного в 80-е годы лирического поэта, часто писавшего в духе и формах «цыганского романса».

Пролог

Стих 17. Зигфрид — герой древнегерманского эпоса «Песня о Нибелунгах».

Ст. 22. Нотунг — сказочный меч Зигфрида. После того как

Зигфрид заново сковал расколотый Нотунг, злой карлик Миме, желавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сам пал от его руки. Весь этот эпизод в Прологе поэмы связан с музыкально-драматическим циклом Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов», который произвел на Блока очень сильное и глубокое впечатление.

Ст. 43—44. Вот голову его на блюде... Имеется в виду библейская легенда о Саломее.

Ст. 57. Денница — упоминаемый в Библии падший ангел, свергнутый с неба за гордыню и злость: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю попиравший народы» («Книга Исайи», XIV, 12). По одной древней легенде, известной Блоку (см. «Дневник» II, стр. 202), Ева родила от Денницы Каина.

Первая глава

Ст. 18. После этой строки в черновике зачеркнута помета: «Когда права личности незаметно передавались массам».

Ст. 20. Рекамье Юлия-Аделаида (1777—1849) — знаменитая красавица, собиравшая в своем салоне множество выдающихся людей своего времени.

Ст. 47. Роланд — доблестный рыцарь, герой французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде».

Ст. 56. Люцифер — одно из библейских прозвищ дьявола.

Ст. 60. Кометы грозной и хвостатой... — См. выше, стр. 739 — примечание к стихотворению «Комета».

Ст. 61. В 1908 г. южно-итальянский город *Мессина* был разрушен землетрясением.

Ст. 85. Столица севера — Петербург. Далее описано возвращение в Петербург гвардии с русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Ст. 118. Под Плевной, Шипкой и *Горным Дубняком* (в Болгарии) происходили ожесточенные сражения в русско-турецкую войну.

Ст. 147. Ложементы — окопы.

Ст. 167. Корпия — перевязочный материал, употреблявшийся в старину вместо ваты.

Ст. 187. Белый генерал — прозвище генерала М. Д. Скобелева (1843—1882), героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Ст. 198. Штык — здесь: рядовой, солдат.

Ст. 242. Ванька — извозчик.

Ст. 183 и сл. В этой части поэмы Блок, основываясь на мемуарных источниках, описал собрание народовольцев. В *ст. 300—338* изображены С. Л. Перовская (1854—1881) и С. М. Степняк-Кравчинский (1852—1895).

Ст. 321. Наполеоновская бородка — борода особого фасона, введенная в моду французским императором Наполеоном III.

Ст. 365 и сл. Отсюда идет рассказ о родственной Блоку семье Бекетовых.

Ст. 414. Цитата из «Горя от ума» Грибоедова («Ах, боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»).

Ст. 433. «Народная Воля» — журнал (1879—1885), нелегальный орган партии народовольцев.

Ст. 443—473. К этому месту в черновике относится следующая запись от июня 1916 г. (с пометой: «Следовало бы»): «Вставки к I главе. Бабушка играет в карты с Д. И. Менделеевым. «Валет-то, валет!» Дидя <А. Н. Бекетов. — *Вл. О.*> возвращается из заседания, кнут хлопает по крышке кареты. — Тогдашние барышни: тихие, настоящие (в противоп[оложность] современным бесстыдницам). — Тургенев боится, что потерял популярность у молодежи» (ср. «Письма к родным» II, стр. 289).

Ст. 447. Глава семьи — Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902), дед Блока, крупный ученый (ботаник) и видный либеральный общественный деятель, профессор и одно время (1876—1883) ректор Петербургского университета; характеристику его Блок дал в Автобиографии («Собр. соч.», т. I).

Ст. 467—468. Борель — ресторан в Петербурге. *Щедрин* — М. Е. Салтыков-Щедрин, друживший с А. Н. Бекетовым.

Ст. 474 и сл. В семье Бекетовых росло не три, а четыре дочери. Старшая из них — Екатерина Андреевна (писательница) в поэме не упомянута вовсе, а мать Блока — Александра Андреевна — названа «меньшой». В рассказе о замужестве «старшей» сестры — Софьи Андреевны (1857—1919) Блок отступил от истины: она вышла замуж за вполне респектабельного чиновника (А. Ф. Кублицкого-Пиоттух, брата отчима Блока), сделавшего впоследствии успешную карьеру. Из неизданной книги М. А. Бекетовой «Шахматовская хроника» выясняется, что портрет «идеального вихрастого малого» списан Блоком, очевидно, с некоего студента Шитца — типичного «разночинца» 70-х годов. Подробные сведения о сестрах Бекетовых приведены в книгах М. А. Бекетовой: «Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930 и «Ал. Блок и его мать», Л., 1925.

Ст. 476. Кипсэк — книга, иллюстрированная гравюрами.

Ст. 508. Перефразировка заглавия знаменитой статьи Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве».

Ст. 580. Не моего романа — цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума».

Ст. 586. К этому месту поэмы в черновике относится следующая заметка Блока: «Они не из тех, с исступленными глазами, мучеников... Их еще не мало. Но я говорю об одном из них лишь для того, чтобы показать благополучие семьи, и как неожиданно было появление демона».

Ст. 616. Под именем *Анны Вревской* выведена Анна Павловна Философова (1837—1912) — буржуазно-либеральная общественная деятельница.

Ст. 622—623. «Дневник» — «Дневник писателя», периодическое издание, единолично выпускавшееся Ф. М. Достоевским в 1873, 1876—1877 и 1880—1881 гг., в пору его тесного сближения с реакционными правительственными кругами, в частности — с *К. П. Победоносцевым* (1827—1907), обер-прокурором Синода, виднейшим идеологом поповщины, черносотенства и полицейского режима, вдохновителем реакционной политики царизма в 80-е годы.

Ст. 625. Полонский Яков Петрович (1819—1898) — известный поэт, высоко ценившийся Блоком.

Ст. 666 и сл. Отсюда идет рассказ об отце поэта — профессоре Александре Львовиче Блоке (1852—1909). Юрист и философ,

отличавшийся самостоятельностью и широтой воззрений и удивлявший окружающих необъятной, «аристотелевской» эрудицией, он был щедро наделен также и художественными способностями: в молодости писал стихи, глубоко и тонко понимал музыку и сам отлично играл на рояле. Из крайне незначительного по объему научно-литературного наследия А. Л. Блока наибольший интерес представляет книга «Политическая литература в России и о России» (Варшава, 1884), посвященная, в основном, рассмотрению различных концепций русского исторического процесса. Книга эта является своего рода «политической исповедью» убежденного дворянского идеолога, не приемлющего буржуазно-капиталистическую действительность. Главный труд жизни А. Л. Блока, отнявший почти двадцать лет, но все же оставшийся незавершенным, — «Политика в кругу наук» — был посвящен разработке и обоснованию оригинальной теории классификации наук и представлял собою попытку построения целостной философской системы, в основном сводившейся к утверждению первенства знаний гуманитарных перед естественно-научными (теория А. Л. Блока и содержание его работы изложены в книге Е. В. Спекторского «А. Л. Блок, государствовед и философ», Варшава, 1911). При всей своей блестящей и разносторонней одаренности, А. Л. Блок был человеком психически полунормальным, отличавшимся в быту многими странностями и необыкновенно тяжелым характером. Жизненный путь А. Л. Блока, как и весь его внутренний облик, был крайне хаотичен и противоречив. В молодости его «мятежный пыл», красноречие, ирония и своеобразные анархо-максималистские настроения, нашедшие отчасти выражение в его магистерской диссертации («Государственная власть в европейском обществе». СПб., 1880), первоначально приговоренной цензурой к сожжению, доставили ему в дворянском кругу репутацию «радикала» и «богоборца». Но к старости он стал убежденным реакционером и богомольным церковником и кончил тем, что в 1907 г. выставил свою кандидатуру в Государственную думу в списке черносотенного «Союза русских людей» от города Варшавы. Блок отца почти вовсе не знал. А. А. Бекетова рассталась с мужем, когда Блоку было всего несколько месяцев. Блок встречался с отцом от случая к случаю, во время редких приездов его из Варшавы в Петербург, и относился к нему, под влиянием Бекетовых, резко недоброжелательно. Только в декабре 1909 г., после похорон отца, Блок писал матери: «Для меня выясняется внутреннее обличье отца — во многом совсем по-новому. Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры» («Письма к родным», стр. 292). Краткую характеристику отца Блок дал в Автобиографии («Собр. соч.», т. I). Об А. Л. Блоке и его отношениях с сыном см.: Г. Блок. Герои «Возмездия» («Русский современник», 1924, № 3) и В. Измаильская. Проблема «Возмездия» (сборник «О Блоке». М., 1929).

Ст. 754—755. Бенжамен Констан (1767—1830) — французский писатель и политический деятель, идеолог буржуазного либерализма. *Лоренц Штейн* (1815—1890) — немецкий юрист-государствовед; критическому исследованию его теории посвящена книга А. Л. Блока «Государственная власть в европейском обществе»

(1880). А. Л. Блок был поклонником французского писателя *Густава Флобера* (1821—1880) и не только в своих ученых трудах, но даже в деловых бумагах старался подражать языку и стилю флоберовского романа «Мадам Бовари».

Ст. 895. В черновике поэмы к этой строке относится заметка — план окончания I главы: «1 марта — как эпизод. — Он увозит ее. Она возвращается с ребенком и воспитание ребенка (как противопол[ожное] 1 марта) — конец первой части».

Ст. 906—913. 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале в Петербурге по приговору Исполнительного комитета партии «Народная Воля» был казнен Александр II. К этому месту поэмы в черновике относятся две следующие заметки Блока: «Дым этой бомбы надолго заволок всю Россию. Тем временем она вернулась с ребенком», и «Описывать убитого не стоит».

Вторая глава

Ст. 3. О *Победоносцеве* см. выше, стр. 768. Ср. статью Блока «Солнце над Россией» («Собр. соч.», т. IX), где Победоносцев охарактеризован как «старый упырь». Говоря о Красавице-России и Колдуне-Победоносцеве, Блок, возможно, отправлялся от статьи Андрея Белого «Луг зеленый», где читаем: «Пелена черной смерти... занавешивает Россию, эту Красавицу, спавшую доселе глубоким сном... Россия уподоблялась символическому образу спящей пани Катерины <в повести Гоголя «Страшная месть». — *Вл. О.*>, душу которой украл страшный колдун... В колоссальных образах Катерины и старого колдуна Гоголь бессмертно выразил томление спящей родины-Красавицы» (А. Белый. Луг зеленый. М., 1910, стр. 6). По поводу этой статьи Блок писал А. Белому: «Более близкого, чем у тебя о пани Катерине, мне нет ничего» (Ал. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 141).

Ст. 10. К этому стиху в черновике относится помета Блока: «„Усни под говор чудных снов" Лерм[онтова]» (см. «Мцыри», XXIII).

Ст. 30. Куранты — старинные часы с боем, установленные на колокольне собора в Петропавловской крепости.

Ст. 41. Востока страшная заря... — то есть предвестие русско-японской войны 1904 г.

Ст. 51. Царь огромный, водянистый — Александр III.

Ст. 64. «Князь» — в дореволюционное время распространенная кличка татарина-старьевщика.

Ст. 78. Туда, где в море сфинкс глядит... — Имеется в виду один из древних сфинксов, установленных на набережной Невы.

Ст. 90. Державный Основатель — Петр I.

Ст. 108. В черновике имеются следующие три заметки Блока, намечающие план дальнейшего изложения (ср. наброски продолжения II главы на стр. 656 наст. тома):

1. «Девушка под цветущей яблоней (природа). Потом — современная (приоткрытый рот). Так он и бросил, не завершая. Наконец — польская мещанка. Здесь сжег он личное. Ребенок рождается — отца уже нет (все равно)»;

2. «Конец II части:

И почерк незнакомый:
«Смертельно болен ваш отец»;

3. «Глава III. Вторая кончается на том, что сын бывшего демона получает известие о том, что его отец болен смертельно и лежит в Варшавской больнице, в улице по имени „Аллея роз"».

Третья глава

Ст. 11. Имеется в виду памятник великому польскому астроному Копернику, установленный в Варшаве.

Ст. 27. Решетчатые пролеты этого моста напомнили Блоку тюремную решетку.

Ст. 135. В июле 1917 г. Блок записал: «„Чтоб он, воскреснув, встать не мог" (моя), „Чтоб встать он из гроба не мог" (Лермонтов, сейчас вспомнил) — совершенно разные мысли. Общее в них — „содержание", что только доказывает лишний раз, что бесформенное содержание, само по себе, не существует, не имеет веса» («Записные книжки», стр. 197).

Ст. 288. Гарпагон — герой комедии Мольера «Скупой».

Ст. 298. Роберт Шуман (1810—1856) — немецкий композитор, видный представитель музыкального романтизма.

Ст. 303—312. Здесь имеется в виду знаменитая картина художника М. А. Врубеля «Демон», известная в нескольких вариантах. Врубель, будучи в последние годы жизни душевнобольным, лихорадочно искал наилучшего художественного решения образа Демона, писал его множество раз, переделывал и часто портил сделанное.

Ст. 316. По рассказу одного из современников Грибоедова, замысел комедии «Горе от ума» возник у него якобы под впечатлением увиденного сна.

Ст. 358. Новый свет — улица в Варшаве.

Ст. 388. Краковское предместье — улица в Варшаве.

Ст. 398—401. Эти строки в черновике зачеркнуты, с пометой: «Пошлость».

Ст. 431. Саксонский сад — парк в Варшаве.

ДВЕНАДЦАТЬ

Когда Блоку сказали как-то, что «Двенадцать», вероятно, «рождено в муках», что на этом произведении лежит «печать больших творческих усилий», Блок ответил: «Нет, наоборот, это сделано в порыве, вдохновенно, гармонически цельно» (см. «Искусство», Витебск, 1921, № 4/6, стр. 5). Другой мемуарист, со слов Блока, сообщает, что вся поэма была написана в два дня: «Он начал писать ее с середины, со слов: „Уж я ножичком полосну, полосну!" — потому что, как рассказывал он, эти два «ж» в первой строчке показались ему весьма выразительными. Потом перешел к началу и в один день написал почти все: восемь песен, до того места, где сказано: „Упо-

кой, господи, душу рабы твоея... Скучно!» (К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. П., 1924, стр. 25).

Эти свидетельства уточняются данными записной книжки Блока за январь 1918 г., из которых видно, что в его работе над поэмой был длительный перерыв и что, хотя в основном «Двенадцать» были, действительно, написаны в два дня, в целом процесс создания поэмы растянулся на три недели. Впервые Блок упоминает о поэме 8 января: «Весь день — «Двенадцать»... Внутри дрожит»; 15 января отмечено: «Мои «Двенадцать» не двигаются»; под 27 и 28 января отмечена работа над поэмой (очевидно, это и были те два дня, о которых Блок говорил К. И. Чуковскому); 29 января Блок записал: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг... Сегодня я — гений»; и, наконец, 4 (17) февраля: «„Двенадцать" — отделка, интервалы». Таким образом, хронология «Двенадцати» определяется точно: 8 января поэма была начата и 28 января вчерне закончена (эта дата указана и в черновике поэмы).

Вскоре, 18 февраля (3 марта по новому стилю), поэма была напечатана в газете «Знамя труда». В апреле 1918 г. она появилась в журнале «Наш путь» (№ 1), а вслед за тем, в мае, вышла отдельной книжкой (вместе со стихотворением «Скифы»). При жизни Блока поэма вышла еще в трех изданиях в изд-ве «Алконост» (2-е и 3-е в 1918 г., 4-е — в 1921 г.), не считая многих провинциальных и зарубежных изданий, осуществленных без участия автора.

Именно потому, что «Двенадцать» были созданы «в порыве, вдохновенно», черновик поэмы почти не содержит сколько-нибудь существенных вариантов и разночтений сравнительно с печатным текстом, — при обильной, чисто стилистической правке (черновик этот подробно описан в «Собр. соч.», т. V, стр. 111—130). Приводим лишь три варианта:

В главке I шестая строфа («А это кто? — Длинные волосы...» и т. д.) читается в черновике так:

А это кто? Длинные волосы,
Котелок,
И говорит вполголоса:
— Ох, погибла Россия, создатель!
Должно быть — писатель
Вития —
Врет, как пророк.

(В «Собр. соч.», т. V последний стих прочитан неверно).

В главке VIII после стиха 11-го («Полосну, полосну!») в черновике — еще два:

Прямо в брюхо полосну,
Все кишки переверну.

В главке X после стиха 10-го («Золотой иконостас?») в черновике зачеркнута строфа:

Или думать ты оставил,
Поп брюхатый чорта славил.
Напились они, попы,
Нашей крови, как клопы.

Пометы в черновике — в начале VII главки: «*„Двенадцать“*» (человек и стихотворений)», и в X главке: «*И был с разбойником.* Жило двенадцать разбойников». Последняя фраза — измененная цитата из баллады Н. А. Некрасова «О двух великих грешниках» («Кому на Руси жить хорошо», ч. IV).

Круг мыслей, интересов и настроений Блока в дни, когда он писал «Двенадцать», достаточно полно очерчен как в статье его «Интеллигенция и Революция» (написанной тогда же), так и в его дневниковых записях от января 1918 г. Здесь не только отмечены события, о которых упомянуто в поэме (разгон Учредительного собрания, самосуды и проч.), но и запечатлены многие подробности, составившие «пейзаж» поэмы (плакаты на улицах, ветер и снег, «буржуй», беспорядочная стрельба и т. п.).

Известно несколько интересных и важных высказываний Блока о его Октябрьской поэме.

В июне 1919 г. поэт Н. Гумилев в лекции о поэзии Блока сказал, между прочим, что конец «Двенадцати» кажется ему «искусственно приклеенным», что «внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект». Блок ответил на это: «Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: „к сожалению, Христос“» (см. К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. П., 1924, стр. 27—28).

Действительно, в записной книжке и в дневнике Блока есть записи такого рода, относящиеся к февралю—марту 1918 г.: «...не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой»; «Разве я «восхвалял»? <Христа. — *В. О.*> Я только констатировал факт: если вглядеться в столбы мятели *на этом пути,* то увидишь «Исуса Христа». Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак» («Дневник» II, стр. 107 и 112; ср. «Записные книжки», стр. 199).

Приводим также заметку Блока, написанную летом 1918 г. для художника Ю. П. Анненкова, иллюстрировавшего «Двенадцать» и запросившего автора, как он сам понимает образ Христа. Блок ответил: «Самое конкретное, что могу сказать о Христе: белое пятно впереди, белое как снег, и оно маячит впереди, полумерещится — неотвязно; и там же бьется красный флаг, тоже маячит в темноте. Все это — досадует, влечет, дразнит, уводит вперед за пятном, которое убегает» (А. Блок. Полное собрание стихотворений, т. I. Л., 1946, стр. 678; ср. письмо Блока к Ю. П. Анненкову от 12 августа 1918 г., в котором содержатся интересные замечания о поэме и ее персонажах. — А. Блок. Сочинения в одном томе. Л., 1946, стр. 568—569).

Наконец, к апрелю 1920 г. относится специальная записка Блока о «Двенадцати», извлечение из которой см. выше — стр. 661. В том же 1920 г. Блок сказал одному из своих собеседников: «„Двенадцать“ — какие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью» (см. «Русский современник», 1924, № 3, стр. 184).

В IX главке поэмы первая строфа представляет собою вариацию начальных строк популярного народного романса:

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит двурогая луна.

Литературным источником этого романса послужило стихотворение Ф. Н. Глинки «Узник» (его часто приписывали К. Ф. Рылееву).

В X и XI главках стихи *Вперед, вперед, вперед, рабочий народ* — вариация слов известной революционной песни 1890—1900-х годов «Варшавянка» (вольный перевод с польского Г. М. Кржижановского):

Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

СКИФЫ

Впервые — «Знамя труда», 1918, 20 (7) февраля; «Наш путь», 1918, № 1 (апрель).

Это стихотворение Блок написал в течение двух дней — 29 и 30 января 1918 г., сразу же после того, как закончил поэму «Двенадцать». Об общественно-политических настроениях Блока, отразившихся в «Скифах», известное представление дают его записи в дневнике и записных книжках от января 1918 г. Особенно существенны записи от 11 января (когда из газет стало известно о возобновлении советской делегацией мирных переговоров в Брест-Литовске) и от 29 января (когда были начаты «Скифы»).

В эпиграфе Блок допустил ошибку; у Вл. Соловьева: «Панмонголизм! Хоть *слово* дико».

Провал и Лиссабона и Мессины. — Дважды, в XIV и XVIII веках, столица Португалии город Лиссабон был разрушен сильнейшим землетрясением; в 1908 г. такой же участи подвергся южноитальянский город Мессина (см. статьи Блока «Стихия и культура» и «Горький о Мессине» — «Собр. соч.», тт. VIII и IX). *Пестум* — древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX века арабами. *Эдип* — по древнегреческому сказанию, мудрый фиванский царевич, разгадавший загадку злого чудовища Сфинкса и тем самым спасший от гибели Фивы. *Галльский* — здесь: французский. *Гунн* — представитель тюркского кочевого племени, в IV—V веках опустошившего страны Западной Европы; в переносном смысле — варвар, безжалостно уничтожающий культурные ценности.

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1918—1921)

«Женщина, безумная гордячка!» (стр. 593). Впервые — «Собрание сочинений Александра Блока», т. IV. Изд-во «Эпоха», Берлин, 1923 (в сентябре 1920 г. это стихотворение было на-

брано для журнала «Записки мечтателей», где, однако, не появилось). В черновике, датированном 1—6 июня 1918, — вариант третьей строфы:

Но в дали передо мною — море,
Незнакомый очерк новых стран,
Голос ваш бессилен в этом споре,
Вам не переспорить океан...

Обращено к З. Н. Гиппиус (см. о ней выше, стр. 759), которая 31 мая 1918 г. переслала Блоку свою книжку «Последние стихи» (П., 1918), проникнутую духом лютой ненависти к Октябрьской революции. На книжке была сделана стихотворная надпись, адресованная Блоку (она нам неизвестна, поскольку экземпляр книжки не сохранился). На эти стихи Блок решил ответить письмом, черновик которого он вклеил в дневник, но потом передумал и ответил стихами же. «Нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й .. — писал он в этом неотосланном письме. — В наших отношениях всегда было замалчивание чего-то; узел этого замалчивания завязывался все туже, но это было естественно и трудно, как все кругом было трудно, потому что все узлы были затянуты туго — оставалось только рубить. Великий Октябрь их и разрубил» («Дневник» II, стр. 118). *У ирландских скал...* — В стихотворении З. Гиппиус «Почему» («Последние стихи». П., 1918, стр. 48) упоминаются «Ирландия океанная» и «лезвия ее острых скал».

Русский бред (стр. 594). Впервые — «Дневник Ал. Блока. 1917—1921» (1928). Первые шесть строк были записаны в феврале 1918 г., вскоре после того как была закончена поэма «Двенадцать»; остальные — 8 апреля 1919 г. Блок неоднократно возвращался к этому замыслу, продолжающему поставленную в «Двенадцати» тему революционно-сатирического разоблачения старого мира (см. «Записные книжки», стр. 199; «Дневник» II, стр. 110).

На поле Куликовом (стр. 594). Впервые — «Неизданные стихотворения». Было написано по просьбе композитора Ю. А. Шапорина, в дополнение к стихам цикла «На поле Куликовом» (1908 года), на тему которого Шапорин писал кантату. «Хор татар» должен был следовать после первого стихотворения цикла («Река раскинулась»), «Ария невесты» — после второго («Мы, сам друг, над степью в полночь стали»). В черновике «Хора татар» выписана метрическая схема, очевидно указанная композитором. Первая строфа «Арии невесты» заимствована из стихотворения 1905 г. «Я живу в отдаленном скиту».

Две надписи на сборнике «Седое утро» (стр. 596). Впервые — сборник «Памяти Блока» (1922). Первое стихотворение обращено к М. И. Бенкендорф (Закревской), второе — к Л. А. Дельмас. Пятый сборник лирики Блока «Седое утро», вышедший в свет 23 октября 1920 г., объединял стихи, написанные в 1908—1916 гг.

Пушкинскому Дому (стр. 597). Впервые — «Дом искусств», 1921, № 2. Черновик датирован 5 февраля 1921 г. Стихо-

творение было написано для альбома одной из сотрудниц Пушкинского Дома при Академии наук (Е. П. Казанович) за несколько дней до того, как Блок выступил с речью «О назначении поэта» в день 84-й годовщины смерти Пушкина (см. эту речь в «Собр. соч.», т. VIII). По поводу этого стихотворения Блок сказал К. И. Чуковскому: «Я написал, но, кажется, вышло плохо. Я отвык от стихов, не писал уже несколько лет» (К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. П., 1924, стр. 51). *Древний сфинкс* и *Всадник бронзовый* — древнефиванский сфинкс на набережной Невы и памятник Петру I работы Фальконе («Медный всадник»). *Тайная свобода* — слова Пушкина (из стихотворения «К Н. Я. Плюсковой»):

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕВОДОВ

БАЙРОН
(Стр. 601)

В ноябре 1905 — январе 1906 г. Блок перевел пятнадцать стихотворений Байрона для третьего тома собрания его сочинений, издававшегося под редакцией С. А. Венгерова (СПб., 1906). «Отрывок» («Бесплодные места, где был я сердцем молод») Блок включил в свой сборник «Земля в снегу» (в составе цикла «Мэри»).

В неизданных письмах Блока к С. А. Венгерову содержится ряд замечаний по поводу переводов. В частности, 4 января 1906 г. Блок писал: «Два стихотворения переведены размером подлинника («Дневник в Кефалонии» и «Песнь к сулиотам»)... В «Любви и смерти» размер не передан, но перевод мне кажется близким».

Аннслей — поместье родителей Анны (Мэри) Чоурт, в которую был безнадежно влюблен Байрон. *Гарроу* — местечко в Англии, где находилась школа, в которой воспитывался Байрон. *Сули* — город в Албании. *Сулиоты* — греко-албанское горное племя, героически боровшееся за свою свободу и независимость против турецких угнетателей. *Бауа* — боевой клич сулиотов. *Стратиоты* — воины. *Кефалония* — остров в Ионическом море, где Байрон останавливался в 1823 г. на пути в Грецию.

С.-Ш. ЛЕКОНТ
(Стр. 606)

Впервые — «Слово», 1906, 8 мая. Вошло в сборник Блока «Земля в снегу». Стихотворение Себастьяна-Шарля Леконта (род. в 1864) — французского поэта, примыкавшего к группе «парнасцев», взято из его книги «Le sang de Méduse» (Paris, 1906), о которой Блок тогда же написал пространную рецензию, где охарактеризовал творчество Леконта как «образец поэзии, знающей

свои берега, научившейся ткать красивые и тонкие узоры, вышивать по канве пылающего древнего мифа тлеющие индивидуальные завитки», как типично эпигонское явление литературы: «Все у него умно, интересно, и очень приятно знать, что существует такая культурная и выдержанная манера выражения глубоких идей. Только, читая такие благовоспитанные стихи, вы уже ни в коем случае не в праве требовать от них открытий (тем более — откровений), хотя бы индивидуальных». Относительно «Цирцеи» Блок заметил, что в этом стихотворении «просто и глубоко прощание спутников Одиссея с островом Апей и волшебницей Цирцеей» («Собр. соч.», т. X, стр. 288—291). *Цирцея* — по греческой мифологии, волшебница, обольстившая спутников Одиссея и надолго задержавшая их на своем острове. *Киммерия* — по древнегреческим преданиям, изложенным у Гомера, неведомая страна, расположенная на крайнем западе и погруженная в вечный мрак.

ГЕЙНЕ
(Стр. 608)

В январе 1909 г. Блок приступил к переводу стихотворений Гейне, задумав целиком перевести его «Книгу песен». Переведенные им двенадцать стихотворений он частично опубликовал в повременной печати (первое и четвертое — в «Студенческой жизни», 1910, №№ 7 и 8; второе — в «Gaudeamus», 1911, № 2; седьмое и восьмое — в альманахе «Прогресс», 1911 г.), а затем включил особым разделом в свой сборник «Ночные часы» (1911).

По поводу стихотворения «Не знаю, что значит такое» Блок писал С. А. Венгерову 19 ноября 1909 г.: «Позвольте предложить Вам для Сборника Литературного Фонда этот мой перевод знаменитой «Лорелеи». Решаюсь остановиться именно на этом стихотворении, так как в нем мне удалось, кажется, передать все тонкости размера, и, насколько я знаю, впервые» (неизданное письмо).

В 1920—1921 гг. Блок, в связи с редакторской работой над собранием сочинений Гейне, перевел еще несколько его стихотворений и радикально переработал ряд чужих переводов (см. «Собр. соч.», т. VII). Многочисленные статьи и заметки Блока о Гейне сосредоточены в «Собр. соч.», т. XI.

АВЕТИК ИСААКЯН
(Стр. 618)

Стихи Аветика Исаакяна (род. в 1875 г.), ныне крупнейшего поэта Советской Армении, Блок переводил для антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», вышедшей в свет в 1916 г. под редакцией В. Я. Брюсова. Всего Блок перевел двадцать стихотворений. Некоторые из них он предварительно опубликовал в повременной печати. Из вошедших в наше издание переводов к числу их относятся: «Во долине, в долине Сално́ боевой» («Биржевые ведомости», 1916, 20 марта), «Словно молньи луч, словно гром из туч», «Снилось мне — у соленой волны», «Ночью

в саду у меня», «В разливе утренних лучей» и «Схороните, когда я умру» («Летопись», 1916, № 1). Кроме того, пять переводов вошло в «Сборник армянской литературы», под редакцией М. Горького (Изд-во «Парус», П., 1916).

Блок переводил стихи Аветика Исаакяна с большим увлечением и громадной взыскательностью к себе. «Очень извиняюсь, что так долго задерживаю стихи Исаакиана, — писал он 30 ноября 1915 г. И. М. Брюсовой, — это происходит не оттого, что я ими не занимаюсь: напротив, я бьюсь над ними часто, но этот прекрасный поэт невероятно труден для передачи. Пока у меня сделано вчерне около 10-ти стихотворений, я все недоволен переводом» (неизданное письмо, архив В. Я. Брюсова). Посылая В. Я. Брюсову свои переводы, Блок писал 1 декабря 1915 г.: «Вот мой перевод тринадцати стихотворений Исаакиана. Если удастся что-нибудь дополнить или исправить, я сделаю это в корректуре, которую поэтому особенно прошу прислать... Стараясь держаться как можно ближе подлинника, я имел, однако, в виду, что рифма у Исаакиана занимает не первое место, поэтому или опускал ее или добавлял от себя (впрочем, не часто); соблюдать аллитерации стремился, стараясь не пугать ими, памятуя, что поэт — крестьянин и пандухт. Слово «джан» не только сохранил, но еще и от себя прибавил кое-где; очень уж хорошее слово. Обойтись без лишних слов, конечно, старался, но, к сожалению, не всегда мог обойтись без них» («Литературный современник», 1936, № 9, стр. 204).

В тот же день Блок писал сотруднику Брюсова по изданию антологии армянской поэзии: «Не мне судить, как вышло, но должен Вам сказать, что я полюбил этого поэта нежно... Передайте ему, пожалуйста, сердечный привет от переводчика, который старался переложить его стихи на русский язык, возможно, совсем чужой для него. Может быть, и мало из этого вышло, но все-таки переводчик любил и чувствовал поэта, как умел» («На рубеже Востока», Тифлис, 1936, № 1, от 15 января).

Очень высокую оценку творчества Исаакяна находим в письме Блока к А. А. Измайлову от 28 января 1916 г.: «...я не знаю, как вышел перевод, но поэт Исаакиан — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет» («Стройка», 1931, № 20/21, стр. 17; цитирую с исправлением по рукописи).

ПЛУДОНИС

(Стр. 624)

«Реквием» В. Плудониса (1874—1940) — видного латышского поэта, в творчестве которого нашли продолжение демократические традиции передовой латышской литературы XIX века, — Блок перевел для «Сборника латышской литературы», изданного в 1917 г. по инициативе и под редакцией А. М. Горького.

В черновике перевода имеется следующая заметка Блока: «Своеобразный Reqwiems — лютеранский. «Я лютеран люблю богослуженье... сих голых стен, сей храмины пустой...» <стихи Ф. И. Тютчева. — *В. О.*> Никакой надежды за гробом. Нет Имени. Эпиграф Плудон цитирует неточно («Вечерний звон» Козлова). — Хотя издано по-декадентски, — текст простой, почти везде *отчет-*

ливый (мало метафор). Елки, вереск, снег, песок, пустырь, мать, брат, нищета. Не суетно, не гордо».

Стихотворение Плудониса, переведенное Блоком, было написано в 1912 г.

ФИНСКИЕ ПОЭТЫ
(Стр. 628)

Стихи финских поэтов Блок переводил для «Сборника финляндской литературы», изданного в 1917 г. по инициативе А. М. Горького и под редакцией его и В. Я. Брюсова. Три стихотворения, переведенные Блоком («Не страшусь» Л. Онерва, «Марш мертвецов» Н. Рунеберга и «Рабочая песня» З. Топелиуса), были предварительно опубликованы в «Летописи», 1916, № 2.

Л. Онерва (род. в 1882 г.) — финская писательница, испытавшая влияние французского символизма. *Иоганн-Людвиг Рунеберг* (1804—1877) — крупнейший поэт Финляндии, писавший по-шведски; возглавлял национально-патриотическое движение финской интеллигенции. *Закрис Топелиус* (1818—1898) — один из виднейших шведско-финских писателей, поэт, прозаик, драматург, публицист и историк; его сказки Блок читал еще в раннем детстве (см. выше, стр. 650). *Я. Тегенгрен* (род. в 1875 г.) — финский поэт-лирик.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К СТИХОТВОРЕНИЯМ

2. Из примечаний ко второму изданию «Стихов о Прекрасной Даме». Во втором абзаце — цитата из Пушкина («Евгений Онегин»):

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

В первом издании (1905 г.) сборник «Стихи о Прекрасной Даме» включал 93 стихотворения, во втором (1911 г.) — 300 стихотворений, в то время как за годы 1898—1904 Блоком было написано около 750 стихотворений.

3. Набросок предисловия к неосуществленному изданию «Стихов о Прекрасной Даме». Впервые — «Русский современник», 1924, № 3. «Я задумал, как некогда Данте, заполнить пробелы между строками «Стихов о Прекрасной «Даме» простым объяснением событий. Но к ночи я уже устал. Неужели — эта задача уже непосильна для моего истощенного ума?» — записал Блок в тот же день, которым датирован набросок предисловия — 28 (15) августа 1918 г. («Записные книжки», стр. 201). Свои объяснения к стихам Блок предполагал дать в прозе и в беллетристической форме (сообщение Л. Д. Блок). Замысел этот осуществлен не был, но подготовительную работу Блок проделал 17 (30) августа и 29 августа (11 сентября) 1918 г., подробно запи-

сав по памяти события своей жизни с весны 1897 по конец 1901 г. и составив своеобразный автокомментарий к стихам первой половины 1901 г. (см. «Дневник» II, стр. 122—136 и, в более исправной редакции, — «Собр. соч.», т. I, стр. 270—280).

5. Вместо предисловия <к сборнику «Земля в снегу»>. Первый эпиграф взят из неопубликованного стихотворения Л. Д. Блок «Venus ad Cometam», посвященного Н. Н. Волоховой и датированного 15 августа 1907 г. Второй эпиграф (из Аполлона Григорьева), равно как и образ женщины-кометы, часто встречающийся в стихах Блока 1907—1908 гг., также связан с Н. Н. Волоховой, которой посвящено большинство стихотворений, вошедших в сборник «Земля в снегу». Стихи *«Кто скажет нам, что жить мы не умели»* принадлежат Фету («А. Л. Бржесской»). Развитие образа Судьбы — цирковой наездницы — в драме Блока «Песня Судьбы» (см. картину III). Стихи *«Ой, полна, полна коробушка»* взяты из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» (ср. финальную, седьмую картину драмы «Песня Судьбы»).

К ПОЭМЕ «ВОЗМЕЗДИЕ»

1. Планы поэмы. Печатаются по рукописям и расположены в порядке перенумерованных Блоком листков, приложенных к черновику I главы поэмы, — за исключением первой заметки (взятой из записной книжки Блока 1911 г.) и последней (приложенной к черновику III главы поэмы). *С вечно смятой розой на груди...* — цитата из стихотворения Блока «Май жестокий с белыми ночами». *Жандармы, рельсы, фонари...* — цитата из III главы «Возмездия». *Вдова Клико* — марка шампанского вина. Стихи *Уж Александр Второй в могиле. На троне — новый Александр* — не были введены Блоком в поэму. *Катков* Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, в молодости либерал, с начала 60-х годов резко изменивший свои взгляды: один из столпов дворянско-монархической реакции 70—80-х годов. *Профессор лучших времен Петербургского университета* — А. Н. Бекетов, дед Блока. *Гроб качается хрустальный* — цитата из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина. *«Кот Мурлыка»* — псевдоним Н. П. Вагнера, автора популярных в свое время «Сказок Кота Мурлыки». *Топелиус* Закрис (1818—1898) — шведско-финский писатель, автор сказок для детей; Блок переводил стихи Топелиуса (см. выше, стр. 632). *Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — фельдмаршал русской армии, военный министр с 1861 по 1881 г., пользовавшийся репутацией либерала. *Страна под бременем обид...* — цитата из III главы «Возмездия».

2. Наброски продолжения Второй главы. *Крупп* — немецкая фирма, основанная в 1811 г., крупнейший военно-металлургический концерн империалистической Германии, снабжавший оружием многие страны. *Бастыльник* — сорная трава, бурьян. *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник философского идеализма, развивавший учение о мире «вечных и неизменных идей» как сфере «истинного бытия».

Гимназия толстовская — по фамилии гр. Д. А. Толстого (1823—1889), реакционного министра народного просвещения (с 1866 по 1880 г.), поставившего во главу угла в гимназическом образовании изучение мертвых языков — греческого и латинского.

3. Часть Третьей главы, опущенная в окончательном тексте. *«Мильон терзаний»* — заглавие статьи И. А. Гончарова, посвященной анализу комедии Грибоедова «Горе от ума». *Врубель «был... печерским богомазом».* — Художник М. А. Врубель в 1884—1889 гг. в Киеве выполнил стенные росписи и иконы для Кирилловской церкви и Владимирского собора.

К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»

Записка о «Двенадцати» впервые была опубликована в сборнике «Памяти Александра Блока», П., 1922 (ср. «Собр. соч.», т. V, стр. 133).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ (1898—1904)

ANTE LUCEM (1898—1900)

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивная) — страницу примечаний.

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901—1902)

РАСПУТЬЯ
(1902—1904)

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ВТОРАЯ
(1904—1908)

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ
(1904 — 1905)

НОЧНАЯ ФИАЛКА
(1906)

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1904—1908)

ГОРОД
(1904—1908)

СНЕЖНАЯ МАСКА
(1907)

Снега

Маски

ФАИНА
(1906—1908)

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ
(1907)

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ТРЕТЬЯ
(1907—1916)

СТРАШНЫЙ МИР
(1909—1916)

ВОЗМЕЗДИЕ
(1908—1918)

ЯМБЫ
(1907—1914)

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ
(1909)

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1908—1916)

АРФЫ И СКРИПКИ
(1908—1916)

КАРМЕН
(1914)

СОЛОВЬИНЫЙ САД
(1915)

РОДИНА
(1907—1916)

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР
(1913)

ВОЗМЕЗДИЕ

ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
(1918—1921)

ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕВОДОВ

БАЙРОН

С.-Ш. ЛЕКОНТ

ГЕЙНЕ

АВЕТИК ИСААКЯН

ПЛУДОНИС

ФИНСКИЕ ПОЭТЫ

Л. ОНЕРВА

И. Л. РУНЕБЕРГ

Н. РУНЕБЕРГ

З. ТОПЕЛИУС

Я. ТЕГЕНГРЕН

ПРИЛОЖЕНИЯ

К СТИХОТВОРЕНИЯМ

К ПОЭМЕ «ВОЗМЕЗДИЕ»

К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»

ПРИМЕЧАНИЯ

БЛОК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *В. П. Друзин*
Художник *И. С. Серов*
Техн. редактор *В. Г. Комм.*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 5/X 1955 г. Подписано в печать 14/XII 1955 г. М 60441. Бумага 84×108/32. Печ. л. 54½ (44,69).+6 вкл. Уч.-изд. л. 41,04. Тираж 25 000. Зак. № 975. Цена 13 р. 95 к.

Ленинградское отделение изд-ва «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. № 28

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3